

Я ♥ читать

Уильям
ГОЛДИНГ

ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ

Современные и классические бестселлеры

Повелитель мух
Уильям Голдинг

Аннотация
Уильям Голдинг. Повелитель мух
Глава первая. Морской рог
Глава вторая. Огонь на горе
Глава третья. Шалаши на берегу
Глава четвертая. Длинные волосы, раскрашенные лица
Глава пятая. Зверь выходит из вод
Глава шестая. Зверь сходит с неба
Глава седьмая. Большие деревья и тени
Глава восьмая. Дар Тьме
Глава девятая. Лицо смерти
Глава десятая. Раковина и очки
Глава одиннадцатая. Замок
Глава двенадцатая. Вопль охотников

Аннотация

”Повелитель мух” – шедевр мировой литературы. Странная, страшная история мальчиков, попавших волею судьбы на необитаемый остров. Мальчиков, заигравшихся в жестокость, охоту, войну. Книга о потайных уголках человеческой души и желании власти. Книга, от которой невозможно оторваться.

Уильям Голдинг
Повелитель мух

Глава первая
Морской рог

Светловолосый мальчик только что одолел последний спуск со скалы и теперь пробирался к лагуне. Школьный свитер он снял и волочил за собой, серая рубашечка на нем взмокла, и волосы налипли на лоб. Шрамом врезавшаяся в джунгли длинная полоса порушенного леса держала жару, как баня. Он спотыкался о лианы и стволы, когда какая-то птица желто-красной вспышкой взметнулась вверх, голося, как ведьма; и на ее крик эхом отозвался другой.

— Эй, — был этот крик, — погоди-ка!

Кусты возле просеки дрогнули, осыпая гремучий град капель.

— Погоди-ка, — сказал голос. — Запутался я.

Светловолосый мальчик остановился и подтянул гольфы автоматическим жестом, на секунду уподобившим джунгли окрестностям Лондона.

Голос заговорил снова:

— Двинуться не дают, ух и цопкие они!

Тот, кому принадлежал голос, задом выбирался из кустов, с трудом выдирая у них свою грязную

куртку. Пухлые голые ноги коленками застряли в шипах и были все расцарапаны. Он наклонился, осторожно отцепил шипы и повернулся. Он был ниже светлого и очень толстый. Сделал шаг, нащупав безопасную позицию, и глянул сквозь толстые очки.

— А где же дядька, который с мегафоном?

Светлый покачал головой:

— Это остров. Так мне, по крайней мере, кажется. А там риф. Может, даже тут вообще взрослых нет.

Толстый оторопел:

— Был же летчик. Правда, не в пассажирском отсеке был, а впереди, в кабине.

Светлый, сощурясь, озирал риф.

— Ну, а ребята? — не унимался толстый. — Они же, некоторые-то, ведь спаслись? Ведь же правда? Да ведь?

Светлый мальчик пошел к воде как можно непринужденней. Легко, без нажима он давал понять толстому, что разговор окончен. Но тот заспешил следом.

— И взрослых, их тут совсем нету, да?

— Вероятно.

Светлый произнес это мрачно. Но тотчас его одолел восторг сбывшейся мечты. Он встал на

голову посреди просеки и во весь рот улыбался опрокинутому толстому.

— Без всяких взрослых!

Толстый размышлял с минуту.

— Летчик этот…

Светлый сбросил ноги и сел на распаренную землю.

— Наверно, нас высадил, а сам улетел. Ему тут не сесть. Колеса не встанут.

— Нас подбили!

— Ну, он-то вернется еще, как миленький!

Толстый покачал головой:

— Мы когда спускались, я — это — в окно смотрел, а там горело. Наш самолет с другого края горел.

Он блуждал взглядом по просеке.

— Это все от фюзеляжа.

Светлый потянулся рукой и пощупал раскромсанный край ствола. На мгновенье он заинтересовался:

— А что с ним стало? Куда он делся?

— Волнами сволокло. Ишь, опасно-то как, деревья все переломаты. А ведь там, небось, ребята были еще.

Он помолчал немного, потом решился.

— Тебя как звать?

— Ральф.

Толстый ждал, что его в свою очередь спросят об имени, но ему не предложили знакомиться; светлый мальчик, назвавшийся Ральфом, улыбнулся рассеянно, встал и снова двинулся к лагуне. Толстый шел за ним по пятам.

— Я вот думаю, тут еще много наших. Ты как — видал кого?

Ральф покачал головой и ускорил шаг. Но наскочил на ветку и с грохотом шлепнулся.

Толстый стоял рядом и дышал, как паровоз.

— Мне моя тетя не велела бегать, — объяснил он, — потому что у меня астма.

— Ассы-ма-какассыма?

— Ага. Запыхаюсь я. У меня у одного со всей школы астма, — сказал толстый не без гордости. — А еще я очки с трех лет ношу.

Он снял очки, протянул Ральфу, моргая и улыбаясь, а потом принялся их протирать замызганной курткой. Вдруг его расплывчатые черты изменились от боли и сосредоточенности. Он утер пот со щек и поскорей нацепил очки на нос.

— Фрукты эти…

Он кинул взглядом по просеке.

— Фрукты эти, — сказал он. — Вроде я…

Он поправил очки, метнулся в сторонку и при-

сел на корточки за спутанной листвой.

— Я сейчас…

Ральф осторожно высвободился и нырнул под ветки. Сопенье толстого тотчас осталось у него за спиной, и он поспешил к последнему заслону, отгораживавшему его от берега. Перелез через поваленный ствол и разом очутился уже не в джунглях.

Берег был весь опушен пальмами. Они стояли, клонились, никли в лучах, а зеленое оперенье висело в стофутовой выси. Под ними росла жесткая трава, вспученная вывороченными корнями, валялись гнилые кокосы и то тут, то там пробивались новорожденные ростки. Сзади была тьма леса и светлый проем просеки. Ральф замер, забыв руку на сером стволе, и щурясь, смотрел на сверкающую воду. Там, наверное, в расстоянии мили лохматилась у кораллового рифа белая кипень прибоя и дальше темной синью стлалось открытое море. В неровной дуге кораллов лагуна лежала тихо, как горное озеро — разнообразно синее, и тенисто-зеленое, и лиловатое. Полоска песка между пальмовой террасой и морем убегала тонкой лукой неведомо куда, и только где-то в бесконечности слева от Ральфа пальмы, вода и берег сливались в одну точку; и, почти видимая

глазу, плавала вокруг жара.

Он соскочил с террасы. Черные ботинки зарылись в песок, его обдало жаром. Он ощутил тяжесть одежды. Сбросил ботинки, двумя рывками сорвал с себя гольфы. Снова вспрыгнул на террасу, стянул рубашку, стал среди больших, как черепа, кокосов, в скользящих зеленых тенях от леса и пальм. Потом расстегнул змейку на ремне, стащил шорты и трусики и, голый, смотрел на слепящую воду и берег.

Он был достаточно большой, двенадцать с лишним, чтоб пухлый детский животик успел подобраться; но пока в нем еще не ощущалась неловкость подростка. По ширине и развороту плеч видно было, что он мог бы стать боксером, если бы мягкость взгляда и рта не выдавала его безобидности. Он легонько похлопал пальму по стволу и, вынужденный наконец признать существование острова, снова упоенно захохотал и стал на голову. Ловко перекувырнулся, спрыгнул на берег, упал на коленки, обеими руками подгреб к себе горкой песок. Потом выпрямился и сияющими глазами окинул воду.

— Ральф…

Толстый мальчик осторожно спустил ноги с террасы и присел на край, как на стульчик.

— Я долго очень, ничего? От фруктов этих…

Он протер очки и утвердил их на носу-пуговке. Дужка уже пометила переносицу четкой розовой галкой. Он окинул критическим оком золотистое тело Ральфа, потом посмотрел на собственную одежду. Взялся за язычок молнии, пересекающей грудь.

— Моя тетя…

Но вдруг решительно дернул за молнию и потянул через голову всю куртку.

— Ладно уж!

Ральф смотрел на него искоса и молчал.

— По-моему, нам надо все имена узнать, — сказал толстый. — И список сделать. Надо созвать сбор.

Ральф не клюнул на эту удочку, так что толстому пришлось продолжить.

— А меня как хочете зовите — мне все равно, — открылся он Ральфу, — лишь бы опять не обозвали, как в школе.

Тут уж Ральф заинтересовался:

— А как?

Толстый огляделся, потом пригнулся к Ральфу. И зашептал:

— Хрюша — во как они меня обозвали.

Ральф зашелся от хохота. Даже вскочил.

— Хрюша! Хрюша!

— Ральф! Ну, Ральф же!..

Хрюша всплеснул руками в ужасном предчувствии:

— Я сказал же, что не хочу…

— Хрюша! Хрюша!

Ральф выплясал на солнцепек, вернулся истребителем, распластав крылья, и обстрелял Хрюшу:

— У-у-уф! Трах-тах-тах!

Плюхнулся в песок у Хрюшиных ног и все заливался:

— Хрюша!!

Хрюша улыбался сдержанно, радуясь против воли хоть такому признанию.

— Ладно уж. Ты только никому не рассказывай…

Ральф хихикнул в песок.

Снова на лице у Хрюши появилось выражение боли и сосредоточенности.

— Минуточку…

И он бросился в лес. Ральф поднялся и затрусил направо.

Там плавный берег резко перебивала новая тема в пейзаже, где господствовала угловатость; большая площадка из розового гранита напролом

врубалась в террасу и лес, образуя как бы подмостки высотой в четыре фута. Сверху площадку припорошило землей, и она поросла жесткой травой и молоденькими пальмами. Пальмам не хватало земли, чтобы как следует вытянуться, и, достигнув футов двадцати роста, они валились и сохли, крест-накрест перекрывая площадку стволами, на которых очень удобно было сидеть. Пока не рухнувшие пальмы распластали зеленую кровлю, с исподу всю в мечущемся плетеве отраженных водяных бликов. Ральф подтянулся и влез на площадку, в прохладу и сумрак, сощурил один глаз и решил, что тени у него на плече в самом деле зеленые. Он прошел к краю площадки над морем и заглянул в воду. Она была ясная до самого дна и вся расцвела тропическими водорослями и кораллами. Сверкающим выводком туда-сюда носились рыбешки. У Ральфа вырвалось вслух на басовых струнах восторга:

— Потряса-а-а!

За площадкой открылось еще новое чудо. Какие-то силы творенья — тайфун ли то был или отбушевавшая уже у него на глазах буря — отгородили часть лагуны песчаной косой, так что получилась глубокая длинная заводь, запертая с дальнего конца отвесной стеной розового гра-

нита. Ральф, уже наученный опытом, не решался по внешнему виду судить о глубине бухты и готовился к разочарованью. Но остров не обманул, и немыслимая бухта, которую, конечно, мог накрыть только самый высокий прилив, была с одного бока до того глубокая, что даже темно-зеленая. Ральф тщательно обследовал ярдов тридцать и только потом нырнул. Вода оказалась теплее тела, он плавал как будто в огромной ванне.

Хрюша снова был тут как тут, сел на каменный уступ и завистливо разглядывал зеленое и белое тело Ральфа.

— А ты ничего плаваешь!

— Хрюша.

Хрюша снял ботинки, носки, осторожно сложил на уступе и окунул ногу одним пальцем.

— Горячо!

— А ты как думал?

— Я вообще-то никак не думал. Моя тетя…

— Слыхали про твою тетю!

Ральф нырнул и поплыл под водой с открытыми глазами: песчаный край бухты маячил, как горный кряж. Он зажал нос, перевернулся на спину, и по самому лицу заплясали золотые осколки света. Хрюша с решительным видом стал стягивать шорты. Вот он уже стоял голый, белый

и толстый. На цыпочках спустился по песку и сел по шею в воде, гордо улыбаясь Ральфу.

— Да ты что? Плавать не будешь?

Хрюша покачал головой:

— Я не умею. Мне нельзя. Когда астма…

— Слыхали про твою какассыму!

Хрюша снес это с достойным смирением.

— Ты вот здорово плаваешь!

Ральф дал задний ход к берегу, набрал в рот воды и выпустил струйку в воздух. Потом поднял подбородок и заговорил.

— Я с пяти лет плавать умею. Папа научил. Он у меня капитан второго ранга. Как только его отпустят, он приедет сюда и нас спасет. А твой отец кто?

Хрюша вдруг покраснел.

— Папа умер, — пролепетал он скороговоркой. — А мамка…

Он снял очки и тщетно поискал, чем бы их протереть.

— Меня тетенька вырастила. У ней кондитерская. Я знаешь, сколько сладкого ел! Сколько влезет. А твой папа нас когда спасет?

— Сразу, как только сможет.

Хрюша, струясь, выбрался из воды и голый стал протирать носком очки. Единственный звук, про-

бивавшийся к ним сквозь жару раннего часа, был тяжелый, тягучий гул осаждавших риф бурунов.

— А почему он узнает, что мы тут?

Ральф нежился в воде. Перебарывая, затеняя блеск лагуны, как кисея миража, его окутывал сон.

— Почему он узнает, что мы тут?

«Потому что, — думал Ральф, — потому что — потому». Гул бурунов отодвинулся в дальнюю даль.

— На аэродроме скажут.

Хрюша покачал головой, надел очки и сверкнул стеклами на Ральфа.

— Нет уж. Ты что — не слыхал, что летчик говорил? Про атомную бомбу? Все погибли.

Ральф вылез из воды, встал, глядя на Хрюшу и сосредоточенно соображая.

Хрюша продолжал свое:

— Это же остров, так?

— Я на гору влезал, — протянул Ральф. — Кажется, остров.

— Все погибли, — сказал Хрюша. — И это остров. И никто ничего не знает, что мы тут. И папаша твой не знает, никто.

Губы у него дрогнули и очки подернулись дымкой.

— И будем мы тут, пока перемрем.

От этих слов жара будто набрякла, навалилась тяжестью, и лагуна обдала непереносимым сверканьем.

— Пойду-ка, — пробормотал Ральф, — там вещи мои.

Он бросился по песку под нещадными, злыми лучами, пересек площадку и собрал раскиданные вещи. Снова надеть серую рубашечку оказалось до странности приятно. Потом он поднялся в уголок площадки и сел на удобном стволе в зеленой тени. Прибрел и Хрюша, таща почти все свои пожитки под мышкой. Осторожно сел на поваленный ствол возле небольшого утеса против лагуны; и на нем запрыгали путаные блики.

Он опять заговорил.

— Надо их всех искать. Надо чего-то делать.

Ральф не отвечал. Тут был коралловый остров. Укрывшись в тени, не вникая в прорицания Хрюши, он размечтался сладко.

Хрюша не унимался:

— Сколько нас тут всех?

Ральф встал и подошел к Хрюше.

— Не знаю.

То тут, то там ветерок рябил натянутую под дымкой жары гладкую воду. Иногда он задувал

на площадку, и тогда пальмы перешептывались, и свет стекал кляксами им на кожу, а по тени порхал на блестящих крылышках.

Хрюша смотрел на Ральфа. На лице у Ральфа тени опрокинулись, сверху оно было зеленое, снизу светлое от блеска воды. Солнечное пятно застряло в волосах.

— Надо делать чего-то.

Ральф смотрел на него, не видя. Наконец-то нашлось, воплотилось столько раз, но не до конца рисовавшееся воображению место. Рот у Ральфа расплылся в восхищенной улыбке, а Хрюша отнес эту улыбку на свой счет, как знак признанья, и радостно захохотал.

— Если это правда остров…

— Ой, что это?

Ральф перестал улыбаться и показывал на берег. Что-то кремовое мерцало среди лохматых водорослей.

— Камень.

— Нет. Раковина.

Хрюша вдруг закипел благородным воодушевлением.

— Точно. Ракушка это. Я такую видал. На заборе у одного. Только он звал ее рог. Задудит в рог — и сразу мама к нему выбегает. Они жуть как

дорого стоят.

У Ральфа под самым боком повис над водою росток пальмы. Хилая земля все равно уже вздулась из-за него комом и почти не держала его. Ральф выдернул росток и стал шарить по воде, и от него в разные стороны порхнули пестрые рыбки. Хрюша весь подался вперед.

— Тихо! Разобьешь…

— А, да ну тебя.

Ральф говорил рассеянно. Конечно, раковина была интересной, красивой, прекрасной игрушкой; но манящие видения все еще заслоняли от него Хрюшу, которому среди них уж никак не могло быть места. Росток выгнулся и загнал раковину в водоросли. Ральф, используя одну руку как опору рычага, другой рукой нажимал на деревцо, так что мокрая раковина поднялась и Хрюше удалось ее выловить.

Наконец можно было потрогать раковину, и теперь-то до Ральфа дошло, какая это прелесть. Хрюша тараторил: -…рог. Жуть какой дорогой… Ей-богу, если бы покупать, так это тьму-тьмущую денег надо выложить… он у них в саду на заборе висел, а у моей тети…

Ральф взял у Хрюши раковину, и ему на руку вытекла струйка. Раковина была сочного кремо-

вого цвета, кое-где чуть тронутого розоватым. От кончика с узкой дырочкой к разинутым розовым губам легкой спиралью вились восемнадцать сверкающих дюймов, покрытых тонким тисненым узором. Ральф вытряхнул песок из глубокой трубы. -…получалось как у коровы, — говорил Хрюша, — и еще у него белые камушки, а еще в ихнем доме птичья клетка и попугай зеленый живет. В белый камушек, ясно, не подуешь, вот он и говорит…

Хрюша задохнулся, умолк и погладил блестящую штуку в руках у Ральфа.

— Ральф!

Ральф поднял на него глаза.

— Мы ж теперь можем всех созвать. Сбор устроить. Они услышат и прибегут…

Он, сияя, смотрел на Ральфа.

— Ты для этого, да? Для этого рог из воды вытащил?

Ральф откинул со лба светлые волосы.

— Как твой приятель в него дул?

— Он вроде как плевал туда, — сказал Хрюша. — А мне тетя не велела, из-за астмы. Вот отсюдова, он говорил, надо дуть. — Хрюша положил ладонь на свое толстое брюшко. — Ты попробуй, а, Ральф. И всех скликаешь.

Ральф с сомненьем приложился губами к узкому концу раковины и дунул. В раковине зашуршало — и только. Ральф стер с губ соленую воду и снова дунул, но опять раковина молчала.

— Он вроде как плевал.

Ральф сделал губы трубочкой, впустил в раковину струйку воздуха, и раковина будто пукнула в ответ. Оба покатились со смеху, и в промежутках между взрывами смеха Ральф еще несколько минут подряд извлекал из раковины эти звуки.

— Он вот отсюдова дул.

Ральф наконец-то понял и выдохнул всей грудью. И сразу раковина отозвалась. Густой, резкий гул поплыл под пальмами, хлынул сквозь лесные пущи и эхом откатился от розового гранита горы. Птицы тучами взмыли с деревьев, в кустах пищала и разбегалась какая-то живность.

Ральф отнял раковину от губ.

— Вот это да!

Собственный голос показался ему шепотом после оглушающих звуков рога. Он приложил его к губам, набрал в легкие побольше воздуха и дунул опять. Загудела та же нота, но Ральф поднатужился, и нота взобралась октавой выше и стала уже пронзительным, надсадным ревом. Хрюша что-то кричал, лицо у него сияло, сверка-

ли очки. Вопили птицы, разбегались зверюшки. Потом у Ральфа перехватило дух, звук сорвался, упал на октаву ниже, вот он споткнулся, ухнул и, прошуршав по воздуху, замер.

Рог умолк — немой, сверкающий бивень; лицо у Ральфа потемнело от натуги, а остров звенел от птичьего гомона, от криков эха.

— Его жуть как далеко слыхать.

Ральф отдышался и выпустил целую очередь коротких гудочков.

Вдруг Хрюша заорал:

— Глянь-ка!

Среди пальм ярдах в ста по берегу показался ребенок. Это был светлый крепыш лет шести, одежда на нем была порвана, а личико перемазано фруктовой жижей. Он спустил штаны с очевидной целью и не успел как следует натянуть. Он спрыгнул с пальмовой террасы в песок, и штанишки сползли на щиколотки; он их перешагнул и затрусил к площадке. Хрюша помог ему вскарабкаться. А Ральф все дул, и уже в лесу слышались голоса. Мальчуган присел на карточки и снизу вверх блестящими глазами смотрел на Ральфа. Убедившись, что тот, очевидно, не просто так развлекается, а занят важным делом, он удовлетворенно сунул в рот большой палец

— единственный оставшийся чистым.

Над ним склонился Хрюша:

— Тебя как звать?

— Джонни.

Хрюша пробормотал имя себе под нос, а потом прокричал Ральфу, но тот и бровью не повел, потому что все дул и дул. Он упивался мощью и роскошью извлекаемых звуков, лицо раскраснелось, и рубашка трепыхалась над сердцем.

Крики из лесу приближались.

Берег ожил. Дрожа в горячих струях воздуха, он укрывал вдалеке множество фигурок; мальчики пробирались к площадке по каленому глухому песку. Трое малышей не старше Джонни оказались удивительно близко — объедались в лесу фруктами. Кто-то щуплый и темный, чуть помоложе Хрюши, выбрался из зарослей и залез на площадку, радостно всем улыбаясь. Шли еще и еще. По примеру простодушного Джонни садились на поваленные стволы и ждали, что же дальше. Ральф продолжал выпускать отдельные пронзительные гудки. Хрюша обходил толпу, спрашивал, как кого зовут, и морщился, запоминая. Дети отвечали ему с той же готовностью, как отвечали взрослым с мегафонами. Кое-кто был голый — те держали одежду под мышкой, кто-то

был полуодет, другие даже одеты, в школьных формах, серых, синих, коричневых — кто в свитерке, кто в курточке. Тут были эмблемы и даже девизы, полосатые гольфы, фуфаечки. Зеленая тень укрывала головы, головы русые, светлые, черные, рыжие, пепельные; они перешептывались, лепетали, они во все глаза глядели на Ральфа. Недоумевали. И ждали.

Дети парами и поодиночке показывались на берегу, выныривая из-за дрожащего марева. И тогда взгляд сначала притягивался к пляшущему на песке черному упырю и лишь затем поднимался выше и различал бегущего человека. Упыри были тени, сжатые отвесным солнцем в узкие лоскутья под торопливыми ногами. Ральф еще дул в рог, а к площадке над бьющимися черными лоскутьями уже неслись двое последних. Двое круглоголовых мальчиков с волосами, как пакля, повалились ничком и, улыбаясь и тяжко дыша, как два пса, смотрели на Ральфа. Они были близнецы и до того одинаковы, что в это забавное тождество просто не верилось. Дышали в лад, улыбались в лад, оба здоровые и коренастые. Губы у близнецов были влажные, на них будто не хватило кожи, и потому у обоих смазались контуры профиля и не закрывались рты. Хрюша склонился над ними,

сверкая стеклами очков, и между кличами рога слышно было, как он заучивает имена:

— Эрик, Сэм, Эрик, Сэм.

Скоро он запутался; близнецы трясли головами и тыкали друг в друга пальцами под общий хохот.

Наконец Ральф перестал дуть и сел, держа рог в руке и уткнувшись подбородком в коленки. Замерло эхо, а с ним вместе и смех, и настала тишина.

Из-за блестящего марева на берег выползало черное что-то. Ральф первый увидел это черное и не отрывал от него взгляда, пока все не посмотрели туда же. Но вот непонятное существо выбралось из-за миражной дымки, и сразу стало ясно, что чернота на сей раз не только от тени, но еще от одежды. Существо оказалось отрядом мальчиков, шагавших в ногу в две шеренги и странно, дико одетых. Шорты, рубашки и прочий скарб они несли под мышкой; но всех украшали черные квадратные шапочки с серебряными кокардами. От подбородка до щиколоток каждого укрывал черный плащ с длинным серебряным крестом по груди слева и наверху с треугольным жабо. От тропической жары, спуска, поисков пищи и вот этого потного перехода под палящим

небом лица у них темно лоснились, как свежепромытые сливы. Вожак отряда был облачен точно так же, только кокарда золотая. Ярдах в десяти от площадки его люди по команде встали, задыхаясь, обливаясь потом, качаясь под нещадными лучами. Сам он отделился от них, вспрыгнул на площадку в разлетающемся плаще и со света щурился в почти непроглядную темень.

— Где человек с трубой?

Ральф догадался, что после солнца ему ничего не видно.

— Человека с трубой тут нет. Это всего лишь я.

Мальчик подошел к Ральфу вплотную, сверху глянул на него и скроил недовольную мину. Вид светловолосого мальчишки с кремовой раковиной на коленях его, кажется, не впечатлил. Он сразу отвернулся, взмахнув черными полами.

— Значит, и корабля нет?

Под взметнувшимся плащом он был тощий, высокий, костлявый, из-под черной шапочки выбились рыжие волосы. Лицо, все в веснушках и складках, было противное, но не глупое. И на этом лице горели голубые глаза, в них металась досада и вот-вот могла вспыхнуть злость.

— Значит, взрослых нет?

Ральф ответил, уже ему в спину:

— У нас собрание. Присоединяйтесь.

Мальчики в плащах начали ломать строй. Высокий на них прикрикнул:

— Хор! Стоять смирно!

Устало, покорно хористы снова втиснулись в строй и, покачиваясь, стояли на солнцепеке. Кое-кто все же отважился хныкать:

— Меридью… Ну, Меридью же, ну, можно мы…

А потом один хлопнулся ничком, и строй смешался. Упавшего взгромоздили на площадку и положили. Меридью посмотрел на него пристально и не утратил выдержки.

— Ладно. Садитесь. А этот — ну его, пускай лежит.

— Но как же, Меридью…

— Он вечно в обморок падает, — сказал Меридью. — И в Аддис-Абебе, и в Гибралтаре. И на утренях плюхался прямо на регента.

Последнее замечание вызвало смешки хористов, которые черными птицами на жердочках обсели поваленные стволы и не сводили глаз с Ральфа. У них Хрюша не стал спрашивать имена. Его устрашило ведомственное превосходство и уверенная начальственность в голосе Меридью. Он притаился за Ральфом и занялся своими очками.

Меридью снова повернулся к Ральфу.

— Значит, здесь нет ни единого взрослого?

— Ну да.

Меридью тоже сел и всех обвел глазами.

— Итак, самим надо выпутываться.

Хрюша из-за плеча у Ральфа позволил себе вставить:

— Поэтому Ральф и созвал сбор. Чтобы решить, чего нам делать. Мы пока что у всех спросили, кого как звать. Вот это Джонни. Эти двое, они близнецы, Сэм и Эрик. Кто Эрик? Ты? Нет, это Сэм…

— Я Сэм…

— А я Эрик.

— Я всем предлагаю познакомиться, — сказал Ральф. — Я, например, Ральф.

— Так мы ведь уже, — сказал Хрюша. — Мы же только что спрашивали.

— Мы не младенцы, — сказал Меридью. — С какой стати мне называться Джеком? Я — Меридью.

Ральф посмотрел на него искоса. Да, это был голос человека серьезного, который знает, чего он хочет.

— Потом этот, — Хрюша уже разогнался, — ой, я забыл…

— Ты чересчур много болтаешь, — сказал Джек Меридью. — Заткнись, Жирняй.

Раздались смешки.

— Вовсе он не Жирняй, — крикнул Ральф, — его истинное имя — Хрюша!

— Хрюша!

— Хрюша!

— Ой, Хрюша!

Тут раздался настоящий взрыв хохота, хохотали все, даже самые маленькие. Смех вдруг сплотил мальчиков, и только Хрюша остался вне этого тесного дружеского кружка. Он залился краской, насупился и опять занялся очками.

Наконец смех замер и продолжалась перекличка. Был тут Морис, второй в хоре по росту после Джека, но плотней; он все время улыбался. Был тощий дичок, которого никто не знал; погруженный в себя, он скрытно держался в сторонке. Пробормотал, что зовут его Роджер, и снова умолк. Билл, Роберт, Харольд, Генри; тот мальчик из хора, который упал в обморок, теперь сел, прислонясь к пальмовому стволу, бледно улыбнулся Ральфу и назвался Саймоном.

Потом Джек сказал:

— Надо решить, как нам спасаться.

Пронесся гул голосов. Совсем маленький маль-

чик — Генри — объявил, что он хочет домой.

— Тише вы, — проговорил Ральф рассеянно. Он поднял рог. — По-моему, чтобы решать, сначала надо выбрать главного.

— Главного! Главного!

— Главным могу быть я, — без обиняков сказал Джек, — потому что я староста и я запеваю в церкви и до-диез могу взять.

Снова гул голосов.

— Ну и вот, — сказал Джек, — я…

Он запнулся. Черненький — Роджер — наконец-то расшевелился, он предложил.

— Давайте проголосуем.

— Ага!

— Голосуем за главного!

Выборы оказались забавой не хуже рога. Джек, было, начал спорить, но кругом уже не просто хотели главного, но кричали о выборах и чуть не все предлагали Ральфа. Никто не знал, почему именно его; что касается смекалки, то уж скорей ее проявил Хрюша, и роль вожака больше подходила Джеку. Но Ральф был такой спокойный, и еще высокий, и такое хорошее было у него лицо; но непостижимее всего и всего сильней их убеждал рог. Тот, кто дул в него, а теперь спокойно сидел на площадке, держа на коленях эту

хрупкую красивую штуку, был, конечно, не то, что другие.

— Который с раковиной!

— Ральфа, Ральфа!

— Пусть с трубой будет главный!

Ральф поднял руку, прося тишины.

— Хорошо. Кто за Джека?

С унылой покорностью поднялись руки хористов.

— Кто за меня?

Руки всех, кто не в хоре, кроме Хрюшиной, тут же взлетели вверх. Хрюша посмотрел, подумал и тоже нехотя потянул руку.

Ральф посчитал:

— Значит, главный — я.

Все захлопали. Хлопал даже хор. Лицо у Джека вспыхнуло от досады, так что исчезли веснушки. Он дернулся, хотел встать, раздумал и снова сел под длящийся грохот рукоплесканий. Ральф смотрел на него, ища, чем бы его утешить.

— Хор, конечно, остается тебе.

— Пусть они будут солдаты!

— Или охотники!

— Нет, лучше пусть…

Веснушки вернулись на лицо Джека. Ральф помахал рукой, прося тишины.

— Джек отвечает за хор. Они будут — ну кто, как ты хочешь?

— Охотники.

Джек и Ральф улыбнулись друг другу с робкой симпатией. И все затрещали наперебой.

Джек встал.

— Ладно, хор. Можете разоблачаться.

Будто их распустили с урока, мальчики повскакивали с мест, загалдели, побросали на траву плащи. Свой Джек расстелил на пальме рядом с Ральфом. Его серые шорты прилипли к телу от пота. Ральф посмотрел на них восхищенно, и, перехватив этот взгляд, Джек объяснил:

— Я гору хотел перейти, поискать воду. А тут твоя раковина.

Ральф улыбнулся и поднял рог, требуя тишины.

— Слушайте, слушайте. Мне нужно время, чтобы все обдумать. Я еще не решил с чего начинать. Если это не остров, нас сразу спасут. Так что надо разобраться, остров это или нет. Все остаются здесь. Никуда не расходиться. Мы втроем — больше не надо, только запутаемся и потеряемся, — мы втроем пойдем в разведку. Пойду я, Джек и… и…

Он обвел глазами круг возбужденных лиц. Пой-

ти рвались все.

— И Саймон.

Вокруг Саймона захихикали, и он встал, посмеиваясь. Теперь, когда обморочная бледность прошла, он оказался маленьким, щуплым, живым и глядел из-под шапки прямых волос, черных и жестких.

Он кивнул Ральфу:

— Я пойду.

— И я…

Джек выхватил из-за спины большой охотничий нож и всадил в дерево. Поднялся и замер гул.

Хрюша разволновался:

— И я пойду.

Ральф повернулся к нему:

— Ты не годишься для этого дела.

— Все равно…

— Без тебя обойдемся, — отрезал Джек. — Троих вполне достаточно.

Хрюша сверкнул очками.

— Я с ним был, когда он рог нашел. Я с ним был самый первый.

Но его слова не встретили отклика ни у Джека, ни у прочих. Все уже расходились. Ральф, Джек и Саймон попрыгали с площадки и пошли по песку,

мимо бухты. Хрюша увязался следом.

— Пусть Саймон идет посередке, — сказал Ральф. — И будем через его голову разговаривать.

Трое шли в ногу. То есть Саймону, чтоб не сбиться с шага, то и дело приходилось подтягиваться. Ральф в конце концов не выдержал и оглянулся на Хрюшу.

— Послушай-ка…

Джек и Саймон стыдливо отвели глаза. И пошли дальше.

— Ну, нельзя же тебе!

Очки у Хрюши опять затуманились — на сей раз от униженья.

— Ты им сказал. Я же просил.

Он был весь красный, и у него дрожали губы.

— Я же просил, чтоб не надо.

— Да про что это ты?

— Что меня Хрюша звать. Говорил же, как хочете зовите, только чтоб не Хрюша. Просил тебя, чтоб не надо, а ты взял и сказал.

Оба примолкли. Ральф начал понимать Хрюшу, он видел, как тот обижен и огорчен. Он колебался, извиняться ли ему перед Хрюшей или обидеть еще.

— Лучше уж Хрюша, чем Жирняй, — заключил

он, наконец, легко и откровенно, как подобает главенствующему. — Но все равно, если обиделся — прости. А теперь, Хрюша, вернись и займись именами. Делай свое дело. Ну, пока.

Повернулся и побежал догонять удалявшуюся парочку. Хрюша застыл, краска негодования медленно сползала со щек. И он побрел обратно, к площадке.

Трое мальчиков шли по песку веселыми шагами. Был отлив, и кромка закиданного водорослями берега тверда под ногами, почти как дорога. Какие-то чары опутали берег, опутали их, и, опутанные чарами, они ликовали. То и дело переглядывались, хохотали, говорили, не слушали. Все сияло кругом. Ральф, испытывая потребность подвести подо все разумную базу, встал с этой целью на голову и перекувырнулся. Когда отсмеялись, Саймон робко погладил его по руке. И снова им пришлось хохотать.

— Ну, пошли, — сказал, наконец, Джек. — Мы же разведчики.

— Дойдем до конца острова, — сказал Ральф, — и посмотрим, что за углом.

— Если это остров…

Теперь, к вечеру, миражи постепенно рассеивались. Они нашли конец острова, не околдован-

ный, четкий, ничем не прикидывающийся. Все то же было тут нагромождение угловатых форм, и большая глыба сидела отдельно, далеко в лагуне. Ее облепили морские птицы.

— Как сахарная корочка, — сказал Ральф, — на розовом торте.

— Тут за угол не завернешь, — сказал Джек. — Его и нет, все постепенно. И там не пройти — одни скалы.

Ральф из-под щитка ладони оглядел ломаный очерк скал, уходящих к горе. Кажется, отсюда было легче всего добраться до верха.

— Попробуем тут подняться, — сказал он. — Наверно, это самая легкая дорога. Меньше зарослей этих; одни розовые камни. Пошли.

Трое мальчиков стали карабкаться по склону. Какой-то непонятной силой выворотило и раскидало эти кубы так, что они громоздились косо, наползая друг на друга. Чаще всего розовый утес налезал на скошенную глыбу, та налезала на другую, а та на следующую, все выше, так что розовость пробивалась ровными уступами сквозь петлистый бред лиан. Там, где утес вставал прямо из земли, часто тоненько убегала вверх тропка. И они шли боком по этим тропкам, лицом к скалам, все дальше, углубляясь в растительное царство.

— Кто проложил эти тропки?

Джек остановился, вытер пот со лба. Ральф, задыхаясь, стоял рядом.

— Люди?

Джек покачал головой:

— Животные.

Ральф вглядывался во тьму под деревьями. Лес легонько подрагивал.

— Пошли.

Они одолевали кручу, огибая скалы, но куда трудней было продираться по зарослям, чтоб снова напасть на тропку. Ползучие стволы и корни лиан так сплелись, что мальчики еле сквозь них прорубались. Не сбиться с подъема помогали только лоскутья темной земли, редкие просветы неба в листве и еще само направление склона: выше ли или нет лаз, оплетенный витками лиан, чем тот, который они только что одолели.

И все-таки они поднимались.

Наглухо замурованный в зарослях, чуть не в самые трудные минуты, Ральф, сияя, оборачивался к остальным:

— Грандиозно!

— Колосса-а-а!

— Потряса-а-а!

Причина для такого восторга была не вполне

очевидна. Все трое замучились, перепачкались, запарились. Ральф страшно расцарапался. Лианы были толщиною с их ляжки и оставляли только узкие туннели для прохода. Ральф ради опыта крикнул, и они вслушались в глухое эхо.

— Настоящая разведка, — сказал Джек. — Тут никто еще не был. Я уверен.

— Надо бы карту начертить, — сказал Ральф. — Только вот бумаги у нас нет.

— Можно по коре корябать, — сказал Саймон. — И что-нибудь черное втирать.

И снова обмен торжествующими, сияющими в сумраке взглядами.

— Высший класс!

— Грандиозно!

— Фантастика!

Становиться на голову здесь было неудобно. На сей раз Ральф выразил силу чувств, прикинувшись, будто хочет спихнуть вниз Саймона, и вот уже оба катались в жидкой полутьме веселым клубком.

Когда они отвалились друг от друга, Ральф первый очнулся:

— Ну, надо идти.

Лианы чуть подались от следующего утеса, и разведчики затрусили по тропке. Она выбежала

в разреженный лес, и за стволами сквозило раскинувшееся внизу море. Стало солнечно; солнце сушило пот, пропитавший одежду в темной, сырой жаре. К вершине теперь вели только голые розовые скалы, и больше не приходилось нырять во тьму. Мальчики пробирались по ущельям и колкой осыпи.

— Осторожно!

В этой части остров протягивал к небесам редкие зубья своего каменного гребня. Они задели зубец, на который оперся Джек, и он вдруг со скрежетом шелохнулся.

— Вперед!

Но вершина недоступна. Перед штурмом ее троим мальчикам надо одолеть препятствие. Этот острый камень размерами не меньше машины.

— Раз-два, взяли!

Ну-ка, навались, ухватись, — раз, дружно, вместе — э-эх!

— Взяли!

Раскачали его, так, так-так-так, раскачали, раскачали, больше, шире, еще, еще, еще, та-ак…

— Взяли!

Камень дрогнул, качнулся, накренился, повременил, решил не возвращаться, двинулся вбок, рухнул, перевернулся и загрохотал вниз,

вспарывая лесной покров. Всполошились птицы, эхо, взмыла белая, розовая туча, деревья внизу затряслись, будто перепуганные бешеным чудищем. И все стихло.

— Мощно!

— Как бомба!

— Колосса-а-а!

Целых пять минут они не могли оправиться после своей победы. Но наконец сдвинулись с места.

После этого вершину взять уже были пустяки. На последнем подступе Ральф вдруг замер.

— Вот это да!

Мальчики стали на краю воронки на склоне. Она поросла какой-то горной растительностью, синими цветами. Они буйно затопляли воронку и разливались, растекались по лесу. Все пестрело бабочками, они носились, бились, метались.

Сразу за воронкой были розовые глыбы, была вершина, и вот они на нее взобрались.

Они и раньше догадывались, что это остров. Пробираясь среди розовых скал, обложенные морем и сверкающей высью, они каким-то чутьем понимали, что море их окружает повсюду. И все же последние выводы они приберегали до той минуты, когда окажутся наверху и им откроется

водная синь по всему кругу горизонта.

Ральф повернулся к друзьям:

— Это наш остров.

Он был похож на корабль, вздыбился с этого края и за их спинами круто обрывался к морю. По бокам — скалы, скаты, верхушки деревьев и кручи, а впереди, вдоль корабля, отлого спускались леса в розовых прошвах — вниз, в густо-зеленые плоские джунгли, вдруг сводившиеся в розовый хвостик. И там уж остров таял в воде, и был еще островок, только скала, как форт, и форт смотрел на них из-за зелени крутым розовым бастионом.

Мальчики оглядели все это, потом перевели взгляд дальше, в море. Они были высоко, и уже наступал вечер; вид уже не размазывался, не заслонялся миражной пленкой.

— Это риф. Коралловый риф. Я картинки такие видел.

Риф окаймлял остров с одного бока и еще загибался и шел примерно в расстоянии мили вдоль того берега, который они уже считали своим. Он был широко набросан по сини, будто великан наклонился с розовым мелком, хотел было обвести остров беглой, летучей чертой, но вдруг задумался, да так и не кончил. По эту сторону рифа была переливчатая вода, и все камни и водоросли

видны, как в аквариуме; дальше стлалось темное море. Был отлив, от рифа туго и медленно растекались полосы пены, и на минуту им показалось, что корабль ровно движется кормой вперед.

Джек показал вниз:

— Мы во-он там высадились.

За утесами и увалами лес прорезала глубокая рана — там были покалечены стволы, и дальше проехалась широкая борозда, оставив только бахромку пальм у самой лагуны. Там же выдавалась в лагуну площадка, вокруг которой муравьями сновали фигурки.

Ральф, волнообразно помахав рукой, показал путь с того места, где они стояли, вниз, мимо воронки, мимо цветов, и кругом, к той скале, возле которой начиналась просека.

— Так мы быстрей всего назад доберемся.

Блестя глазами, открыв рты, сияя, они смаковали свои хозяйские права. Головы кружила высота, кружила дружба.

— Тут нет ни дыма, ни лодок, — трезво рассудил Ральф, — после проверим точней. Но, по-моему, он необитаемый.

— Мы будем добывать себе пищу, — крикнул Джек, — охотиться, ловить… пока нас не подберут.

Саймон переводил глаза с одного на другого, молчал и все кивал, так что металась черная грива. У него горело лицо.

Ральф посмотрел на другой склон, где не было рифа.

— Тут еще круче, — сказал Джек.

Ральф сложил ладони, как бы что-то зачерпывая.

— Там лес… гора его вот так держит.

По всем торцам горы были деревья, цветы и деревья. Вот лес всколыхнулся, забился, загудел. Вздохнули и оттрепетали цветы, и лица мальчиков охладил ветерок.

Ральф раскинул руки:

— Все это наше.

Они захохотали, затопали, еще подразнили гору криками.

— Я есть хочу.

Как только Саймон упомянул о своем голоде, и другие сразу сообразили, что проголодались.

— Ну, пошли, — сказал Ральф. — Мы узнали все, что хотели.

Они стали спускаться, нырнули в цветочные заросли, прошли под деревьями. Потом остановились, с любопытством рассматривая кусты вокруг.

Саймон заговорил первый:

— Как свечи. Кусты в свечах. Это такие почки.

Кусты были темные, вечнозеленые, сильно пахли и тянули вверх, к свету, зеленые восковые свечи. Джек ударил по одной свече ножом, и из нее хлынул острый запах.

— Почки как свечи.

— Их не зажигают, — сказал Ральф. — Они только так, похожи на свечи.

— Зеленые свечи, — скривился Джек. — Есть их не будешь. Ну, пошли.

Они уже углублялись в чащу, шлепая усталыми ногами, когда услыхали звуки — визг и частый стук копыт. Они кинулись на визг, а он все взвивался, становился неистовым. Они увидели застрявшего в занавесе лиан поросенка, он рвался из упругих пут, трепыхался и бился. Полоумный, дерущий визг был надсажен ужасом. Мальчики бросились вперед, Джек снова выхватил сверкающий нож. Он уже занес руку. Но тут наступила пауза, заминка, только свинья все визжала, и лианы тряслись, и все сверкал в тощей руке нож. Но вот свинья вырвалась и метнулась в чащу. Они смотрели друг на друга и на то страшное место. Лицо у Джека побелело под веснушками. Он спохватился, что все еще

держит поднятый нож, опустил руку и сунул его в ножны. Все трое сконфуженно рассмеялись и стали подниматься обратно на тропку.

— Я примерялся, — сказал Джек. — Я как раз выжидал момент.

— Надо было заколоть, — выпалил Ральф. — Я точно знаю, их закалывают.

— Нет, им надо горло перерезать и выпустить кровь, — сказал Джек. — А то мясо есть нельзя.

— Так чего же ты…

Они прекрасно знали, чего же. Из-за того, что даже представить себе нельзя, как нож врезается в живое тело, из-за того, что вид пролитой крови непереносим.

— Я хотел, — сказал Джек. Он шел впереди, и они не видели его лица. — Я примерялся. Ну, уж в следующий раз…

Он выхватил нож и всадил его в дерево. Уж в следующий раз пощады не будет. Он оглянулся вызывающе — не угодно ли, мол, поспорить. Но тут они вышли на солнце и занялись добыванием и поглощением пищи, пока спускались просекой, к площадке, опять созывать собрание.

Глава вторая
Огонь на горе

Когда Ральф перестал дуть в рог, все уже толпились на площадке. Это собрание было не похоже на утреннее. Заходящее солнце косо падало теперь с другой стороны, и мальчики, слишком поздно ощутив боль от ожогов, натянули одежду. Хористы, в явственном меньшинстве, поснимали плащи.

Ральф сидел на поваленном стволе, солнце приходилось ему слева. Справа от него размещался почти весь хор; слева — те из старших, кто не знал друг друга до эвакуации; перед ним, на корточках, сидели в траве детишки.

Все примолкли. Ральф положил к себе на колени розово-кремовую раковину. По площадке, закидав ее зайчиками, пробежал ветерок. Ральф колебался — встать ли ему или говорить сидя. Он искоса глянул влево, в сторону бухты. Хрюша сидел рядышком, но на выручку не пришел.

Ральф откашлялся:

— Ну вот…

И вдруг, сразу, он понял, что сейчас он прекрас-

но им все расскажет и объяснит. Он провел рукой по светлым волосам и начал:

— Мы на острове. Мы поднимались на гору и видели — повсюду, кругом вода. Мы не обнаружили ни домов, ни дыма, ни следов, ни людей, ни лодок. Мы на необитаемом острове, и больше здесь никого нет.

Джек перебил:

— Но все равно армия нам потребуется. Для охоты. Охотиться на свиней…

— Да, на острове водятся свиньи.

Всем троим захотелось, чтоб все себе представили, как розовое, живое билось тогда в лианах.

— Смотрим, стоит…

— Визжит…

— Она от нас как бросится…

— Я не успел ударить… Но уж в следующий раз!..

Джек вонзил нож в дерево и с вызовом огляделся.

Все снова затихли.

— Ну вот, — сказал Ральф, — охотники нам потребуются, чтобы добывать мясо. И еще одно.

Он поднял раковину и обвел взглядом обожженные лица.

— Взрослых здесь нет… Мы все должны решать

сами.

По собранию прошелся и замер гул.

— И еще. Нельзя всем говорить сразу. Надо сначала поднять руку, как в школе.

Держа раковину у рта, он водил глазами поверх раструба.

— И тому, кто поднимет руку, я даю рог.

— Рог?

— Ну, да, так эта раковина называется. Я даю рог тому, кто хочет говорить. И пока говоришь — надо держать его в руках.

— Но ведь же…

— А как же…

— И перебивать нельзя. Никому. Кроме меня.

Джек вскочил.

— У нас будут правила, — крикнул он вдохновенно. — Много всяких правил. А кто их будет нарушать…

— Ур-ра!

— Точно!

— Грандиозно!

— Классно!

Тут кто-то отобрал рог у Ральфа. Хрюша. Он покачал на руках большую розовую раковину, и крики улеглись. Джек, не садясь, вопросительно глянул на Ральфа, но тот только улыбался и по-

стукивал ладошкой по дереву. Джек сел. Хрюша снял очки и мигал, вытирая их о рубашку.

— Вы Ральфу говорить не даете. Не даете самое важное сказать.

Он помолчал со значением.

— Ну — вот кто знает, что мы тут? А?

— На аэродроме знают.

— Тот, с мегафоном…

— Мой папа.

Хрюша надел очки.

— Никто не знает, что мы тут, — сказал Хрюша. Он побледнел и задыхался. — Может, они и знали, куда нас везут, а может, даже и нет. Но никто не знает, что мы тут, потому что сюда нас не везли. — Он глотнул воздух, качнулся и сел. Ральф отобрал у него рог.

— Вот это я и хотел сказать, — заключил он, — а вы, вы… — Он обвел глазами напряженные лица. — Самолет сбили, он сгорел. Никто не знает, где мы. Может, мы тут еще долго пробудем.

Тишина была полная, только слышно, как сопит и задыхается Хрюша. Косое солнце залило золотом половину площадки. Ветер, резво носившийся по лагуне, как котенок в погоне за собственным хвостиком, теперь пробирался через площадку, к лесу. Ральф откинул со лба

светлую путаницу волос.

— Может, мы тут еще долго пробудем.

Все молчали. Вдруг он просиял улыбкой:

— Но великолепный же остров. Мы — Джек, Саймон и я, — мы забирались на гору. Колоссально! Тут и еда есть, и вода, и… — и скалы… — и синие цветы…

Хрюша, несколько оправившийся, показал на рог в руках у Ральфа, и Джек с Саймоном осеклись. Ральф продолжал:

— Пока нас спасут, мы тут отлично проведем время.

Он широко раскинул руки.

— Как в книжке!

Тут все закричали наперебой:

— «Остров сокровищ!» — «Ласточки и амазонки»!

— «Коралловый остров»!

Ральф помахал рогом:

— Остров — наш! Потрясающий остров. Пока взрослые не приедут за нами, нам будет весело!

Джек потянулся за рогом.

— Тут водятся свиньи, — сказал он. — Еда обеспечена. Купаться можно в той бухте. И вообще. Кто еще что-нибудь обнаружил?

Он вернул Ральфу рог и сел. Очевидно, больше

никто не обнаружил ничего.

Старшие заметили мальчугана, уже когда он стал отбиваться. Малыши выталкивали его на середину, и он упирался. Он был щупленький, лет шести, и багровое родимое пятно скрывало у него пол-лица. Вот он встал, сжавшись под пересечением взглядов, ввинчивая в жесткую траву носок ботинка. Он что-то мямлил и чуть не плакал.

Другие малыши, важно перешептываясь, подталкивали его к Ральфу.

— Ну ладно, — сказал Ральф. — Говори же.

Малыш затравленно озирался.

— Говори!

Малыш потянулся за рогом, и все покатились со смеху. Тогда он отдернул руку и зарыдал.

— Дайте ему рог! — крикнул Хрюша. — Пусть возьмет!

Ральф наконец вручил малышу рог, но порывом общего веселья у того уже унесло последние остатки решимости, и он лишился голоса. Хрюша стал рядом на колени, держа перед ним огромную раковину, и начал переводить собранию его речь.

— Он хочет знать, чего вы со змеем делать будете.

Ральф засмеялся, и его смех подхватили все.

Малыш еще больше сжался.

— Ну, расскажи нам про змея.

— А теперь он уже говорит, это зверь.

— Зверь?

— Змей. Большущий. Он сам видел.

— Где?

— В лесу.

Неприкаянным ли ветром, оттого ли, что низилось солнце, под деревья занесло холодок. Мальчики беспокойно поежились.

— На таких маленьких островах не бывает зверей и змеев, — терпеливо растолковывал Ральф. — Они водятся только в больших странах, в Африке, например, или в Индии.

Гул голосов, и важное киванье головами.

— Он говорит, зверь выходит, когда темно.

— А как же он тогда его разглядел?

Смех, хлопки.

— Слыхали? Он, оказывается, в темноте видит!

— Нет, он говорит, он правда видел зверя. Он пришел, исчез и еще вернулся, и он хотел его съесть…

— Это ему приснилось.

Ральф засмеялся и взглядом поискал сочувствия на лицах вокруг. Старшие явственно с ним соглашались, но среди малышей замечалось

сомненье, не побежденное разумной твердостью Ральфа.

— Возможно, у него был кошмар. После того как он об лианы спотыкался.

Снова они с готовностью закивали. Про кошмары им было известно.

— Он говорит, видел зверя, змея, и спрашивает, он вернется или нет.

— Да нет никакого зверя!

— Он говорит, утром змей превратился в канат, как которые тут висят по деревьям. Он спрашивает, зверь вернется или нет?

— Да нет же никакого зверя!

На сей раз уже не смеялся никто, все строго глядели на Ральфа. Ральф запустил обе пятерни себе в волосы и рассматривал малыша с интересом, с отчаянием.

Джек выхватил у него рог.

— Ральф совершенно прав. Никакого змея нет. Ну, а если и есть тут змея, мы ее изловим и уничтожим. Мы будем охотиться на свиней и для всех добывать мясо. А заодно уж и насчет змеи проверим.

— Но нет же тут змей!

— Вот пойдем охотиться и точно проверим!

Ральф почувствовал досаду и на минуту — бес-

помощность. Тут было что-то, с чем он не мог совладать. Обращенные к нему взгляды были совершенно серьезны.

— Но нет же тут никакого зверя!

И зачем-то, он сам не понял зачем, он еще раз выкрикнул громко, с вызовом:

— Сказано вам, никакого зверя тут нет!

Все молчали.

Ральф поднял рог. Ему сразу стало веселей от одной мысли о том, что он сейчас собирался сказать.

— А теперь — самое главное. Я все думал. Думал, пока мы на гору лезли. — Он послал заговорщическую улыбку Джеку и Саймону. — И когда спустились. Вот что я думал. Мы хотим как следует поиграть. И мы хотим, чтоб нас спасли.

Буря одобрения накрыла его волной и сбила с мысли. Он снова подумал.

— Мы хотим, чтоб нас спасли. И нас, конечно, спасут.

Поднялся веселый говор. Мало же им оказалось надо для радости — голое, не подкрепленное ничем утвержденье, — такой теперь был у Ральфа авторитет. Снова ему пришлось помахать рогом, чтобы призвать их к порядку.

— Мой отец служит во флоте. Он говорит, не от-

крытых островов совсем не осталось. Он говорит, у королевы есть большая такая комната, и в ней множество карт, и на них острова всего мира. Значит, есть у королевы и наш остров на карте.

Снова гул веселых, довольных голосов.

— И рано или поздно сюда пошлют корабль. Может, даже пошлют моего папу. Так что рано или поздно нас спасут.

Он сказал, что хотел и умолк. Он их успокоил. Он им сразу понравился, и вот теперь они поверили в него. Кто-то захлопал, и сразу вся площадка огласилась аплодисментами. Ральф вспыхнул, искоса заметил открытое обожание в глазах у Хрюши, потом глянул вправо, туда, где ухмылялся и тоже хлопал подчеркнуто Джек.

Ральф помахал рогом.

— Тише вы! Погодите же! Слушайте!

И он продолжал уже в тишине, окрыленный успехом:

— А теперь еще одно. Надо помочь тем, кто будет нас спасать. А то корабль, даже если и подойдет близко к острову, нас все равно не заметит. Значит, надо, чтоб на горе был дымок. Надо разжечь костер.

— Костер! Костер!

Мальчики вскакивали на ноги. Джек кричал и

командовал. Про рог позабыли.

— Пошли! Все за мной!

Под пальмами засуетились, зашумели. Ральф тоже вскочил, он призывал к порядку, его никто не слышал. Толпа колыхнулась прочь от берега, и вот все ушли — за Джеком. Даже самые маленькие старательно продирались по переломанным веткам и сучьям. Все бросили Ральфа с рогом в руках. Остался один Хрюша.

Хрюша дышал уже ровно.

— Ну, прямо как дети малые, — сказал он уничижительно, — как грудные!

Ральф оглядел его с сомненьем и положил рог на поваленный ствол.

— Небось, уже время чай пить, — сказал Хрюша. — И чего им делать-то на этой горе?

Он почтительно погладил раковину, но тотчас рука его замерла, и он поднял глаза.

— Ральф! Эй! Куда же ты?

Ральф перелезал через первые поваленные стволы. Хохот и треск были уже далеко.

Хрюша проводил Ральфа негодующим взглядом.

— Как дети малые!

Он вздохнул, нагнулся зашнуровать ботинки. Шум заблудшего собрания замирал на горе. Тогда

с мученическим видом родителя, вынужденного потакать нелепой выходке отпрысков, он подобрал рог, направился к лесу и стал пробираться по просеке.

По другую сторону от вершины был лесистый уступ. Ральф снова сделал тот же жест, словно зачерпывал что-то.

— Вон там дров для костра сколько угодно.

Джек кивнул и ущипнул себя за нижнюю губу. Всего футах в ста пониже, после крутого склона, лежал будто бы специально под топливо отведенный участок. Мокрой жарой деревья толкало в рост, но на хилом слое почвы они не заживались, рано валились и гнили. Их обнимали лианы, сквозь них пробивались новые ростки.

Джек обернулся к ждущим приказаний хористам. Черные квадратные шапочки, как береты, съехали у них набекрень.

— Костер складывать. Быстро.

Они легко добрались до валежника по удобной тропке, стали дергать его и растаскивать. Самые маленькие, достигнув вершины, скатывались сюда же, так что скоро все, кроме Хрюши, были заняты делом. Валежник попадался такой гнилой, что, стоило его тронуть, обдавал душем трухи, осыпью мокриц, но встречались и целые

стволы. Близнецы Эрик и Сэм первые выискали подходящее дерево, но беспомощно топтались около, пока Ральф, Джек, Саймон, Роджер и Морис не сумели за него ухватиться. Все вместе они взволокли нелепую мертвую орясину наверх и там сбросили. Каждая группка вносила свою лепту, и понемногу костер вырастал. В очередной раз наведавшись вниз, Ральф увидел, что вокруг никого, что они держатся за деревцо вдвоем с Джеком, и они улыбнулись друг другу, и опять поверх ветра, и крика, и поверх ослабевших лучей гору опутали чары, и тот же опять ее поволакивал странный, неприметный глазу свет дружбы, совместности и приключений.

— Да, тяжеловато.

Джек просиял в ответ.

— Ну, нам-то с тобой это пара пустяков.

Вместе, в согласном усилии, качаясь, они одолели кручу. Вместе протянули — раз — два — три! — швырнули свою ношу на уже высокий костер. Отступили, хохоча оттого, что так ловко справились со сложной задачей, и Ральфу тут же пришлось встать на голову. Кое-кто еще копошился возле костра, кое-кому из малышей уже наскучил труд, и они рыскали по этому новому лесу в поисках фруктов. Близнецы с неожидан-

ной распорядительностью принесли охапки сухой листвы и ссыпали в костер. Один за другим мальчики обнаруживали, что все готово, что дров больше не требуется, и оставались наверху, среди раскиданных розовых глыб. Все уже отдышались, и на лицах высыхал пот.

Но вот наступила напряженная тишина, и Ральф с Джеком переглянулись. Оба пришли к постыдному открытию и не знали, как в этом признаться.

Ральф багрово покраснел и выдавил первый:

— Ну…

Он откашлялся и снова решился.

— Ну, теперь его надо зажечь, а?

Больше нельзя было таить нелепость положения, и Джек тоже покраснел. Забормотал что-то невнятное:

— Можно деревяшки тереть одну об другую. Одну об другую…

Он глянул на Ральфа, и у того вырвалось окончательным и жалким признаньем:

— Спички у кого-нибудь есть?

— Надо лук, и стрелу на нем крутить, — сказал Роджер. Он потер руку об руку, изображая, как это делается — джж! джж!

Над горой пронесся легкий ветерок. И вместе с

ним явился Хрюша, в рубашке и шортах, он с трудом пробирался по зарослям, и вечернее солнце полыхало в его очках. Он нес под мышкой рог.

Ральф крикнул:

— Хрюша! У тебя спичек нет?

Вопрос подхватили, и эхо зашлось от крика.

Хрюша покачал головой и подошел к костру.

— Ого! Постарались! Ничего себе кучка!

И вдруг Джек догадался:

— Хрюшины очки! Это же зажигательные стекла!

Хрюша не успел отпрянуть. Его обступили.

— Ой, пустите, — взвизгнул он в ужасе, когда Джек сдернул с него очки. — Слышь-ка! Отдай! Мне ж ничего не видать! Ой! Рог разобьете!

Ральф оттеснил его локтем и встал на коленки возле костра.

— Отойдите, свет заслоняете!

Все стали толкаться и лезть к Ральфу с советами. Ральф двигал стекла и так и сяк, пока густой белый отпечаток закатного солнца не лег на рыхлое дерево. Почти тотчас вверх потянулась тонкая дымная струйка, и он закашлялся. Джек тоже встал на коленки, легонько подул на дымок, и он сломался, отклонился, утолщился, показал язычок пламени. Пламя, сперва едва видное на

ярком свету, захватило первый сучок, налилось цветом, разбежалось, прыгнуло на ветку побольше, и та занялась с громким треском. Пламя взметнулось вверх, и мальчики восторженно ахнули.

— Мои очки! — изнемогал Хрюша. — Отдайте мои очки!

Ральф встал, отошел от костра и сунул очки в беспомощно шарившую Хрюшину руку. Тот уже едва слышно лепетал:

— Все расплывается. Аж руку не видать…

Кое-кто пустился в пляс. Валежник был такой сухой и трухлявый, что большие сучья сдавались неистово желтым космам огня, те взвивались вверх и там, в двадцатифутовой высоте, бились рыжей гривой. Жар обжигал, ветер потоком отвевал в сторону искры. И белой пылью осыпались стволы.

Ральф крикнул:

— Еще дров! Все за дровами!

Взапуски с огнем, чтоб не успел, не погас, мальчики бросились за валежником. Пусть бы чистая пелена пламени плыла сейчас над горой — а дальше они не загадывали. Даже самые маленькие, если не отвлекались фруктами, несли щепочки и подбрасывали в огонь. Воздух дрожал, волновал-

ся, и теперь уже ясно различались наветренная и подветренная стороны. С одной стороны было прохладно, а в другую костер бешено махал жарким крылом, в секунду пружинкой завивая волосы у тех, кто зазевался. Попадая в прохладную струю, мальчики жадно подставляли ей потные лица, но, насладясь свежестью, тотчас чувствовали изнеможение и валились в тень, возле разбросанных скал. Пламя быстро убывало, потом, осыпая тихие вздохи, костер сел, и только огненный куст взметнулся вверх, изогнулся и заструился ветвями по ветру. Все дышали тяжко, как псы.

Ральф приподнял голову, которую прятал под мышкой.

— Нет, ничего не выходит.

Роджер ловко, со знанием дела сплюнул на горячую золу.

— Это почему?

— Дыма-то не было. Один огонь.

Хрюша приткнулся к ребристому стыку двух скал и держал на коленях рог.

— Мы костер-то как следует не разожгли, — сказал он. — Это ж без толку. Такой костер не удержишь, как ни старайся.

— Ты уж особенно старался, — сказал Джек

презрительно. — Сложа руки сидел.

— Мы взяли у него очки, — сказал Саймон. Он тер плечом черную щеку. — Значит, он тоже участвовал.

— У меня рог! — возмутился Хрюша. — Дайте слово сказать!

— На вершине горы рог не считается, — сказал Джек. — Так что заткнись.

— У меня в руках рог!

— Надо туда зеленых веток положить, — сказал Морис. — Их кладут для дыма!

— Рог у меня!

Джек в ярости обернулся:

— А ну заткнись!

Хрюша увял. Ральф взял у него рог и обвел всех взглядом.

— Кто-то должен специально следить за костром. В любой день может прийти корабль, — он повел рукой вдоль тугой струны горизонта, — и, если у нас всегда будет сигнал, нас заметят и спасут. И потом. Нам нужно еще одно правило. Где рог, там и собрание. И все равно — внизу это или наверху.

С этим все согласились. Хрюша открыл было рот, встретился взглядом с Джеком и осекся. Джек потянулся за рогом и встал, осторожно держа

хрупкий предмет в закопченных ладонях.

— Ральф совершенно верно говорит. Нам нужны правила, и мы должны им подчиняться. Мы не дикари какие-нибудь. Мы англичане. А англичане всегда и везде лучше всех. Значит, надо вести себя как следует.

Он обернулся к Ральфу.

— Ральф, я разделю хор — то есть моих охотников — на смены, и мы будем отвечать за то, чтоб костер всегда горел.

Его великодушие стяжало редкие хлопки, Джек осклабился и, призывая к тишине, помахал рогом.

— Сейчас-то зачем ему гореть? Ночью кто дым увидит? Снова зажжем, когда захотим. Альты — вы отвечаете за костер эту неделю. А вы, дисканты, — следующую.

Все важно закивали.

— И еще — мы будем наблюдать за морем. Как только увидим корабль, — все проводили глазами взмах тощей руки, — подбавим зеленых веток. И сразу станет больше дыма.

Они пристально вглядывались в густую синь горизонта, будто вот-вот там появится крохотный силуэт.

Солнце на западе горячей золотой каплей сте-

кало все ниже и ниже, нацелясь за порог мира. И вдруг стало ясно, что уже вечер и конец теплу и свету.

Роджер взял рог и обвел всех пасмурным взглядом.

— Я на море и так все смотрю. Нет тут никаких кораблей. Может, нас и не спасут вовсе.

Поднялся и затих ропот. Ральф отобрал у Роджера рог.

— Я уже сказал — нас спасут. Просто надо подождать. Вот и все.

Расхрабрившись, кипя, рог схватил оскорбленный Хрюша.

— А я что говорил! Я же говорил насчет порядка, я говорил, а мне — «заткнись»!

Голос взвился, надсаженный благородным негодованьем. На него уже шикали кругом.

— Сказали, костер нужно маленький, а какую скирду навалили. Только я рот раскрою, — стонал верный горькой правде Хрюша, — мне сразу «заткнись», а когда Джек, или Морис, или Саймон…

Он запнулся на пронзительной ноте и застыл, глядя поверх голов, вдоль чужого склона горы, туда, где собирали валежник. Потом расхохотался, до того странно, что все притихли, недоуменно разглядывая сверкающие окуляры. И проследив

за его взглядом, нашли источник этой мрачной веселости.

— Вот вам и маленький костер!

Дым курился там и сям среди лиан, увивавших мертвые и гибнущие деревья. На глазах у детей дымную кудель в одном месте вдруг тронуло огнем и она уплотнилась. Тонкие ленты огня поползли по комлю, разбежались по листве и кустам, множились, разрастались. Пламя задело древесный ствол, вспорхнуло на него яркой белкой. Дым рос, слоился, клубился, раскатывался. Белка на крыльях ветра перенеслась на другое стоячее дерево, стала поедать его с верхушки. Под темным покровом дыма и листвы огонь подкрался, завладел лесом и теперь остервенело его грыз. Акры черного и рыжего дыма упрямо валили к морю. Глядя на неодолимо катящее пламя, мальчики пронзительно, радостно завизжали. Огонь, будто он живой и дикий, пополз, как ползет на брюхе ягуар, к молодой, похожей на березовую поросли, опушившей розоватую наготу скал. Он набросился на первое попавшееся дерево, мгновенно изукрасил его пылающей листвой. Потом проворно прыгнул на следующее и тотчас заполыхал, качая их уже строем. Под тем местом, где ликовали мальчики, лес на четверть мили

кругом бесновался в дыму и пламени. Треск огня дружно ударял в уши барабанным боем, и гору от него будто бросало в дрожь.

— Вот вам и маленький костер!

Ральф с испугом замечал, как один за другим все стихают, охваченные жутью перед разбушевавшейся у них на глазах силой. Поняв, что жутко и ему, он вдруг вышел из себя:

— Да заткнись ты!

— У меня рог, — сказал Хрюша обиженно. — Я имею право говорить.

На него смотрели пустыми взглядами, вслушиваясь в барабанный бой пламени. Хрюша тревожно заглянул в ад и покачал на руках рог.

— Теперь уж пускай горит. А ведь это наше топливо было. — Он облизнул губы. — Чего ж тут сделаешь. Надо было поосторожней. Я боюсь…

Джек с трудом оторвал взгляд от огня:

— А ты вечно боис-си. Жирняй!

— У меня рог, — уныло пролепетал Хрюша. Он повернулся к Ральфу. — У меня рог, да ведь, Ральф?

Ральф нехотя отвернулся от пышного, жуткого зрелища:

— Ну, чего ты?

— У меня рог. Я имею право говорить.

Близнецы в один голос хихикнули:

— Дыма захотели… Вот вам и дым…

Далеко-далеко, за горизонт, расплывалась дымная туча. Хихикали уже все, кроме Хрюши; просто покатывались со смеху.

Хрюша не выдержал.

— У меня рог! Слышьте вы? Перво-наперво надо было что? На берегу шалаши построить. Тут ночью-то ужас как холодно. А вы же чего? Только Ральф сказал про костер — сразу орать и — на гору дунули. Как дети малые!

Наконец его тираду стали слушать.

— Вот вы хочете, чтоб нас спасли, а сами чего сперва делать не знаете и ведете себя как не надо.

Он снял очки и хотел было положить рог, но, увидев, как к нему потянулось сразу множество рук, передумал. Сунул раковину под мышку и снова уселся.

— И костерище разложили зачем-то незнамо какой. Весь остров подпалили. Хороши мы будем, если весь остров сгорит. Будем кушать печеные фрукты да свинину жареную. И ничего смешного! Сами Ральфа выбрали, а подумать ему не даете. А только он чего скажет, разбегаетесь, как, как…

Он остановился перевести дух, и на них зары-

чало пламя.

— Это еще что. А детишки-то. Малыши. Кто за ними доглядает? Кто скажет, сколько их у нас?

Ральф вдруг шагнул к нему:

— Я же тебе велел. Я велел тебе список составить.

— А как? — орал в неистовстве Хрюша. — Один-то я — как? Они две минутки посидели и в море посигали, по лесу разбежались, все подевались куда-то. Откуда ж я разберусь-то, который кто?

Ральф провел языком по белым губам.

— Значит, ты не знаешь, сколько нас тут должно быть?

— Да откуда же, они же ведь как букашки бегают. А как вы вернулись трое, и ты сказал — огонь разводить, все побегли, и я даже…

— Ну, хватит! — оборвал Ральф и выхватил у него рог. — На нет и суда нет.

— А потом вы мои очки захапали…

Джек глянул на него:

— Заткнись! -…а малыши, они же там, где огонь, бегали. Может, они и сейчас еще там, откуда вы знаете?

Хрюша, вскочив, показывал на дым и пламя. Шепот пронесся и замер. Что-то делалось с Хрюшей, что-то странное, он задыхался.

— Вот тот малыш, — задыхался Хрюша, — тот, который на лице с меткой, я не вижу его. Где он?

Все молчали, как мертвые.

— Который про змей говорил. Он был вон там…

В огне бомбой взорвалось дерево. Обмотки лиан взметнулись, корчась, и сразу опали. Малыши завизжали:

— Змеи! Смотрите! Змеи!

На западе всего в дюйме от моря висело забытое солнце. Лица снизу подсвечивались красным. Хрюша привалился к скале и вцепился в нее обеими руками.

— Малыш, который с меткой… на лице… куда он… подевался? Сказано вам — я его не вижу!

Мальчики переглядывались в страхе, отказываясь верить.

— Куда он подевался?

Ральф как-то сконфуженно забормотал:

— Может, он вернулся туда, на… на…

Снизу, с чужого склона, все гремел и гремел барабанный бой.

Глава третья
Шалаши на берегу

Джек согнулся вдвое. Он, как спринтер на старте, почти припал носом к влажной земле. Стволы и стлавшиеся по ним лианы терялись в зеленой мгле ярдов на тридцать выше, и кругом густые кусты. Тут был поломан сук и, кажется, отпечаталось краем копыто — только и всего. Он уткнулся в грудь подбородком и не отрывал глаз от этого едва заметного намека на след, будто вымогая у него разгадку. Потом, как пес, на четвереньках, неловко, с трудом, он взобрался еще ярдов на пять и встал. Тут лиана захлестывалась петлей и с узла свисал усик. Усик был блестящий с одного бока; проходя петлю, свиньи его отполировали щетиной.

Джек приник ухом к земле в нескольких дюймах от этого знака и впился глазами в непроглядность кустарника. Рыжие волосы отросли с тех пор, как он оказался на острове, и сильно выгорели; неприкрытая спина была вся в темных веснушках и шелушилась. В правой руке он волочил заточенный шест футов в пять длиной; и, не

считая обтрепанных шортов, на ремне которых болтался нож, он был совсем голый. Он прищурился, поднял лицо и, раздувая ноздри, легонько втянул струйку теплого воздуха, выведывая у нее секрет. И он и лес — оба затихли.

Наконец он тяжело, с неохотой выдохнул и открыл глаза. Глаза эти были ярко-синие, и сейчас от досады в них метнулось почти безумие. Он провел языком по пересохшим губам и снова всмотрелся в упрямые заросли. И снова двинулся вперед, обрыскивая землю.

Тишина в лесу была еще плотнее и гуще жары, и даже жуки не жужжали. Только когда Джек сам спугнул из нехитрого гнезда цветистую птаху, тишина треснула, раскололась и, разбудив сонное эхо, зазвенела криком, словно взмывшим из глуби времен. Джек даже вздрогнул от этого крика, со свистом сглотнул; и на секунду вместо охотника стал испуганной тварью, по-обезьяньи жавшейся к дереву. Но след и досада тотчас взяли свое и погнали снова обрыскивать землю. У толстого седого ствола в бледных цветах по комлю он замер, еще раз потянул носом жаркий воздух; и вдруг ему перехватило дух, даже кровь отлила от лица, и тут же опять в него ударила краска. Он тенью скользнул во тьму ветвей и нагнулся, раз-

глядывая вытоптанную землю у себя под ногами.

Комья были теплые. И грудились на взрытой земле. Они были зеленоватые, мягкие, от них подымался пар. Джек поднял взгляд на непостижимую гущину загородивших путь лиан. Потом вытянул копье и шагнул. За лианами след впадал в свиной лаз, достаточно широкий и четкий — настоящую тропку. Земля на ней была плотно убита, и, когда Джек выпрямился во весь рост, он тут же услышал, как по лазу движется что-то. Он отвел назад правую руку, размахнулся и со всей силы метнул копье. На тропе раздался дробный, четкий перестук копыт, как щелк кастаньет, приманчивый, сладкий — обетование мяса. Джек выскочил из-за кустов и подобрал копье. Свиной топоток замирал вдалеке.

Джек стоял, обливаясь потом, лицо было в грязных разводах и прочих отметинах долгих невзгод охоты. Он ругнулся, сошел со следа и стал продираться сквозь чащобу, пока она не расступилась и голые стволы, подпиравшие черную сень, сменились светло-серыми стволами и кронами перистых пальм. Из-за них мерцала вода и неслись голоса. Ральф стоял возле нагроможденья пальмовых стволов и листьев, грубого шалаша, смотревшего на лагуну и вот-вот грозившего рух-

нуть. Он не заметил Джека, когда тот заговорил:

— Водички бы, а?

Ральф хмуро поднял глаза от хитросплетенья ветвей. Он смотрел прямо на Джека, все еще не замечая.

— Воды бы, говорю, а? Пить хочется.

Ральф оторвал мысли от шалаша и вдруг обнаружил Джека.

— А, привет. Воды? Там, под деревом. Наверно, еще осталось.

Джек подошел к кокосовым скорлупам с пресной водой, лежавшим в тени, взял одну, полную, и стал пить. Вода текла на подбородок, на шею, заливала грудь. Наконец он шумно отдышался:

— Уф, хорошо!

Саймон сказал из шалаша:

— Повыше чуть-чуть.

Ральф повернулся к шалашу и вместе с веткой приподнял лиственный настил. Настил качнулся, и листва запорхала вниз. В дыре показалось сокрушенное лицо Саймона:

— Ой!

Ральф с отвращением оглядывал руины.

— Так мы в жизни не кончим.

Он бросился на землю у ног Джека. Саймон все смотрел сквозь дыру в шалаше. Ральф лежа

объяснял:

— Целыми днями работаем. И видишь!

Два шалаша еще кое-как держались. Этот совсем развалился.

— А им бы только гонять. Помнишь собрание? Как все клялись трудиться, пока строить не кончим?

— Ну, я и мои охотники…

— Охотники, эти пусть. Ну, малыши, они…

Он помахал рукой, поискал слова.

— Они безнадежные, но ведь кто постарше — тоже не лучше. Ты только пойми. Мы тут целый день работаем с Саймоном. И больше никого. Купаются, едят, загорают.

Саймон осторожно высунул голову.

— Ты главный. Ты их сам распустил.

Ральф, растянувшись, смотрел на небо и пальмы.

— Собрания. Очень уж мы их любим. Каждый день. Хоть по два раза в день. Все болтаем. — Он оперся на локоть. — Вот сейчас протрублю в рог, и увидишь — примчатся как миленькие. И все честь честью, кто-то скажет — давайте построим самолет, или подводную лодку, или телевизор. А после собрания пять минут поработают и разбегутся или охотиться пойдут.

Джек вспыхнул:

— Ну, мясо-то нам нужно.

— Да, но пока его что-то не видно. А шалаши нам тоже нужны. И вообще: охотники твои давным-давно вернулись. Купаются.

— Я один пошел, — сказал Джек. — Я их отпустил. Мне…

Он рвался передать, что гнало его выследить, настигнуть, убить.

— Я один пошел. Я думал, я сам…

Снова метнулось в глазах безумие.

— Я думал, я убью.

— Но не убил.

— Думал, убью.

Голос у Ральфа дрожал от подавленного волненья:

— Но ты не убил пока что.

Если б не призвук скрываемой ярости, предложенье могло показаться невинным:

— Ну, а насчет шалашей — это ты никак?

— Нам мясо нужно.

— Но его у нас нет. — Враждебность звенела уже открыто.

— Будет! В следующий раз будет! Мне бы только бородку на копье. Мы ранили свинью, а копье не держится. Вот научимся делать бородки…

— Нам нужны шалаши.

И вдруг Джек завопил надсадно:

— Обвиняешь меня, да?

— Нет, просто мы весь день тут потеем. Больше ничего.

Оба покраснели и отвели глаза. Ральф перекатился на живот и стал дергать травинки.

— Если дождь польет, как когда мы высадились, нам еще как шалаши понадобятся. И потом, нам шалаши нужны из-за… ну…

Он запнулся. Оба перебарывали гнев. И Ральф углубился в другую, безопасную тему:

— Сам-то ты не замечал?

Джек опустил копье, сел на корточки.

— А что?

— Ну, боятся они.

Он снова перекатился на спину и посмотрел в свирепое, чумазое лицо Джека.

— Понимаешь — снится им что-то. Я слышал. Ты вот ночью не просыпался?

Джек покачал головой.

— Разговаривают, плачут. Малыши. А то и… будто бы…

— Будто бы плохо на этом острове.

Удивленные тем, что их перебивают, оба подняли глаза на строгое лицо Саймона.

— Будто бы, — сказал Саймон, — зверь… зверь или змей и вправду есть. Помните?

Двое старших вздрогнули от постыдного слова. О змеях уже не упоминалось, не полагалось упоминать.

— Будто бы плохо на этом острове, — отчеканил Ральф. — Да, точно.

Джек сел и вытянул ноги.

— Они чокнутые.

— Да, шизики. А как на разведку ходили — помнишь?

Оба улыбнулись, вспомнив те чары первого дня. Ральф продолжал:

— Так что шалаши нам нужны вместо…

— Дома родного.

— Точно.

Джек подобрал ноги, обхватил переплетенными руками коленки и нахмурился, стараясь разобраться в собственных мыслях.

— А все же в лесу, ну, когда охотишься, не тогда, конечно, когда фрукты рвешь, а вот когда один…

Он осекся, не уверенный, что Ральф серьезно его слушает.

— Ну-ну, говори.

— Когда охотишься, иногда чувствуешь…

И вдруг он покраснел.

— Это так, ерунда, в общем. Просто кажется. Но ты чувствуешь, будто вовсе не ты охотишься, а за тобой охотятся; будто сзади, за тобой, в джунглях все время прячется кто-то.

Снова все трое молчали. Саймон — вдумчиво, Ральф — недоверчиво и почти негодуя. Он сел, выпрямился, почесал грязной пятерней плечо.

— Ну, не знаю.

Джек вскочил, затараторил:

— Так бывает в лесу. Находит. Ерунда, конечно. Только… Просто…

Он побежал было к воде и сразу вернулся.

— Просто, я понимаю, каково им по ночам. Ясно? Ну и все.

— Главное — надо, чтоб нас спасли.

Джеку пришлось минуту подумать, пока он сообразил, о каком спасении речь.

— Спасли? Это конечно! Но сначала мне свинью бы добыть… — Он схватил копье и вонзил в землю. Снова глаза застлало безумие. Ральф критически оглядел его из-за светлой путаницы волос:

— Только бы твои охотники помнили про костер…

— Опять ты с этим костром!..

Оба затрусили по берегу и уже у края воды

повернулись и посмотрели на розовую гору. Дымная струйка чертила меловую полосу по густой сини и, качнувшись, таяла в вышине. Ральф нахмурился.

— Интересно, далеко его видно?

— А как же.

— Нет, мало дыма.

Словно почувствовав на себе их взгляд, струйка у основания растеклась густой кляксой, и та поползла вверх мутным столбцом.

— Зеленых веток добавили, — пробормотал Ральф. — Чего это они? — Он сощурился, обернулся к горизонту.

— Там! — Джек заорал так, что Ральф даже подскочил.

— Что? Где? Корабль?

Но Джек показывал на высокие откосы, которые шли с горы к более плоской части острова.

— Ясно! Там они и лежат! И куда им еще деваться, когда припечет!

Ральф недоуменно смотрел в его ликующее лицо.

— Они высоко забираются. Высоко — и в тень, и отдыхают в жару, как у нас коровы…

— Я думал, ты корабль увидел!

— Можно подкрасться… лица разрисовать, чтоб

не увидели… Окружить их и…

Но Ральфа от негодованья уже понесло:

— Я же тебе про дым! Да ты что-о? Не хочешь, чтоб тебя спасали? Заладил — свиньи, свиньи, свиньи!

— Нам мясо нужно!

— Я весь день работаю, и со мной никого, только Саймон, а ты приходишь и даже не замечаешь, чего мы понастроили!

— Я тоже не загорал.

— Тебе это одно удовольствие! — кричал Ральф. — Ты любишь охотиться! А вот я…

Оба стояли на ярком берегу, ошарашенные этим взрывом чувств. Ральф первый отвел глаза, якобы посмотреть на играющих в песке малышей. Из-за площадки неслись крики охотников в бухте. На краю площадки растянулся Хрюша, глядя вниз, в слепящую воду.

— Ни от кого нету толку.

Ему хотелось объяснить, как все всегда оказываются не такими, как от них ждешь.

— Вот Саймон — он-то помогает. — Он показал на шалаши. — Все смылись. А он не меньше моего делал. Только вот…

— Саймон-то вечно тут как тут…

Ральф зашагал к шалашам, Джек с ним рядом.

— Помогу немножко, — бормотнул Джек, — потом искупаюсь.

— Да ладно уж.

Но у шалашей Саймона не оказалось. Ральф сунул голову в дыру, высунулся и оглянулся на Джека:

— Смотался.

— Надоело ему, — сказал Джек. — Купаться пошел.

Ральф нахмурился.

— Странный он. С приветом.

Джек кивнул неопределенно, кажется, в знак согласья, и, не сговариваясь, оба бросили шалаши отправились к бухте.

— Вот искупаюсь, поем чего-нибудь, — сказал Джек, — и на ту сторону горы подамся, следы поищу. Пошли?

— Так ведь же солнце почти село!

— Ничего, я-то управлюсь…

Они шагали рядом — два мира чувств и понятий, неспособные сообщаться.

— Эх, мне бы застукать свинью!

— Выкупаюсь и сразу за шалаш возьмусь.

Они посмотрели друг на друга с изумленьем, любовью и ненавистью. Понадобились соленые брызги бухты, крики, барахтанье и смех, чтобы

снова и их объединить.

Саймона, которого они думали застать на пляже, там не оказалось. Когда Ральф с Джеком спустились на берег, чтобы взглянуть на гору, он прошел за ними несколько ярдов и остановился. Нахмурившись, он нагнулся над грудой песка, из которого кто-то пытался вылепить домик. Потом отвернулся и целеустремленно направился к лесу. Он был маленький, тощий мальчуган с острым личиком, и глаза у него так сияли, что Ральф сначала принял его за веселого хитрого шалуна. Черные густые космы нависали на низкий, широкий лоб и почти закрывали его. Шорты на нем истрепались, и он, как Джек, ходил босиком. И вообще-то смуглый, Саймон сильно загорел и блестел от пота.

Он пошел по просеке, мимо той скалы, на которую взбирался Ральф в первое утро, потом свернул вправо, под деревья. Ноги сами несли его привычным путем среди фруктовых деревьев, где каждый мог раздобыть себе вдоволь и без труда несытной, правда, еды. Цветы и фрукты росли рядом, вперемешку, и вокруг стоял запах спелости и густое жужжанье несметных пасущихся пчел. Здесь его догнали увязавшиеся за ним малыши. Они говорили все разом, что-то выкрикивали

наперебой и тащили его к деревьям. Среди пчелиного гула, в закатных лучах, Саймон срывал им фрукты, до которых они не могли дотянуться, отыскивал среди листвы самые спелые и наобум совал в жадно протянутые ручки. Оделив всех, он оглянулся. Обнимая охапки отборных плодов, малыши смотрели на него неотрывно и загадочно.

Саймон бросил их и свернул на чуть заметную тропку. Скоро за ним сомкнулась чащоба. Высокие стволы поросли неожиданно бледными цветами до самых вершин, а там во тьме кипела шумная жизнь. Между стволами тоже была темень, и, как снасти затонувших судов, повисли на них лианы. Ноги Саймона оставляли следы на рыхлой земле, и по лианам, когда он за них задевал, во всю их длину пробегал трепет. Он добрался, наконец, до просвета. Тут лианам не приходилось далеко тянуться за солнцем, и они сплели большой ковер и занавесили чашу с опушки; здесь было каменисто и не росло ничего, кроме травки и папоротников. Темные пахучие кусты обнесли опушку стеной, и в этой ограде, как в чаще, плавали свет и жара. С краю опушки большое мертвое дерево привалилось к другим, еще крепким, и проворный вьюнок бойко исчертил его щегольским красно-желтым узором до

самого верха.

Саймон остановился. Он, как тогда Джек, оглянулся через плечо на сомкнувшийся за ним проход и посмотрел по сторонам, чтобы удостовериться, что никто за ним не следит. Он двигался почти воровато. Потом согнулся и заполз в самую гущу лиан; они сплелись здесь так часто, что взмокали от его пота и он еле сквозь них продирался. Скоро он оказался в гущине, в гнездышке, отделенном сквозящей листвой от опушки. На корточках он отвел руками листья и выглянул. Все застыло на свету, только две пестрые бабочки плясали под зноем. Затаив дыхание, Саймон вдумчиво вслушивался в шумы острова. К острову подступал вечер. Крики ярких, немыслимых птиц, пчелиный гул, даже возгласы чаек, тянущих к себе на ночлег среди скал, делались теперь глуше. Шорох отяжелевших волн у рифа, на мили вдали, был невнятнее шепота крови.

Саймон снова опустил лиственный занавес. Потоки медовых лучей убывали. Скользнули по кустам, ушли с зеленых свечек, застряли в кронах, и под деревьями стала сгущаться тьма. Разом выцвели неуемные краски, отпустила жара и тревога. Подрагивали зеленые свечки. Неуверенно, осторожно выпрастывались из чашечек белые

края лепестков.

День совсем ушел с опушки, стерся с неба. Тьма хлынула на лес, затопляя проходы между стволами, пока они не стали тусклыми и чужими, как дно морское. Вместо свечек на кустах раскрылись большие белые цветы, и уже их колол стеклянный свет первых звезд. Запах цветов вылился в воздух и заполонил остров.

Глава четвертая
Длинные волосы, раскрашенные лица

День раскачивался лениво, от рассвета до самого падения сумерек, и к этому ритму они раньше всего привыкли. По утрам их веселило ясное солнце и сладкий воздух, огромное море, игры ладились, в переполненной жизни надежда была не нужна, и про нее забывали. К полудню потоки света лились уже почти в отвес, резкие краски утра жемчужно линяли, а жара — будто солнце толкало ее, дорываясь до зенита, — обрушивалась как удар, и они от него уклонялись, бежали в тень и там отлеживались, даже спали.

Странные вещи творились в полдень. Слепящее море вздымалось, слоилось на пласты сущей немыслимости; коралловый риф и торчавшие кое-где по его возвышеньям чахоточные пальмы взмывали в небо, их трясло, срывало с места, они растекались, как капли дождя по проводу, множились, как во встречных зеркалах. А то земля вдруг вставала там, где никакой земли не было, и тут же на глазах у детей исчезала, как мыльный

пузырь. Хрюша по-ученому развенчал все это и назвал миражем; а раз никто из мальчиков не мог добраться вплавь до рифа через лагуну, которую стерегли жадные акулы, то они просто привыкли к этим чудесам и их не замечали, как не замечали таинственных, дрожащих звезд. В полдень виденья сливались с небом, и солнце злым глазом глядело вниз. Потом, к вечеру, мираж оседал и горизонт, четкий и синий, вытягивался под низящимся солнцем. И опять водворялась прохлада, омраченная, правда, угрозой тьмы. Лишь только солнце садилось, тьма лилась на остров, как из огнетушителя, и в шалаши под далекими звездами вселялся страх.

Однако североевропейский распорядок занятий, игр и еды мешал вполне отдаться новому ритму, Малыш Персиваль залез в шалаш рано и так и не вылезал оттуда два дня, говорил сам с собой, пел, плакал — они даже подумали, что он тронулся, и это им показалось забавно. Вышел он из шалаша осунувшийся, с красными глазами, несчастный: с тех пор этот малыш мало играл и часто плакал.

Мальчиков поменьше теперь обозначали общим названием «малыши». Уменьшение роста от Ральфа до самого маленького шло постепенно;

и хоть казалось неясно, куда отнести Саймона и Роберта, каждый без труда определял, кто «большой», а кто «малыш». Несомненные малыши — шестилетки — вели особую, независимую и напряженную жизнь. Весь день они жевали, обрывая без разбора все фрукты, до которых могли дотянуться. У них вечно болели животы и был понос. Они невыразимо страшились темноты и в ужасе жались друг к другу. И все же они долгие часы проводили в белом песочке у слепящей воды, играя нехитро и бесцельно. Куда реже, чем следовало ожидать, они плакали и просились к маме; они очень загорели и ходили чумазые. Они сбегались на звуки рога, отчасти потому, что дул в него Ральф, а он по своему росту был переходное звено к миру взрослой власти; отчасти же их развлекали собранья. А вообще они редко лезли к большим и держались особняком, поглощенные собственными важными чувствами и делами.

На отмели у речки они строили песчаные замки. Замки выходили высотою почти в фут, убранные ракушками, вялыми цветами и необычными камушками. Их окружало сложное кольцо шоссе, насыпей, железнодорожных линий, пограничных столбов, раскрывавших свой смысл лишь присевшему на корточки наблюдателю. Малы-

ши играли тут, пусть не слишком весело, зато пристально сосредоточась; и часто один замок строило не меньше троих.

Трое играли тут и сейчас — Генри был самый большой. Он был дальний родственник того мальчика с багровой отметиной, которого не видали на острове с самого пожара; но Генри ничего этого пока не понимал, и скажи ему кто-нибудь, будто тот улетел домой на самолете, он бы ничуть не смутился и тотчас поверил.

Генри сегодня почти верховодил, потому что прочие двое были Персиваль и Джонни, самые маленькие на всем острове. Персиваль был серый, как мышонок, и, конечно, не казался хорошеньким даже собственной маме; Джонни был складный, светловолосый и от природы задира. Но сейчас он слушался Генри, потому что увлекся игрой; и все трое, сидя на корточках, мирно играли.

Из лесу вышли Роджер и Морис. Они отдежурили свое у костра и теперь шли купаться. Роджер шагал прямо по замкам, пинал их, засыпал цветы, разбрасывал отборные камушки. Морис с хохотом следовал за ним и довершал разрушенье. Трое малышей перестали играть и смотрели на них. Как раз те самые вехи, которые занимали

детей сейчас, случайно уцелели, и никто не взбунтовался. Только Персиваль захныкал, потому что ему в глаз попал песок, и Морис поспешил прочь. В прежней жизни Морису случилось претерпеть нагоняй за то, что засорил песком глаз младшего. И теперь, хоть рядом не было карающей родительской руки, Мориса все же тяготило сознанье греха. В мыслях невнятно пробивалось подобие извиненья. Он бормотнул, что пора и поплавать, и затрусил к воде.

Роджер задержался, глядя на малышей. Он не особенно загорел с тех пор, как оказался на острове, но темная грива, падая на лоб и шею, странно шла к угрюмости лица; и, прежде казавшееся просто замкнутым, оно теперь почти пугало. Персиваль перестал хныкать и снова стал играть — песок вымыло слезами. Джонни смотрел на него синими бусинками, потом взбил фонтан из песка, и Персиваль снова заплакал.

Генри надоело играть, и он побрел вдоль берега. Роджер пошел за ним, но держался поближе к пальмам. Генри брел далеко от пальм и тени — он был еще мал и глуп и не прятался от солнца. Он спустился к воде и стал возиться у края. Был прилив, могучий, тихоокеанский, и каждые несколько секунд вода в спокойной лагуне чуть-

чуть поднималась. Кое-кто жил в самой крайней водной кромке — мелкие прозрачные существа взбегали с волной пошарить в сухом песке. Крошечными органами чувств они проверяли новое поле: а вдруг там, где во время последнего их наскока ничего не было, окажется еда — птичий помет, мошки, нежданные отбросы наземной жизни. Словно несчетными зубчиками небывалых грабель, они прочесывали и вычищали песок.

Генри не мог оторваться от этого зрелища. Он тыкал в песок палочкой, выбеленной, обкатанной, тоже оказавшейся тут по воле волн, и старался направить по-своему усилия маленьких мусорщиков. Он рыл в песке канавы, их заливал прилив, и Генри сталкивал в эти воды своих подопечных. Замирая от счастья, он наслаждался господством над живыми тварями. Он с ними разговаривал, он приказывал, понукал. Прилив заставлял Генри пятиться, наливал его следы и превращал в озера, где подданные оказывались в его нераздельной власти. Генри сидел на корточках у края воды, наклонясь, волосы свисали ему на лоб, на глаза, а дневное солнце градом пускало в него невидимые стрелы.

Роджер выжидал. Сперва он притаился за ство-

лом толстой пальмы. Но Генри был так явственно поглощен своим занятием, что Роджер, в конце концов, совершенно перестал прятаться. Он вышел из-за ствола и оглядел берег. Персиваль с ревом убежал, и замки достались счастливцу Джонни. Тот сидел среди них, напевал и швырял песком в воображаемого Персиваля. За ним Роджер видел выступ площадки и отсветы брызг — в бухте плескались Ральф, и Саймон, и Хрюша, и Морис. Он внимательно вслушался, но, кроме их криков, ничего не услышал.

Вдруг ветер качнул пальмы, так что дрогнули и забились листы. С ветки в шести футах над Роджером сорвалась гроздь орехов, волокнистых комьев, каждый — мяч для регби. Они тяжко плюхнулись вокруг, но в него не попали. Роджер и не подумал спасаться. Он переводил взгляд с орехов на Генри.

Пальмы росли на намывной полосе: и многие поколения пальм повытягивали из почвы камешки, прежде лежавшие в песке другого берега. Роджер нагнулся, поднял камешек и запустил в Генри, но так, чтобы промахнуться. Камень символом сместившегося времени просвистел в пяти ярдах от Генри и бухнул в воду. Роджер набрал горстку камешков и стал швырять. Но вокруг

Генри оставалось пространство ярдов в десять диаметром, куда Роджер не дерзал метить. Здесь, невидимый, но строгий, витал запрет прежней жизни. Ребенка на корточках осеняла защита родителей, школы, полицейских, закона. Роджера удерживала за руку цивилизация, которая знать о нем не знала и рушилась.

Вода хлюпала. Генри насторожился. Он изменил своим тихим прозрачным малявкам и, как сеттер, нацелился на центр слоящихся кругов. Камни падали то по одну, то по другую сторону от Генри, и он послушно крутил шеей, но все не успевал застигнуть взглядом камень на лету. Наконец это ему удалось, и он стал весело озираться и искать, где же решивший его позабавить приятель. Но Роджер снова нырнул за ствол и прижался к нему. Он запыхался и жмурился. А Генри уже утратил к камням интерес и побрел прочь.

— Роджер…

Джек стоял ярдах в десяти, под пальмой. Роджер открыл глаза, увидел его, и еще более темная тень наползла на смуглоту щек, но Джек ничего не заметил. Он кивал, он всем своим видом подзывал Роджера, и Роджер к нему подошел.

У моря запруженная песком река наливала

заводь, крошечное озерцо. Оно все поросло иголками камыша и кувшинками. Там ждали Сэм и Эрик и еще Билл. Джек зашел в тень, стал возле озерца на коленки и развернул два больших листа. В одном оказалась белая глина, в другом — красная. Рядом была головешка.

Между делом Джек объяснял Роджеру:

— Чуять они меня не чуют. А видят, наверное. Видят что-то розовое в кустах.

Он размазывал по лицу глину.

— Эх, мне бы еще зелененькой!

Он повернулся к Роджеру наполовину закрашенным лицом и ответил на мелькнувшую в его взгляде догадку:

— Это я для охоты. Как на войне. Ну — маскировка. Когда что-то на что-то еще похоже.

Он очень старался растолковать это Роджеру. -…ну, как бабочки на дереве серые…

Роджер понял и угрюмо кивнул. Близнецы подошли к Джеку и стали чем-то возмущаться. Джек отмахнулся от них:

— Да ну вас.

Он затушевывал головешкой просветы между красным и белым у себя на лице.

— Хотя нет. Вы со мной пойдете.

Он взглянул на свое отражение и разочаро-

вался. Нагнулся, зачерпнул полные пригоршни теплой воды и все смыл с лица. Снова показались веснушки и рыжие брови.

Роджер хмуро усмехнулся:

— Вид ничего.

А Джек уже сочинил себе новое лицо. Одну щеку и веко он покрыл белым, другую половину лица сделал красной и косо, от правого уха к левой скуле, полоснул черной головешкой. Потом опять заглянул в воду, но от его дыхания она замутилась.

— Эрикисэм. Ну-ка быстренько мне кокос. Пустой.

Он стал на коленки и зачерпнул скорлупой воды. Круглая солнечная заплата легла на лицо, и глубь высветлилась ярким зеркалом. Он недоуменно разглядывал — не себя уже, а пугающего незнакомца. Потом выплеснул воду, захохотал и вскочил на ноги. Возле заводи над крепким телом торчала маска, притягивала взгляды и ужасала. Джек пустился в пляс. Его хохот перешел в кровожадный рык. Он поскакал к Биллу, и маска жила уже самостоятельной жизнью, и Джек скрывался за ней, отбросив всякий стыд. Красное, белое, черное лицо парило по воздуху, плыло, пританцовывая, надвигалось на Билла.

Билл хихикал, потом вдруг смолк, повернулся и стал продираться сквозь кусты.

Джек метнулся к близнецам.

— Остальным построиться. Пошли.

— Но ведь же… -…мы…

— Пошли! Я подкрадусь и ка-ак…

Маска завораживала и подчиняла.

Ральф вылез из воды, пробежал по берегу и сел в тень, под пальмы. Светлые волосы налипли ему на лоб, и он их смахнул. Саймон плавал и сучил ногами, а Морис учился нырять. Хрюша слонялся по берегу, что-то искал в песке, подбирал, равнодушно бросал. Пленившие его прудки накрыло приливом, и он выжидал, когда спадет вода. Вот он увидел Ральфа под пальмой, подошел и устроился рядышком.

На Хрюше еще кое-как держались остатки шортов, толстый живот золотисто загорел, и очки по-прежнему вспыхивали, когда он на что-то устремлял взгляд. У него, единственного на острове, волосы будто и не отросли. Все мальчики встряхивали густыми гривами, а у Хрюши голова чуть-чуть обросла, будто ей так и надо быть лысой и этот несовершенный покров потом сойдет, как мшистый налет с рогов олененка.

— Я вот думал, — сказал он, — насчет часов. Нам

бы солнечные часы сделать. Воткнуть в песок палку и…

Объяснять связанные с этим математические сложности было бы чересчур утомительно. Хрюша сделал только несколько круговых взмахов руками.

— И еще можно сделать самолет, и телевизор, — отозвался Ральф кисло, — и паровой двигатель.

Хрюша покачал головой.

— Туда сколько металла идет, — сказал он. — У нас же нету его, металла этого. А палка вот есть.

Ральф обернулся и не удержался от улыбки. Хрюша был зануда. Его пузо и практические идеи надоели Ральфу, но ужасно весело было его дурачить, даже когда это выходило не нарочно.

Хрюша увидел улыбку и ложно истолковал ее как знак дружелюбия. Старшие, не сговариваясь, сошлись на том, что Хрюша чужак, не только из-за акцента и ошибок, ошибки-то бы еще куда ни шло, но из-за пуза, астмы, стекляшек и известного отвращенья к физическому труду. И вот заметив, что развеселил Ральфа, он обрадовался и стал развивать свою мысль:

— У нас сколько хочешь их, палок. Можно, чтоб у каждого свои часы. И будем всегда сколько время знать.

— Вот уж много толку!

— Сам говорил — надо чего-то делать. Чтобы нас спасли.

— А, да ну тебя.

Он вскочил и побежал к бухте, где Морис как раз нырнул весьма неудачно. Ральф обрадовался, что можно переменить тему. И, завидя вынырнувшего Мориса, закричал:

— Эх ты, мешок! Мешок!

Морис улыбнулся Ральфу, а тот легко заскользил по воде. Он тут лучше всех плавал. Но сейчас болтовня о спасении, дурацкая трепотня о спасении его разозлила и не утешали даже зеленая глубь и золотое, дробное солнце. Он не стал играть с ребятами, ровно прогреб под Саймоном и, блестя и струясь, как тюлень, вылез полежать на другой стороне. Этот нелепый Хрюша подался туда же, но Ральф лег на живот и притворился, будто его не заметил. Мираж исчез, и Ральф хмуро кинул взглядом по тугой и синей черте горизонта.

Через секунду он был на ногах, он орал:

— Дым! Дым!

Саймон сел было прямо в воде и, конечно, захлебнулся; Морис, собиравшийся нырнуть, качнулся на пятках, метнулся к площадке, свер-

нул, бросился на траву под пальмы и на всякий случай стал натягивать свои рваные шорты.

Ральф стоял, одной рукой он придерживал волосы, другую сжал в кулак. Саймон выбирался из воды. Хрюша тер очки об шорты и косился на море. Морис совал обе ноги в одну штанину. Только Ральф не шевелился.

— Дыма не видать, — протянул с сомнением Хрюша. — Дыма не видать. Где он у тебя, дым этот, а, Ральф?

Ральф молчал. Он теперь обеими руками зажал лоб, чтоб в глаза не лезли волосы. Весь подался вперед, и соль уже выбеливала ему тело.

— Где ж корабль, а, Ральф?

Саймон стал рядом и смотрел на горизонт из-за плеча Ральфа. Штаны Мориса вздохнули и треснули, он скинул их, побежал за деревья и тотчас вернулся.

Дым был — плотный узелок над горизонтом, и узелок этот тихо-тихо разматывался. Под ним была точка — наверно, труба. Ральф, весь белый, бормотал:

— Они увидят наш дым.

Хрюша наконец-то смотрел куда нужно:

— Его почти что не видать.

Он оглянулся и посмотрел на гору. Ральф впил-

ся взглядом в корабль. Лицо было уже не такое белое. Саймон стоял рядом и молчал.

— Я, конечно, плохо вижу, — сказал Хрюша. — Но наш дым-то, он у нас есть или нету его?

Ральф только дернулся, не отрываясь от корабля.

— Где наш-то дым?

Подбежал Морис, он тоже уставился на море. Саймон и Хрюша смотрели на гору. Хрюша сморщился, а Саймон заорал, как будто больно ударился:

— Ральф! Ральф!

Голос был такой, что Ральфа завертело на песке.

— Вы мне скажите, — изнемогал Хрюша. — Есть там сигнал?

Ральф глянул на тающий дым над горизонтом, потом снова на гору.

— Ральф, ну Ральф же! Есть там сигнал?

Саймон робко потянулся рукой к Ральфу; но Ральф уже бежал, взметая брызги, он пронесся по отмели, по белому, каленому песку, под пальмы. Через секунду он сражался с кустами, которыми уже заросла просека. Саймон побежал следом, за ним Морис. Хрюша все орал:

— Ральф! Ральф!

Потом он тоже побежал и, взбираясь на террасу, споткнулся о сброшенные Морисом шорты. Позади, за четверыми мальчиками, медленно скользил по горизонту дымок; а на берегу Генри и Джонни швыряли песком в глаза Персивалю, и снова тот уныло хныкал; и все трое не ведали о переполохе.

Одолев просеку, Ральф совсем запыхался и только и мог что выругаться. Он нещадно кидался беззащитно голым телом на шипы и весь окровавился. У крутого подъема, уже на гору; он запнулся. Морис был сзади, всего в нескольких ярдах.

— Хрюшины очки! — крикнул Ральф. — Если костер погас…

Он смолк и покачнулся. Хрюша еще ковылял по берегу, еле видный отсюда. Ральф глянул на горизонт, потом опять на гору. Может, лучше сперва взять у Хрюши очки? Или корабль уйдет? Но вдруг они взберутся, а огонь погас, и стой тогда и смотри, как плетется Хрюша, а корабль исчезает за горизонтом? И в последней крайности, не зная, на что решиться, Ральф крикнул:

— Господи! Ох! Господи!

Саймон, задыхаясь, продирался сквозь кусты. Ему свело лицо. Ральф карабкался вверх, прово-

жая бешеным взглядом исчезающий дымный жгутик.

Костер погас. Они это поняли сразу. Они это знали уже там, внизу, когда их поманил родной дым. Костер совсем погас, не дымился, остыл; дежурные ушли. Рядом наготове лежало бесполезное топливо.

Ральф оглянулся на море. Снова чужой и пустой — только смутный след от дыма — вытянулся горизонт. Ральф, спотыкаясь, бежал вдоль скал, отшатывался от красного обрыва и кричал кораблю:

— Вернитесь! Вернитесь!

Он метался по краю обрыва, не отворачивая лица от моря, и как сумасшедший звал:

— Вернитесь! Вернитесь!

Подоспели Саймон и Морис. Ральф смотрел на них, не мигая. Саймон отвернулся, утирая щеки. Ральф выпалил ужасное — хуже он не знал — слово:

— Сволочи! Погубили костер.

Он скользнул глазами вдоль чужого склона. Хрюша наконец вскарабкался, он задыхался, и он хныкал, как малыш. Вдруг Ральф сжал кулаки и ужасно покраснел. Взгляд вперился в одну точку, голос сорвался:

— Вон они.

Процессия двигалась далеко внизу, у самой воды, по розовой осыпи. Кое на ком из мальчиков были черные шапочки, вообще же шли почти нагишом. Дружно поднимали палки вверх, нападая на легкие тропки. Что-то пели, что-то насчет груза, который очень осторожно несли заблудшие близнецы. Джека Ральф различил сразу, даже с такого расстояния; высокий, рыжий, он, разумеется, шел во главе.

Саймон посмотрел на Джека из-за плеча Ральфа, как раньше он смотрел из-за плеча Ральфа на горизонт, и, кажется, испугался. Ральф больше ничего не сказал и ждал, когда они подойдут. Пенье сюда долетало, но даль заглатывала слова. За Джеком шли близнецы и несли на плечах длинную жердь. Кровавая свиная туша свисала с жерди и грузно качалась, когда близнецы спотыкались на неровной дороге. Голова моталась под зияющим горлом и будто вынюхивала дорогу. Вот уже над черным палом забились обрывки песни: «Бей свинью! Глотку режь! Выпусти кровь!» Но как раз когда они стали разбирать слова, процессия дошла до самой кручи и на минутку песня запнулась. Хрюша хлюпнул носом, и Саймон шикнул на него, будто он громко заговорил в

церкви.

Первым на вершине показалось раскрашенное лицо Джека, и он, ликуя, поднял копье в знак привета.

— Смотри-ка, Ральф. Мы свинью убили. Подкрались… Окружили…

И охотники наперебой:

— Окружили…

— Ка-ак нападем…

— Она визжать…

Свинья качалась между близнецами, роняла черные капли. На лицах близнецов, будто на двоих одна, сияла самозабвенная улыбка. Джека распирало, он не знал, с чего начать. Сначала вместо слов он просто пустился в пляс, но вспомнил о своем достоинстве и застыл, улыбаясь. Заметил у себя на руках кровь, перекосился, поискал, чем бы ее вытереть, вытер об шорты и расхохотался.

Тогда заговорил Ральф:

— Вы бросили костер.

Джек осекся от такой бестактности, но она не могла омрачить его счастья.

— Ничего, новый разведем. Эх, Ральф, был бы ты с нами. Было потрясающе! Она лягнула близнецов, они шлепнулись…

— Мы ее зажали…

— Я ка-ак на нее…

— А я ей горло перерезал. — Джек сказал это гордо, но все-таки передернулся. — Разреши, Ральф, я твой нож возьму, первую зарубку у себя на рукоятке сделать.

Охотники скакали и трещали. Близнецы все еще улыбались.

— Крови было — жуть! — Джек захохотал и снова передернулся. — Ты бы видел!

— Теперь мы каждый день будем охотиться…

Ральф не двигался, он снова заговорил, севшим голосом:

— Вы бросили костер.

Джека, наконец, проняло. Он переводил взгляд с близнецов на Ральфа.

— Они нам для охоты были нужны, — сказал он, — а то бы нам ее не окружить. — И он вспыхнул виновато.

— Костер же час или два всего как погас. Новый разведем…

Он заметил разодранную голую кожу Ральфа, хмурое молчание всех четверых. В великодушии счастья ему хотелось всех оделить радостью происшедшего. В голове теснились образы, открытия; открытия, которые они сделали, когда зажали бьющуюся свинью, перехитрили живую

тварь, покорили своей воле, а потом долго, жадно, как пьют в жару, отнимали у нее жизнь.

— Крови было!

И он широко развел руки в стороны.

Притихшие охотники снова оживились. Ральф смахнул волосы со лба. Другой рукой показал на пустой горизонт. Голос был такой громкий и злой, что все сразу стихли:

— Там был корабль.

Джек сразу понял, что это означает, и не выдержал взгляда Ральфа. Нагнулся, положил руку на свиную тушу, взялся за нож. Ральф сжал кулак, и голос у него дрогнул:

— Был корабль. Там. Ты обещал следить за костром, а он из-за тебя погас.

И шагнул к Джеку. Тот уже смотрел ему в лицо.

— Они бы нас заметили. Мы бы домой поехали.

Этого Хрюша не снес, от горя он позабыл о всякой робости. Он завопил:

— А ты, Джек Меридью, все со своей этой кровью! Со своей охотой! Мы бы домой поехали!

Ральф отстранил Хрюшу.

— Тут я главный. И ты должен исполнять, что я скажу. А ты только говорить умеешь. Ты даже шалаши строить не можешь. Тебе бы все охотиться,

а костер погас.

Он отвернулся и на секунду умолк. Потом голос у него опять чуть не сорвался:

— Был корабль…

Один из охотников, который поменьше, расплакался. До всех уже доходила ужасная истина. Джек, ковырявший ножом тушу, весь покраснел:

— Работа большая. Нам все были нужны.

Ральф повернулся:

— Кончили бы шалаши, и были бы у тебя все. Так нет, тебе лишь бы охотиться…

— Нам мясо нужно.

Джек выпрямился. С ножа капала кровь. Двое мальчиков стояли лицом к лицу. Сверкающий мир охоты, следопытства, ловкости и злого буйства. И мир настойчивой тоски и недоумевающего рассудка. Джек переложил нож в левую руку и размазал кровь по лбу, сдвигая налипшую прядь.

Хрюша опять завел:

— Все из-за тебя. Обещал следить за дымом…

Такое от Хрюши да еще под всхлипы кое-кого из охотников вывело Джека из себя. В синих глазах метнулась ярость. Он шагнул, с облегчением размахнулся и ткнул Хрюшу в живот кулаком. Тот хрюкнул и сел. Джек стоял над ним. Голос у

него исказился от унижения:

— А этого не хочешь? Что — съел? Жирняй!

Ральф шагнул к ним, и Джек съездил Хрюшу по голове. Очки упали, звякнули об камни. Хрюша заорал в ужасе:

— Мои очки!

Он ползал на четвереньках, шарил по камням, но Саймон опередил его и подал ему очки. На вершине горы крылато кружили и бились, раздирая Саймона, страсти.

— Одно стекло разбито.

Хрюша схватил очки и надел. Он злобно смотрел на Джека.

— Я не могу без очок. Я одноглазый теперь. Ты дождешься!

Джек двинулся на Хрюшу, тот уклонился, перелез через большой камень и спасся за ним. Высунулся и сверкнул уцелевшим стеклом на Джека:

— Я не могу без очок! Ты дождешься!

Джек изобразил и позу и вой:

— Без очо-о-к, дождесся!

Сам Хрюша и представление Джека были до того уморительны, что охотники прыснули. Джек ободрился. Он сделал еще несколько шажков раскорякой, и все зашлись от хохота. Даже у Ральфа

дрогнули губы, но он тотчас же разозлился на себя. И почти шепнул:

— Это подлость.

Джек вздрогнул, перестал кривляться, постоял, посмотрел на Ральфа. И выкрикнул:

— Ну ладно! Ладно!

Он оглядывал Хрюшу, Ральфа, охотников.

— Правда, это нехорошо. Ну, насчет костра… Вот, значит… я…

И — с оттяжкой:

— Прошу меня извинить.

Охотники отозвались на красивый жест восхищенным гулом. Они давали понять, что Джек молодец, что от своего великодушного извинения он только выгадал, тогда как Ральф каким-то образом прогадал. И теперь от него ждали достойного ответа.

Ничего, ничего такого Ральф не мог из себя выдавить. Джек действительно ловко выкрутился, но Ральфа он только еще больше разозлил. Костер погас, корабль ушел. Неужели им этого мало? Какой уж достойный ответ, он не мог совладать со злостью:

— Это подлость.

Над вершиной горы сгустилось молчанье. Взгляд Джеку застлала муть и прошла.

Последнее слово осталось за Ральфом. Он буркнул.

— Ладно. Разжигайте костер.

Наконец можно было заняться делом, и всем полегчало.

Ральф больше ничего не говорил, не делал, он стоял и смотрел на золу под ногами. Джек очень шумел. Отдавал приказы, пел, свистел, бросал фразы молчащему Ральфу, фразы, не требовавшие ответа и потому не приглашавшие к перепалке; а Ральф все молчал. Никто, даже Джек, не рискнул попросить, чтоб он сдвинулся, и, в конце концов, костер стали складывать ярдах в трех от него, на куда менее удобном месте. Так Ральф утвердил свое главенство, и не придумал бы лучшего способа, если б хоть целую неделю ломал над этим голову. Перед оружием, столь непонятным и неодолимым, Джек пасовал и безотчетно кипел. К тому времени, когда костер сложили, их разделял высокий барьер.

Когда осталось только зажечь, снова была напряженная минута. Джек нерешительно мешкал. И вот, к его изумлению, Ральф подошел к Хрюше и снял с него очки. Ральф и сам не заметил, как между ним и Джеком вновь закрепилась треснувшая было нить.

— Давай я.

— Нет, я сам.

Хрюша стоял за Ральфом, утопая в море ополоумевших красок, а тот, на коленках, направлял зайчика. Как только огонь вспыхнул, Хрюша сразу протянул руку и схватил свои очки. Непобедимо лиловые, красные, желтые цветы ошарашивали их красотой, и всем стало не до враждебности. Снова они сделались мальчиками вокруг бивачного костра, и даже Ральф с Хрюшей почти влились в кружок. Скоро все побежали за валежником, а Джек разделывал тушу. Сперва хотели всю тушу зажарить прямо на жерди, но ничего не вышло, жердь сразу сгорела. Тогда сообразили натыкать куски мяса на ветки и совали в огонь; но и так самим приходилось хорошенько поджариваться.

У Ральфа текли слюнки. Он думал отказаться от мяса, но долгая диета из фруктов, орехов да коекогда то рыбы, то краба сломила его выдержку. Он схватил кусок недожаренного мяса и накинулся на него, как волк.

У Хрюши тоже текли слюнки, он сказал.

— А мне?

Джек собирался потомить его неизвестностью, чтоб показать свою власть; невыдержанный

Хрюша сам нарывался на жестокость.

— Ты не охотился.

— Ральф тоже, — зашелся Хрюша. — И Саймон. — И он подытожил: — В крабе небось не больно много мяса поешь.

Ральф поежился. Саймон, сидевший между Хрюшей и близнецами, обтер рот, сунул свой кусок Хрюше за камень, и тот его схватил. Близнецы фыркнули, а Саймон потупился от стыда.

Тут Джек вскочил, откромсал большущий кусок мяса и швырнул к ногам Саймона.

— На! Жри, тебе говорят!

Он буравил Саймона взглядом.

— Ну!

Он закружился в центре кружка ошарашенных мальчиков.

— Я вам мясо добыл!

Вся досада, все несчетные стыдные обиды вылились в первозданной пугающей вспышке.

— Я раскрасил лицо… Я подкрался… Ну и жрите… А я…

На вершине горы молчанье густело, густело, пока не стало слышно, как трещит огонь и, жарясь, шипит мясо. Джек огляделся, ища сочувствия, но встретил одну почтительность. Ральф стоял на пепелище сигнального огня с мясом в руках

и молчал.

Наконец молчанье нарушил Морис. Он обратился к единственной теме, которая могла объединить всех:

— А вы ее где нашли?

Роджер кивнул на чужой склон.

— Там они были. У моря…

Джек уже оправился. Он сам хотел рассказывать. Он перебил Роджера:

— Мы залегли вокруг. Я подкрался на четвереньках. Копья ее не брали, без зазубрин потому что. Свинья побежала и как завизжит…

— Потом обратно, попала в кольцо, кровь хлещет…

Мальчики трещали наперебой, радостно, взахлеб:

— Мы ее зажали в кольцо…

От первого же удара у свиньи отнялись задние ноги, так что легко было зажать ее и добивать, добивать…

— А я ей горло перерезал.

Близнецы, со своей вечной обоеликой улыбкой, вскочили и стали плясать один вокруг другого. И вот плясали уже все, все визжали в подражание издыхающей свинье, кричали:

— По черепушке ее!

— По пятачку!

Морис с визгом вбежал в центр круга, изображая свинью; охотники, продолжая кружить, изображали убийство. Они танцевали, они пели.

— Бей свинью! Глотку режь! Добивай!

Ральф смотрел на них, ему было и завидно, и противно. Он выждал, пока они угомонились, пока замолкли последние отзвуки песни, и только тогда заговорил.

— Я созываю собрание.

Все по очереди замирали и обращали к нему лица.

— Собранье. Я объявляю сбор, хотя нам, может, придется сидеть в темноте. Идите на площадку. Как только я протрублю в рог. Сейчас же.

Повернулся и пошел вниз.

Глава пятая
Зверь выходит из вод

Вода прибывала, и только узкая полоска твердого берега оставалась между белым бугристым подножьем террасы и морем. Ральф пошел по этой твердой полоске, потому что ему надо было хорошенько подумать, а хорошо думается только тогда, когда идешь, не глядя себе под ноги. И вдруг, бредя вдоль воды, он изумился. Он вдруг понял, как утомительна жизнь, когда приходится заново прокладывать каждую тропку и чуть не все время, пока не спишь, ты следишь за своими вышагивающими ногами. Он остановился, окинул взглядом обуженный пляж, первая веселая разведка вспомнилась ему как что-то из дальнего, лучезарного детства, и он горько усмехнулся. Он повернул и пошел обратно, к площадке, и солнце теперь било ему в лицо. Ральф готовился к речи, и, бредя в густом, слепящем солнечном блеске, он пункт за пунктом ее репетировал. Итак, это собранье не для глупостей, с этим пора покончить, сейчас вообще не до выдумок…

Он запутался в мыслях, неясных оттого, что ему

не хватало слов, чтобы выразить их. Нахмурился и стал обдумывать все сначала.

Это собранье не забава, а дело серьезное.

Тут он прибавил шагу, подгоняемый мыслью о том, что надо спешить, что садится солнце, и всколыхнувшийся от его скорости ветерок дунул ему в лицо. Ветерок приплюснул серую рубашку к груди Ральфа, и он заметил — он сейчас вообще все понимал и замечал, — как складки на рубашке противно задубели, стали будто картонные и как обтрепанными краями шортов ему больно, докрасна растерло ноги. Ральф с омерзеньем понял, до чего он грязен и опустился; он понял, как надоело ему вечно смахивать со лба спутанные космы и по вечерам, когда спрячется солнце, шумно шуршать сухой листвой, укладываясь спать. Тут он припустил почти бегом.

Берег возле бухты был усеян группками дожидавшихся собрания мальчиков. Перед ним молча расступались, понимая, что он не в духе из-за незадачи с костром.

Место для собраний, где он остановился, было треугольником, но, как и все, что они делали, составленным наспех и кое-как. Основанием было бревно, на котором полагалось сидеть самому Ральфу, — огромное мертвое дерево необычных

для площадки размеров. Вряд ли оно могло тут вырасти. Скорей всего, его занесло одной из знаменитых тихоокеанских бурь. Оно лежало параллельно берегу, и, сидя на нем, Ральф смотрел на остров, для других вырисовываясь темным силуэтом против сверканья лагуны. Боковые стороны треугольника были неравны. Справа лежал ствол, отполированный беспокойным ерзаньем, но уже не такой толстый и куда менее удобный. Слева было четыре небольших бревнышка, и одно — дальнее — злосчастно пружинило. Каждый раз собрание разражалось хохотом, когда кто-то, слишком привольно рассевшись, толкал его, и оно скидывало полдюжины ребят в траву. И ни у кого, подумал теперь Ральф, ни у кого не хватило ума — хорош же он сам, и Джек, и Хрюша — привалить камень к деревцу, которому охота кувыркаться. Так и будут они с него плюхаться, потому что, потому что, потому… И снова он совершенно запутался.

Возле каждого бревна трава повытерлась, но в центре треугольника она росла высоко и буйно. У вершины трава была тоже густая, там никогда не садился никто. Высокие серые стволы ровно тянулись вверх или клонились вокруг треугольника, подпирая низкую лиственную кровлю. По

бокам был берег, сзади лагуна, впереди — темень острова.

Ральф подошел к своему месту. Никогда еще он так поздно не созывал собраний. Ну да, потому-то все сейчас и выглядело по-другому. Обычно зеленая кровля снизу высвечивалась золотыми бликами и тени на лицах были перевернуты, как когда держишь фонарик в руке. А теперь солнце садилось и забрасывало тени, как им положено.

Опять его повело на мудреные выкладки. Если лицо совершенно меняется от того, сверху ли или снизу его осветить, — чего же стоит лицо? И чего все вообще тогда стоит?

Ральф поежился. Когда ты главный, тебе приходится думать и надо быть мудрым, в этом вся беда. То и дело надо принимать быстрые решения. И тут поневоле будешь думать, потому что мысли — вещь ценная, от них много проку.

«Только вот, — решил Ральф, глядя на место главного, — думать-то я не умею. Не то, что Хрюша».

Второй раз за вечер Ральф пересматривал ценности. Хрюша думать умеет. Как он здорово, по порядку все всегда провернет в своей толстой башке. Но какой же Хрюша главный? Хрюша смешной, толстопузый, но котелок у него варит,

это уж точно. Ставши специалистом по части мыслей, Ральф теперь-то уж понимал, кто умеет думать, кто нет.

Бьющее в глаза солнце напомнило о позднем часе, и он снял с дерева рог и стал рассматривать. От того, что его вытащили из родной стихии, розовая и желтая поверхность рога выцвела чуть не до белизны и стала почти прозрачной. Ральф рассматривал рог с нежной почтительностью, будто вовсе и не он сам своими руками выловил его из воды. Он окинул взглядом место собраний и поднял рог к губам.

Все только того и ждали и сбежались сразу. Те, кто знали, что корабль прошел мимо острова, а костер не горел, боялись еще больше прогневить Ральфа; те же, кто, как малыши, например, ничего не знали, поддались общему настроению. Места быстро заполнялись. Джек, Саймон, Морис, большинство охотников сели справа от Ральфа; остальные — слева, на солнце. Хрюша остался вовне треугольника. Это означало, что он намерен слушать, не говорить; Хрюша выражал таким образом неодобрение.

— Значит, так: нам надо сейчас же провести собрание.

Никто ничего не ответил, но все лица обра-

тились к Ральфу. Ральф покачал рогом. Он по опыту знал, что подобные важные утвержденья, чтобы они дошли до всех, надо повторить хотя бы дважды. Надо сидеть, держать рог перед глазами мальчиков, кое-как пристроившихся на бревнах, и ронять слова обкатанными тяжелыми камешками. Он поискал в уме самых простых слов, чтобы даже малыши могли их понять. Потом уж пусть Джек, Морис и Хрюша плетут что хотят, это они умеют, но сначала надо ясно и четко выразить, о чем пойдет речь.

— Нам надо сейчас же провести собрание. Не для шуточек. Не для того, чтоб хихикать или сваливаться с бревна, — малыши на кувыркающемся бревне хихикнули и переглянулись, — не для того, чтоб остроумие показывать и... — он поднял рог и с натугой искал словцо похлеще, — умничать. Совсем не для этого всего. А чтобы поговорить начистоту.

Он немного помолчал.

— Вот я шел. Шел я один и думал. Я знаю, что нам надо. Нам надо поговорить начистоту. Ну и вот, сейчас я сам скажу.

Он опять помолчал и привычно смахнул волосы со лба. Хрюша на цыпочках подошел к треугольнику, покончив с неудачной демонстра-

цией.

Ральф продолжал:

— Собраний у нас хватает. Всем нравится говорить, собираться. Всякие решенья принимать. Но мы ничего не выполняем. Вот решили носить воду из реки в кокосовых скорлупах, накрывать ее свежими листьями. Ну, и сперва так и было. Теперь воды нет. Скорлупы сухие. Все на реку ходят пить.

Пронесся гул. Все соглашались с Ральфом.

— Конечно, из реки тоже можно напиться, что тут плохого. Я и сам-то лучше стану пить там, ну, где водопад, вы знаете, чем из старой кокосовой скорлупы. Но ведь мы же сами решили носить. И не носим. Сегодня было только две скорлупы с водой.

Он провел языком по сухим губам.

— Теперь про шалаши. Про убежища.

Снова поднялся и стихнул гул.

— Спите вы почти все в шалашах. Сегодня, кроме Эрикисэма, которые у костра дежурят, все в шалашах будут спать. А кто их строил?

Тут уж собрание расшумелось. Шалаши строили все. Снова Ральфу пришлось помахать рогом.

— Погодите вы! Я спрашиваю — кто все три шалаша строил? Первый мы строили все, вто-

рой строили вчетвером, а последний только мы с Саймоном. То-то он и шатается. Погодите. Ничего смешного. Он развалится, когда опять польет дождь. А тогда нам будут нужны все три шалаша.

Он умолк, откашлялся.

— И еще одно. Мы решили, что уборная у нас будет там, в тех скалах за бухтой. Что ж, очень даже правильно. Волны сами обмывают эти скалы. Это и малыши знают.

Кругом опять стали хихикать и переглядываться.

— А теперь где хотят, там и присаживаются. Возле самых шалашей, прямо на площадке. Вы, малыши, если у вас схватил живот, когда рвете фрукты…

Собрание ревело.

— Я говорю, как прихватит, вы бы хоть от фруктов подальше. А то грязь и безобразие.

Снова поднялся смех.

— Я говорю, это безобразие!

Он подергал на себе серую, задубевшую рубашку.

— Безобразие! Если прихватит, надо в скалы бежать. Ясно?

Хрюша потянулся за рогом, но Ральф затряс го-

ловой. Он обдумал свою речь, пункт за пунктом.

— Надо всем нам снова ходить к этим скалам. А то грязно очень. — Он умолк. Предчувствуя взрыв, все затаили дыхание. — И еще. Насчет костра.

Ральф вздохнул почти со стоном, и по собранию эхом пронесся вздох. Джек принялся стругать прутик, что-то шепнул Роберту, и тот отвернулся.

— Костер тут на острове — важней всего. Как же нас спасут, если он у нас не будет гореть? Только, может, чудом. И неужели же мы не можем с этим справиться?

Он выбросил вперед правую руку.

— Смотрите! Сколько нас! И мы не смогли удержать костер. Вы что — не понимаете? Костер нельзя забывать, уж лучше… лучше умереть!

Охотники смущенно захихикали. Ральф посмотрел на них и продолжал запальчиво:

— Эх вы, охотники! Еще смеетесь! Поймите вы — костер важней, чем ваши свиньи, сколько бы вы их там ни понаубивали. Вы что, не соображаете? — Он развел руками и оглядел всех.

— Дым у нас всегда должен быть — хоть умри!

Он умолк, уже взвешивая новый пункт.

— И еще одно.

Кто-то выкрикнул:

— Может, хватит?

Кто-то тихонько поддакнул. Ральф не стал ничего замечать.

— И еще одно. Мы чуть весь остров не спалили. И мы только зря время теряем, сдвигаем камни, разводим маленькие костры, чтоб жарить. И вот я, как главный, объявляю правило. Костры нигде не жечь ни за что. Только на горе.

Шум поднялся неимоверный. Все вскакивали, орали, Ральф орал в ответ:

— Если тебе нужно зажарить рыбу или краба — подымайся на гору, ничего с тобой не случится! И так оно верней.

В низящихся лучах замелькали потянувшиеся за рогом руки. Ральф вспрыгнул на бревно.

— Вот что я хотел сказать. Ну и сказал. Вы сами меня выбрали. И должны меня слушаться.

Постепенно все затихли, уселись. Ральф спрыгнул на землю и заговорил обычным голосом.

— Значит, так. Уборная в скалах. Костер чтоб всегда горел и всегда был дым. Жечь огонь только на горе. Еду жарить там.

Джек встал, мрачно хмурясь, потянулся за рогом.

— Я еще не кончил.

— Да ты уж сколько наговорил!

— У меня рог.

Джек сел, недовольный.

— И — последнее. Об этом и так разговоры, наверное.

Он выждал, пока на площадке водворилась тишина.

— Не получается у нас как-то. Не пойму, что такое. Так хорошо начинали. Весело было. И вот…

Он погладил рог, устремив мимо них пустой взгляд, думая про зверя, змея, костер, разговоры про страх.

— И вот все начали бояться.

Поднялся и тотчас замер ропот, почти стон. Джек уже не строгал. Ральф продолжал отрывисто:

— Это все малыши зря болтают. Это надо уладить. Так что вот, последнее, что нам остается еще решить, — это насчет страха.

Опять ему в глаза полезли волосы.

— Надо поговорить насчет этого страха, ведь бояться-то нечего. Я и сам иногда боюсь. Только глупости это! Выдумки. Давайте разберемся насчет этого страха, и тогда он не будет нам мешать, и можно будет заняться серьезными делами, как костер, например. — В голове у него мелькнула картинка — трое мальчиков над сверкающим морем. — И опять нам будет хорошо, нам будет

весело.

Ральф торжественно положил рог на бревно в знак того, что речь его окончена. Пробивавшиеся к ним лучи уже совсем припадали к земле.

Джек встал и взял рог.

— Значит, решили поговорить начистоту. Ладно. Скажу все прямо. Весь этот страх вы, малыши, сами выдумали. Зверь! Да откуда? Ну, бывает и нам страшно иногда, но подумаешь, дело большое — страшно! Вот Ральф говорит, вы по ночам орете. Ну и что! Это просто от кошмаров. И вообще — вы не строите, вы не охотитесь, толку от вас чуть, сыночки мамочкины, неженки. Вот. Нам тоже страшно бывает, но мы нюни не распускаем!

Ральф смотрел на Джека, раскрыв рот, Джек ничего не замечал.

— От страха вас не убудет. Сам-то страх не кусается. Нет здесь на острове никаких страшилищ. — Он оглядел перешептывающихся малышей. — А так бы вам и надо, если бы вас кто-то и съел, кому вы нужны, плаксы несчастные! Да только нет — слышите вы? — нет зверя здесь…

Ральф не выдержал:

— Да ты что? Кто говорит про зверя?

— Сам же недавно говорил. Сказал, снится им что-то, они кричат. А теперь распустили языки,

и не одни малыши, но бывает, даже мои, охотники — болтают про черное что-то, про зверя какого-то, я сам слышал. А, так ты не знал, да? Тогда послушай. На таких маленьких островах не бывает больших зверей. Исключительно свиньи. Львы и тигры водятся только в больших странах, в Африке, например, или в Индии…

— Или в зоопарке…

— У меня рог! И я не про страх говорю. А я про зверя говорю. Хочется вам пугаться — пожалуйста! Но насчет зверя…

Джек помолчал, качая рог, как ребенка, потом повернулся к своим охотникам в грязных черных шапочках:

— Настоящий я охотник или нет?

Они только закивали в ответ. Да, охотник он настоящий. Тут кто же мог сомневаться?

— Ну так вот, я прочесал весь остров. Сам. Один. Если б тут был зверь, я бы его увидел. Можете бояться, раз вы трусы такие, но зверя в лесу никакого нет.

Джек отдал рог и сел. Все облегченно захлопали. Рог взял Хрюша.

— Вообще-то я с Джеком не согласен. Но кое-чего он верно сказал. Зверя в лесу нету. И не может быть. Чего бы он кушал?

— Свиней!

— Вот мы же едим свиней!

— Хрюшек он кушает!

— У меня рог, — возмутился Хрюша. — Ральф, скажи им, ну чего они, а Ральф? Эй вы, малыши, тихо! Я говорю, насчет страха это я не согласен с Джеком. В лесу вам бояться нечего. Да я тоже там был. Вы еще духов выдумаете и привидения разные. Что есть — то и есть, и всегда понятно, что к чему, а если чего не так, на все люди есть, чтоб разобраться.

Сразу, как будто выключили свет, зашло солнце. Хрюша снял очки и, мигая, посмотрел на малышей.

Потом он продолжал свои разъяснения:

— Когда у тебя болит, к примеру, живот, все равно, большой он там у тебя или маленький…

— Ну, у тебя-то большой!

— Ладно, вы кончайте смеяться, а тогда мы, может, продолжим собрание. И если малыши полезут обратно на кувыркалку, они сразу ведь свалятся. Так что лучше уж сразу садитесь на землю и слушайте. Ну вот. Для всего свои доктора есть, даже для мозгов. Неужели ж вы думаете, так и можно все время неизвестно чего бояться? В жизни, — сказал убежденно Хрюша, — в жизни

— все научно, вот. Года через два, как кончится война, можно будет летать на Марс, туда и сюда. Я знаю — нету тут никакого зверя, ну, с когтями и вообще — но я и про страх тоже знаю, что нету его.

Хрюша помолчал.

— Если только…

Ральф вздрогнул:

— Если — что?

— Если только друг дружку не пугать.

Кругом раздались неприязненные смешки. Хрюша втянул голову в плечи и заключил скороговоркой:

— Ну давайте выслушаем малыша, который про зверя говорил, и, может, объясним ему, что все это глупость одна.

Малыши затараторили все разом, и один выступил вперед.

— Как тебя зовут?

— Фил.

Для малыша он держался уверенно, покачал рогом в точности, как Ральф, и так же точно, как Ральф, оглядел всех, призывая к вниманию.

— Вчера мне приснился сон, страшный сон, как будто бы я дерусь. Как будто я около шалаша, один, и я отбиваюсь от этих, от крученых, какие

висят по деревьям.

Он умолк, и в нервном хихиканье малышей был призвук ужаса и сочувствия.

— Я испугался и проснулся. Проснулся и вижу — я один около шалаша, а этих черных и крученых уже нет.

Они затихли, воочию, с трепетом представив себе все это. Опять из-за рога запищал детский голосок:

— Я испугался и стал Ральфа звать и вдруг вижу: под деревьями идет что-то, большое и страшное.

Он смолк, обмирая от воспоминания, но не без гордости, что сумел напугать и других.

— Это у него был кошмар, — сказал Ральф, — он ходил во сне.

Собрание сдержанным гулом одобрило мудрость Ральфа.

Малыш упрямо затряс головой.

— Нет, когда те, крученые, со мной дрались, это я спал, а когда они пропали, я уже не спал, и я видел, как что-то большое и страшное идет под деревьями.

Ральф потянулся за рогом, малыш сел.

— Нет, ты спал. Никого там не было. Ну, кому охота ночью по лесу бродить? Кому? Выходил кто-нибудь ночью?

Все долго молчали, усмехаясь дикому предположению, что кто-то мог выходить в темноте. Но вот встал Саймон. Ральф глядел на него во все глаза.

— Ты? Тебе-то зачем в темноте по лесу шататься?

Саймон судорожно вцепился в рог.

— Я хотел… я хотел к одному месту пройти.

— Какому еще месту?

— Ну, есть одно место. В джунглях.

Он замялся.

Джек снял напряжение; только он умел говорить так презрительно, так насмешливо и твердо:

— Все ясно! Ему живот схватило.

Ральфу стало обидно и стыдно за Саймона, и, строго глядя ему в лицо, он отобрал у него рог.

— Ладно. Ты больше не надо. Понял? Ночью туда не ходи. И так глупости всякие болтают про зверя, а тут еще ты на глазах у малышей будешь красться, как какой-то…

В издевательских смешках остался призвук страха, и еще в них было осуждение. Саймон открыл рот, но рог был уже у Ральфа, и он сел на свое место.

Когда все угомонились, Ральф повернулся к

Хрюше:

— Что у тебя, Хрюша?

— Да тут вон еще один. Этот.

Малыши вытолкали Персиваля на середину треугольника. Он стоял по колено в высокой траве, смотрел на свои увязнувшие в траве ноги и силился вообразить, что никто не видит его, что он в укрытии. Ральфу представилось, как точно так же стоял другой карапуз, и он поскорей отогнал эту картинку. Он старался больше ее не видеть, вытравил ее, загнал далеко, глубоко, и только от прямого напоминанья, как сейчас, и могла она выплыть. Малышей так и не созывали на перекличку, отчасти потому, что, по крайней мере, на один из вопросов, которые задавал тогда на горе Хрюша, Ральф знал ответ твердо. Были вокруг малыши светлые, темные, были веснушчатые, и все до единого грязные, но на всех лицах — и тут никуда уж не денешься — была кожа как кожа. Никто никогда больше не видел той багровой отметины. Но зачем только Хрюша тогда, замазывая свою вину, так орал и надсаживался? Без слов давая понять, что он все помнит, Ральф кивнул Хрюше:

— Ну ладно. Сам спрашивай.

Хрюша стал на колени, держа перед малышом

рог.

— Хорошо. Как тебя звать?

Малыш отпрянул в свое укрытие. Хрюша растерянно повернулся к Ральфу, тот спросил жестко:

— Как тебя зовут?

Тот опять промолчал. Не выдержав этого запирательства, собрание грянуло хором:

— Как тебя зовут? Как тебя зовут?

— Тихо вы!

Ральф в сумерках разглядывал малыша.

— Ну, скажи нам. Как тебя зовут?

— Персиваль Уимз Медисон, дом священника, Хакет Сент-Энтони, Гемпшир, телефон, телефон, теле…

И словно только этот адрес заграждал потоки скорби, малыш расплакался. Личико скривилось, из глаз брызнули слезы, рот чернел квадратной дырой. Сначала он постоял немым воплощением скорби; потом плач хлынул, густой и крепкий, как звуки рога.

— Хватит тебе! Умолкни!

Но Персиваль Уимз Медисон умолкнуть не мог. Потоки прорвало так, что не остановить никакой властью, ни даже угрозами. Рыданья сотрясали грудь Персиваля, и он не мог от них вырваться, будто его накрепко пригвоздило к вою.

— Замолчишь ты или нет?!

И других малышей проняло. Каждый вспомнил о своем горе; а возможно, они осознали свое соучастие в горе вселенском. Они расплакались, и двое почти так же громко, как Персиваль.

Спас положение Морис. Он крикнул:

— Эй, поглядите-ка на меня!

Он нарочно упал. Потер крестец, уселся на кувыркалку, плюхнулся. Клоун из Мориса вышел плохой. Но Персиваль и другие малыши отвлеклись, хлюпнули носами, захохотали. И вот они уже зашлись в таком несуразном хохоте, что заразили больших.

Джек и в общем шуме заставил к себе прислушаться. Рога у него не было, он нарушал правила, но этого никто не заметил.

— Ну, так как же насчет зверя?

Что-то странное сделалось с Персивалем. Он зевнул, закачался так, что Джеку пришлось схватить его за плечи и встряхнуть.

— Где обитает этот зверь?

Персиваль оседал в руках у Джека.

— Умный, видать, зверь, — усмехнулся Хрюша, — раз сумел тут запрятаться.

— Джек весь остров обрыскал…

— И где этому зверю жить?..

— Пускай своей бабушке про зверя расскажет!

Персиваль забормотал что-то потонувшее в общем хохоте. Ральф весь подался вперед.

— Что? Что он говорит?

Джек выслушал ответ Персиваля и выпустил его плечи. Персиваль, освобожденный, в утешительном окружении двуногих, упал в высокую траву и погрузился в сон.

Джек откашлялся и бросил небрежно:

— Он говорит, что зверь выходит из моря.

Смешки как-то осеклись. Ральф невольно обернулся — скорченная фигурка, черная на фоне лагуны. Все посмотрели туда же и вслушались. Дали пластались, убегали, ломились за простор густого, чужого и всемогущего ультрамарина; и шептались и всхлипывали у рифа волны.

Вдруг Морис выпалил так громко, что все вздрогнули:

— Мой папа говорит, еще пока не всех морских животных даже открыли.

Опять все загалдели. Ральф протянул блистающий в сумраке рог, и Морис послушно взял его. Собрание угомонилось.

— По-моему, Джек верно сказал, каждому может быть страшно, и от страха никого не убудет, ничего тут такого нет. Ну а вот насчет того, что

одни свиньи на этом острове водятся, так это он, возможно, и верно говорит, но ведь же он не знает. Ну, то есть наверняка, точно же он не знает… — Морис шумно сглотнул. — Папа говорит, есть такие штуки, ой, ну как же их, они еще чернилами плюются — спруты, — так те в сто ярдов бывают и китов пожирают — свободно. — Он помолчал и рассмеялся весело. — Конечно, я в зверя не верю. Вот и Хрюша говорит — в жизни все научно, но ведь же мы не знаем? Ну, то есть наверняка…

Кто-то крикнул:

— Не может спрут этот из воды вылезать!

— Нет, может!

— Не может!

Тотчас площадку заполонили шум, гам и мечущиеся тени. Ральф, не вставая с места, смотрел, и ему казалось, что все с ума посходили. Плетут про зверя, про страх, а того не могут взять в толк, что важней всего — костер. А как только станешь им объяснять, начинают спорить и до разных ужасов добалтываются.

Различив в сумерках робкую белизну рога, он выхватил его у Мориса и стал дуть изо всей мочи. Все смолкли. Саймон подошел и протянул руку к раковине. Необходимость толкала Саймона

выступить, но стоять и говорить перед собранием была для него пытка.

— Может, — решился он наконец, — может, зверь этот и есть.

Вокруг неистово заорали, и Ральф встал, потрясенный:

— Саймон — ты? И ты в это веришь?

— Не знаю, — сказал Саймон. Сердце у него совсем зашлось, он задыхался. — Я…

И тут разразилась буря:

— Сиди уж!

— А ну, клади рог!

— Да пошел ты!..

— Умолкни!

Ральф крикнул:

— Дайте ему сказать! У него рог!

— То есть… может… ну… это мы сами.

— Вот полоумный!

Это уж попирал все приличия не стерпевший Хрюша.

Саймон продолжал:

— Может, мы сами, ну…

Саймон растерял все слова в попытках определить главную немощь рода человеческого. И вдруг его осенило:

— Что самое нечистое на свете?

Вместо ответа Джек бросил в обалделую тишину непристойное слово.

Разрядка пришла как оргазм. Те малыши, которые успели снова забраться на кувыркалку, радостно поплюхались в траву. И взревели ликующие охотники.

Хохот больно ударил Саймона и разбил его решимость вдребезги. Саймон сжался и сел.

Наконец все снова затихли. Кто-то, не попросивши рог, сказал:

— Может, это он про духов разных.

Ральф поднял рог и вглядывался в сумрак. Всего светлей был бледный берег. Малыши как будто подобрались ближе? Ну да, конечно, сжались в кучку на траве посередке. От порыва ветра разворчались пальмы, и шум резко и заметно врубился в темноту и тишину. Два серых ствола терлись друг о дружку с мерзким скрипом, которого днем не замечал никто.

Хрюша взял рог из рук Ральфа. Голос Хрюши звенел негодованьем:

— Не верю я в никаких духов!

Джек тоже вскочил, почему-то ужасно злой.

— Какое кому дело, во что ты веришь, Жирняй!

— У меня рог!

Послышались звуки схватки, рог заметался

во тьме.

— А ну положь сюда рог!

Ральф бросился их разнимать, получил по животу, вырвал рог из чьих-то рук и сел, задыхаясь.

— Ну, хватит этих разговоров про духов. Давайте отложим до утра.

Тут вмешался приглушенный и неизвестно чей голос:

— Зверь этот, наверно, и есть дух.

Собрание будто ветром встряхнуло.

— Ну, хватит без очереди говорить, — сказал Ральф. — Если мы не будем соблюдать правила, все наши собрания ни к чему.

И снова он осекся. Тщательно составленный план собрания шел насмарку.

— Ну, что же мне теперь сказать? Зря я так поздно вас собрал. Давайте проголосуем насчет них, ну, насчет духов. А потом разойдемся и ляжем спать, мы устали. Нет — это ты, Джек? — нет, погоди минутку. Сначала я сам скажу — я лично в духов не верю. Да, по-моему, я в них не верю. А вот думать про них мне противно. Особенно в темноте. Но мы же решили вообще разобраться, что к чему.

Он поднял рог.

— Ну, так вот. Значит, давайте разберемся, есть

духи или нет…

Он запнулся и переждал мгновенье, поточней составляя вопрос.

— Кто считает, что духи бывают?

Долго все молчали и не шевелились. Потом Ральф всмотрелся в сумрак и разглядел там руки.

И сказал скучно:

— Ясно.

Мир — удобопонятный и упорядоченный — ускользал куда-то. Раньше все было на месте, и вот… и корабль ушел.

У него вырвали рог, и голос Хрюши заорал пронзительно:

— Я ни за каких за духов не голосовал!

Он рывком повернулся к собранию:

— И запомните.

Слышно было, как он топнул ногой.

— Кто мы? Люди? Или зверье? Или дикари? Что про нас взрослые скажут? Разбегаемся, свиней убиваем, костер бросаем, а теперь еще — вот!

На него надвинулась грозная тень.

— А ну, заткнись, слизняк жирный!

Завязалась мгновенная стычка, и вверх-вниз задергался мерцающий в темноте рог, Ральф вскочил:

— Джек! Джек! Рог не у тебя! Дай ему сказать!

На него наплывало лицо Джека.

— И ты сам тоже заткнись! Да кто ты такой? Сидишь, распоряжаешься! Петь ты не умеешь, охотиться не умеешь…

— Я главный. Меня выбрали.

— Подумаешь, выбрали! Дело большое! Только и знаешь приказы дурацкие отдавать!.. Много ты понимаешь!

— Рог у Хрюши.

— Ах, Хрюша! Ну и цацкайся со своим любимчиком!

— Джек!

Джек передразнил злобно:

— Джек! Джек!

— Правила! — крикнул Ральф. — Ты нарушаешь правила!

— Ну и что?

Ральф взял себя в руки.

— А то, что, кроме правил, у нас ничего нет.

Но Джек уже орал ему в лицо:

— Катись ты со своими правилами! Мы сильные! Мы охотники! Если зверь этот есть, мы его выследим! Зажмем в кольцо и будем бить, бить, бить!

И с диким воем выбежал на бледный берег.

Тотчас площадка наполнилась беготней, сутолокой, воплями, хохотом. Собрание кончилось. Все кинулись врассыпную, к воде, по берегу, во тьму. Ральф почувствовал щекой прохладу раковины и взял рог из рук у Хрюши.

— Что взрослые скажут? — крикнул опять Хрюша. — Ну погляди ты на них!

С берега летели охотничьи кличи, истерический хохот и полные непритворного ужаса взвизги.

— Ты протруби в рог, а, Ральф.

Хрюша стоял так близко, что Ральф видел, как блестит уцелевшее стеклышко.

— Неужели они так и не поняли? Про костер?

— Ты будь с ними твердо. Заставь, чтоб они тебя слушались.

Ральф ответил старательно, словно перед классом теорему доказывал:

— Предположим, я протрублю в рог, а они не придут. Тогда — все. Мы не сможем поддерживать костер. Станем как звери. И нас никогда не спасут.

— А не протрубишь — все равно мы станем как звери. Мне не видать, чего они там делают, но зато мне слыхать.

Разбросанные по песку фигурки слились в

густую, черную, вертящуюся массу. Что-то они там пели, выли, а изнемогшие малыши разбредались, голося. Ральф поднял к губам рог и сразу опустил.

— А главное, Хрюша: есть эти духи? И этот зверь?

— Конечно, нету их.

— Ну почему?

— Да потому, что тогда бы все ни к чему. Дома, улицы. И телевизор бы не работал. И все бы тогда зазря. Без смысла.

Танцевали и пели уже далеко, пенье сливалось вдалеке в бессловесный вой.

— А может, и правда все без смысла. Ну, тут, на острове? И они за нами следят, подстерегают?

Ральфа всего затрясло, он так бросился к Хрюше, что стукнулся об него в темноте, и оба испугались.

— Хватит тебе! И так плохо, Ральф, прямо не могу я больше! Если еще и духи эти…

— Не буду я больше главным. Ну, послушай ты их!

— Ох, господи! Нет! Нет!

Хрюша вцепился в плечо Ральфа.

— Если Джек будет главным, будет одна охота и никакой не костер. И мы тут все перемрем…

И вдруг Хрюша взвизгнул:

— Ой, кто это тут еще?

— Это я, Саймон.

— Да уж. Молодцы, — сказал Ральф. — Три слепых мышонка. Нет, откажусь я.

— Если ты откажешься, — перепугано зашептал Хрюша, — что же со мной-то будет?

— А ничего.

— Он меня ненавидит. За что — не знаю. Тебе-то что. Он тебя уважает. И потом, ты ж в случае чего и садануть можешь.

— Ну да! А сам-то как с ним сейчас подрался!

— У меня же был рог, — просто сказал Хрюша. — Я имел право говорить.

Саймон шевельнулся во тьме:

— Ты оставайся главным!

— Ты бы уж помалкивал, крошка. Ты почему не мог сказать, что никакого зверя нет?

— Я его боюсь, — шептал Хрюша. — И поэтому я его знаю как облупленного. Когда боишься кого, ты его ненавидишь и все думаешь про него и никак не выбросишь из головы. И даже уж поверишь, что он — ничего, а потом как посмотришь на него — и вроде астмы, аж дышать трудно. И знаешь чего, Ральф? Он ведь и тебя ненавидит.

— Меня? А меня за что же?

— Не знаю я. Ты на него за костер ругался. И потом ты у нас главный, а не он.

— Он зато Джек Меридью!

— Я болел много, лежал в постели и думал. Я насчет людей понимаю. И насчет себя понимаю. И насчет его. Тебя-то он не тронет. Но если ты ему мешать больше не будешь, он на того, кто рядом, накинется. На меня.

— Правда, Ральф. Не ты, так Джек. Ты уж будь главным.

— Конечно, сидим сложа руки, ждем чего-то, вот все у нас и разваливается. Дома всегда взрослые были. Простите, сэр; разрешите, мисс; и на все тебе ответят. Эх, сейчас бы!..

— Эх, была б тут моя тетя!

— Или мой папа… Да теперь-то чего уж!

— Надо, чтоб костер горел.

Танец кончился, охотники шли уже к шалашам.

— Взрослые, они все знают, — сказал Хрюша. — И они не боятся в темноте. Они бы вместе чай попивали и беседовали. И все бы решили.

— Уж они бы остров не подпалили. У них бы не пропал тот…

— Они бы корабль построили…

Трое мальчиков стояли во тьме, безуспешно

пытаясь определить признаки великолепия взрослой жизни.

— Уж они бы не стали ругаться…

— И очки бы мои не кокнули…

— И про зверя бы не болтали…

— Если б они могли нам хоть что-то прислать! — в отчаянии крикнул Ральф. — Хоть бы что-нибудь взрослое… хоть сигнал бы подали…

Вдруг из тьмы вырвался вой, так что они прижались друг к другу и замерли. Вой взвивался, истончался, странный, немыслимый, и перешел в невнятное бормотанье. Персиваль Уимз Медисон, из дома священника в Хакете Сент-Энтони, лежа в высокой траве, вновь проходил через перипетии, против которых бессильна даже магия вызубренного адреса.

Глава шестая
Зверь сходит с неба

Дневной свет кончился, остались одни звезды. Когда выяснился источник призрачных звуков и Персиваль наконец затих, Ральф и Саймон неловко подняли его и поволокли к шалашу. Хрюша не отставал от них ни на шаг, несмотря на отважные речи, и трое старших разом нырнули в соседний шалаш. Шумно шурша шершавой листвой, долго смотрели на черный в звездную искорку выход к лагуне. В других шалашах то и дело вскрикивали малыши, раз даже кто-то большой заговорил в темноте. Потом и они уснули.

Лунный серп всплыл над горизонтом, такой маленький, что, даже вися над самой водой, почти не бросал в нее дорожки. Но вот в небе зажглись иные огни, они метались, мигали, гасли, а до земли отзвуки боя в десятимильной высоте не доходили и слабеньким треском. Но взрослые все же послали детям сигнал, хотя те уже спали и его не заметили. Вспышка раскроила небо огненной спиралью, и тотчас снова стемнело и вызвездило. В звездной тьме над островом

кляксой проступила фигурка, она полетела вниз, бессильно мотаясь под парашютом. Переменные ветры разных высот как хотели болтали, трепали и швыряли фигурку. Потом, в трех милях от земли, ровный ветер проволок ее по нисходящей кривой по всему небу и перетащил через риф и лагуну к горе. Фигурка повалилась, уткнулась в синие цветы на склоне, но и сюда задувал ветер, парашют захлопал, застучал, вздулся. Тело скользнуло вверх по горе, бесчувственно загребая ногами. Ярд за ярдом, рывок за рывком, ветер тащил его по синим цветам, по камням и скалам и наконец швырнул на вершину, среди розовых глыб. Тут порывом ветра спутало и зацепило стропы; и тело, укрепленное их сплетеньем, село, уткнувшись шлемом в колени. Ветер налетал, стропы натягивались иногда так, что грудь выпрямлялась, вскидывалась голова, и тень будто всматривалась за скалы. И как только ветер стихал, слабели стропы, и тень снова роняла голову между колен. Ночь сияла, по небу брели звезды, тень сидела на горе и кланялась, и выпрямлялась, и кланялась.

В предрассветной тьме склон недалеко от вершины огласился шумами. Двое мальчиков выкатились из вороха сухой листвы, две смутных

тени переговаривались заспанными голосами. Это были близнецы, дежурившие у костра. Теоретически им полагалось спать по очереди. Но они не умели ничего делать врозь. А раз бодрствовать всю ночь было немыслимо, оба улеглись спать. И теперь, привычно ступая, позевывая и протирая глаза, оба двигались к оставшемуся от сигнального костра пеплу. Подойдя, они сразу перестали зевать, и один бросился за листвой и хворостом.

Другой опустился на корточки.

— Погас вроде.

Он покопался в золе подоспевшими веточками.

— Хотя нет.

Он припал губами к самому пеплу и легонько подул, и во тьме обозначилось его лицо, подсвеченное снизу красным. На секунду он перестал дуть. — Сэм, нам надо… -…гнилушку.

Эрик снова стал дуть, пока в золе не зажглось пятнышко. Сэм сунул в жар гнилушку, потом ветку. Жар раздулся, ветка занялась. Сэм подложил еще веток.

— Много не клади, — сказал Эрик, — ты погоди подбрасывать.

— Давай погреемся.

— Тогда надо еще дров натаскать.

— Холодно…

— Ага…

— И вообще…

— Темно. Да уж.

Эрик, не вставая с корточек, смотрел, как Сэм складывает костер. Он поставил сухие прутья шалашиком, и вот заполыхал защищенный от ветра огонь.

— Еще бы чуть-чуть, и…

— Ух, он бы…

— Раскипятился.

— Ага.

Несколько секунд близнецы молча смотрели в костер. Потом Эрик хмыкнул.

— А он жутко тогда кипел, да?

— Тогда, из-за…

— Костра и свиньи.

— Хорошо еще Джеку попало. Не нам.

— Ага. А помнишь в школе Вспыха-Психами?

— Вы-до-ве-де-те-ме-ня-до-безу-у-умия, юноша!

Близнецы закатились в своем неразличимом хохоте, но вспомнили тьму и кое-что другое, осеклись и стали беспокойно озираться, а потом снова уставились в принявшееся уже за шалашик пламя. Эрик разглядывал мечущихся букашек, лихорадочно и безнадежно пытавшихся вы-

браться из огня, и вспомнил тот, первый костер — там, на круче, где теперь было черным-черно. Вспоминать про это ему не хотелось, и он перевел глаза к вершине.

Жар приятно бил в лицо. Сэм развлекался тем, что, подбрасывая ветки, наклонялся к самому костру. Эрик держал ладошки над костром как раз на таком расстоянии, что еще чуть-чуть ближе — и обожжешься. Его праздный взгляд блуждал поверх огня и наделял сведенные тьмой к плоским теням ночные глыбы их дневной объемностью. Вон там та большая скала, и три камня, и еще расщепленная скала, а дальше щель, а там…

— Сэм!

— А?

— Нет, ничего.

Пламя пожирало ветки, корчилась и отваливалась кора, трещало дерево. Шалашик рухнул, разметав над вершиной широкий круг света.

— Сэм…

— А?

— Сэм! Сэм!

Сэм раздраженно глядел на Эрика. Застывший, уставленный взгляд Эрика ужаснул Сэма, потому что Эрик смотрел на что-то у него за спиной. Сэм перебрался к нему, сел на корточки рядом,

тоже посмотрел. Оба вцепились друг в дружку и замерли — четыре немигающих глаза, два разинутых рта.

Далеко внизу лес охнул и загремел. На головах у них забились волосы, пламя подсеклось и сломалось. В пятнадцати ярдах от них хлопала вздутая ткань.

Ни один не вскрикнул, только крепче вцепились друг в дружку, и у них отвисли челюсти. Так сидели они секунд десять, пока огонь окатывал вершину искрами, дымом и прерывистым, хлещущим светом.

Потом сразу оба, будто в нераздельном ужасе, они перебрались через скалы и бросились наутек.

Ральфу снился сон. Он уснул наконец, бог знает сколько времени шумно проворочавшись в сухих листьях. Даже стоны и выкрики из других шалашей не достигали его, потому что он был далеко, он был там, где раньше, и он кормил сахаром пони через садовый забор. А потом кто-то затряс его за плечо и сказал, что пора пить чай.

— Ральф! Проснись!

Листья загремели, как море.

— Ральф! Проснись!

— А? Что?

— Мы видели… -…зверя…
— Совсем близко!
— Кто тут? Близнецы?
— Мы видели зверя!
— Тихо! Хрюша!

Листья все гремели. Хрюша наткнулся на него, потому что он уже кинулся навстречу засматривающим в шалаш потускневшим звездам, но его не пустили близнецы.

— Не ходи! Там ужас!
— Хрюша, где наши копья?
— Ой, слышите…
— Тогда тихо! Ложитесь.

Они лежали и, не веря, а потом ужасаясь, слушали шепот близнецов, то и дело перемежавший оторопелые паузы. Тьма полнилась неизвестным и грозным, когтями, клыками. Рассвет томительно долго стирал с неба звезды, и наконец в шалаш поползло унылое серое утро. Они зашевелились, хотя у входа стерег неотступный страх. Путаная тьма уже расслаивалась на даль и близь, и затеплели подцветкой облачка в вышине. Одинокая морская птица взвилась с хриплым криком, эхо перехватило его, и что-то засвистело в лесу. Лоскуты облаков у горизонта пропитались розовостью, и снова стали зелеными верхушки пальм.

Ральф встал на колени у входа и осторожно выглянул из шалаша.

— Эрик, Сэм. Зовите всех на собрание. Только тихо. Живей.

Близнецы, дрожа и жмясь друг к дружке, ползком одолели расстояние до следующего шалаша и там выложили страшную новость. Ральф заставил себя встать и пошел к площадке, достоинства ради держась очень прямо, хоть по спине у него бегали мурашки; Хрюша и Саймон шли следом, сзади пробирались остальные.

Ральф взял рог с отполированного ствола и поднес к губам; но раздумал и не подул, а вместо этого только поднял раковину и показал всем. И все поняли.

Лучи, пучком расходившиеся над горизонтом, теперь пластались уже вокруг, на уровне глаз. Ральф глянул на взбухающую золотую дольку, которая озаряла их справа и будто подбадривала. Кружок мальчиков перед ним ощетинился копьями.

Он передал рог Эрику, потому что тот сидел ближе Сэма.

— Мы видели зверя своими глазами. Нет, не во сне…

Сэм его перебил. Рог служил обоим близнецам

сразу, так повелось, ввиду их совершенной нерасторжимости.

— На нем шерсть. И сзади у него что-то — вроде крылья. И он шевелился…

— Ой, жуть. Он, что ли, сел…

— Костер горел вовсю…

— Мы его как раз разожгли…

— Веток подложили…

— У него глаза…

— Зубы…

— Когти…

— Мы ка-ак побежим…

— Прямо по скалам…

— Натыкаемся…

— А он за нами…

— Я видел, он за деревьями прятался…

— Чуть меня не сцапал…

Ральф с испугом показал на лицо Эрика, в кровь исполосованное ветками.

— Как это ты?

Эрик пощупал лицо.

— Весь покарябался. И кровь?

Мальчики, сидевшие рядом с Эриком, в ужасе отпрянули. Джонни, еще не переставший зевать, вдруг разразился слезами, и Билл хлопал его по спине, пока он не затих. Яркое утро было полно

угроз, и кружок мальчиков стал меняться. Взгляды уже не устремлялись к центру, все озирались по сторонам, из-за своих деревянных копий, как из-за ограды. Джек заставил их вспомнить, что они не в засаде, а на собрании.

— Вот это будет охота! Кто со мной?

Ральф заерзал на месте.

— Копья у нас — деревянные палки. Не болтай.

Джек ухмыльнулся:

— Ага! Боишься?

— Да, а что? Ты, что ли, не боишься?

И в отчаянной, обреченной надежде он повернулся к близнецам:

— Вы же нам головы не морочите? А?

Протест был такой пламенный, что в его искренности никто бы не мог усомниться.

Рог взял Хрюша.

— А может… может, нам тут остаться? Глядишь, зверь к нам и не сунется.

Если б не ощущение, что за ними кто-то следит, Ральф бы на него накричал.

— Тут остаться? В угол забиться и вечно дрожать? А что мы есть будем? И как же костер?

— Давайте двигаться, — дернулся Джек. — Мы только зря время теряем.

— Нет. Погоди. Как нам с малышами быть?

— А, да ну их!

— Кто-то должен за ними присматривать.

— Пока что они без нас обходились.

— Пока что можно было. А сейчас нельзя. За ними присмотрит Хрюша.

— Вот именно. Трясись над своим драгоценным Хрюшей, пусть тут отсиживается.

— Сам подумай. Ну что Хрюша может с одним глазом?

Остальные с любопытством переводили взгляды с Ральфа на Джека.

— И вот еще что. Обычная охота тут не годится, зверь же не оставляет следов. Оставлял бы — ты бы увидел. Скорей всего, он с дерева на дерево перемахивает, вроде, этих, ну, как их…

Вокруг закивали.

— Так что тут еще подумать надо.

Хрюша снял покалеченные очки и принялся протирать уцелевшее стеклышко.

— Ральф, а мы-то как же?

— Рог не у тебя. На, держи.

— Так я вот чего — мы-то как же? Вдруг зверь придет, когда вас не будет. Я плохо вижу, и если я напугаюсь…

Джек перебил презрительно:

— Ну ты-то вечно пугаисся.

— У меня рог!

— Рог, рог! — заорал Джек. — Причем тут это! Сами уже знаем, кого надо слушать. Много ли умного Саймон, или Билл, или Уолтер скажут? Кое-кому пора бы заткнуться и сообразить, что не им решать…

Это было уже слишком. Кровь прилила к щекам Ральфа.

— Рог не у тебя. Сядь.

Лицо у Джека побелело, веснушки выступили четкими коричневыми крапинками. Он облизнул губы и не сел. -…И это уж дело охотников.

Все смотрели на них во все глаза. Хрюша от греха подальше сунул рог на колени к Ральфу и сел. Нависала гнетущая тишина, Хрюша затаил дыхание.

— Нет, это дело не только охотников, — выговорил, наконец, Ральф. — Зверя же не выследишь. И неужели ты не хочешь, чтоб нас спасли?

Он повернулся к собранию:

— Хотите вы или нет, чтобы нас спасли?

И опять посмотрел на Джека:

— Я уже говорил, главное — костер. А сейчас он, конечно, погас…

И опять его взяла злость, она выручила его, подхлестнула, придала духу, он перешел в атаку:

— Соображаете вы все или нет? Надо же костер зажечь! Об этом ты не подумал? Да, Джек? Или, может, никто и не хочет, чтоб нас спасли?

Ну нет, чтоб спасли — кто же не хочет, тут уж все ясно, и перевес снова, одним махом, был на стороне Ральфа. Хрюша выдохнул со свистом, снова глотнул воздуха, задохнулся. Он привалился к бревну, разевая рот, и к его губам подбирались синие тени. На него не обращали внимания.

— Ну-ка вспомни, Джек. Может, есть на острове место, где ты еще не был?

Джек нехотя ответил:

— Если только… А! Ну да! Помнишь? В самом хвосте, где скалы навалены. Я подходил совсем близко. Там такой перешеек. И другого подступа нет.

— Может, там он и живет.

Все сразу загалдели.

— Тихо! Ну ладно. Пойдем туда. Если там зверя не окажется, заберемся на гору, посмотрим оттуда; и костер разведем.

— Пошли.

— Сперва надо поесть. Потом пойдем. — Ральф помолчал. — Копья, наверно, все же захватим.

Они поели, и Ральф повел старших вдоль берега. Хрюшу так и оставили валяться на площадке.

День, как и все эти дни, обещал солнечную баню под синим куполом. Его еще не поволокло зыбящейся дымкой, и потому берег убегал плавной дугой очень далеко, пока не сливался в одно с лесом. Ральф выбрал тропку вдоль пальмовой террасы, не решаясь спускаться на раскаленный песок. Он предоставил Джеку идти впереди, и тот выступал с комическими предосторожностями, хотя они бы заметили врага уже с двадцати ярдов. А сам Ральф, радуясь тому, что на время избавился от ответственности, замыкал шествие.

Саймон шел впереди Ральфа, и его одолевали сомненья — страшный зверь, с когтями, сидит на вершине горы и не оставляет следов, а за близнецами не мог угнаться? Сколько бы Саймон ни думал про этого зверя, его воображенью явственно рисовался человек — героический и больной.

Он вздохнул. Другие спокойно встают и говорят перед собранием, и видно, что их не мучит стыд за себя, что у них не сжимается все внутри; говорят что придет в голову, будто обращаются к одному кому-то. Он ступил в сторону и обернулся. Ральф шагал, неся копье на плече. Саймон замедлил шаг и робко пошел рядом с Ральфом, заглядывая ему в лицо снизу вверх из-за темной гривы, застилавшей ему теперь глаза. Ральф глянул на

него искоса, заставил себя улыбнуться, будто он и не помнит, какого Саймон свалял дурака накануне, и снова устремил куда-то пустой взгляд. Саймон обрадовался, что его признали, и тотчас забыл о себе. Когда он наткнулся на дерево, Ральф нахмурился и отвернулся, а Роберт хмыкнул. Саймон прянул в сторону, белое пятно у него на лбу побагровело и стало сочиться. Ральф оставил Саймона и вернулся к своим собственным мукам. Скоро они подойдут к замку, этого не миновать, и главному придется пойти впереди.

Джек затрусил назад.

— Уже скоро.

— Ладно. Подойдем как можно ближе.

Он пошел за Джеком пологим подъемом в сторону замка. Слева была непроглядная гуща деревьев и лиан.

— Может, и там что-то? А?

— Было бы заметно. Нет, тут никто не входил и не выходил.

— Ну, а в замке?

— Посмотрим.

Ральф раздвинул заслон травы и выглянул. Впереди было всего несколько каменистых ярдов, а дальше два берега сходились, и тут бы острову, казалось, и кончиться острым мысом. Но вместо

этого узкая каменная коса в несколько ярдов шириной и ярдов пятнадцати длиной, продолжая остров, уходила в море. Она утыкалась в один из тех розовых квадратов, которые составляли фундамент острова. Эта стена замка, отвесная скала футов в сто высотой, и была тем розовым бастионом, который они видели тогда сверху. Она вся была в трещинах и сверху завалена грозившими обрушиться камнями.

За Ральфом в высокой траве затаились охотники. Ральф посмотрел на Джека:

— Ты охотник.

Джек багрово покраснел:

— Знаю. Ну, я пошел.

И тогда что-то, очень изглубока, заставило Ральфа вымолвить:

— Я главный. Я сам пойду. И не спорь.

Он повернулся к остальным:

— А вы спрячьтесь. И ждите меня.

Голос не слушался Ральфа, вот-вот совсем замрет или сорвется на крик. Он посмотрел на Джека:

— Значит, ты думаешь…

Джек пробормотал.

— Я все обшарил. Наверное, тут.

— Понятно.

Саймон промямлил неловко:

— Я не верю в зверя этого.

Учтиво, как обсуждают погоду, Ральф согласился:

— В общем-то, конечно.

Рот у него сжался, губы побелели. Очень медленно он откинул волосы со лба.

— Ну ладно. Пока.

Он принудил свои непослушные ноги вынести его на перешеек.

Кругом разверзались бездны полого воздуха. И некуда спрятаться, и надо вдобавок идти вперед. Он помедлил на узком перешейке и глянул вниз. Скоро, если считать на столетия, вода превратит этот замок в отдельный остров. Справа лагуна, ее качает открытое море, а слева…

Ральф поежился. Лагуна защищала их от океана. Пока почему-то один только Джек подходил к самой воде с другой стороны. И вот теперь он сам заглянул, наконец, в пучину с суши, и пучина дышала, она была как живая. Воды медленно опадали между скалами и открывали розовые гранитные плиты, и странные наросты кораллов, и полипы, и водоросли. Ниже, ниже, ниже падали воды и всхлипывали, как ветер в листве. Вот показалась плоская скала, гладкая, как стол,

и воды, засасываясь под нее, открыли с четырех сторон одетые водорослями грани утеса. А потом спящий левиафан вздохнул — и вода поднялась, заструилась водорослями и вскипела над розовостью столешницы. Здесь волны не ходили, они не шли никуда, просто вскидывались и обрывались, вскидывались и обрывались.

Ральф поднял глаза на красную скалу. За ним следили из высокой травы, смотрели, ждали. Он заметил, что ладони ему холодит застывающий пот; и с изумлением сообразил, что не рассчитывал, в общем-то, повстречаться со зверем и не знает, что ему делать, если зверь окажется тут.

Можно было бы и забраться прямо на скалу, да только не стоило. Вдоль квадратной стены плинтусом шел уступ, так что можно пробраться справа, над лагуной, и завернуть за угол. Идти оказалось нетрудно, и скоро он увидел бастион с тыла.

Ничего нового, все то же — нагроможденье розовых глыб, покрытых гуано, как сахарной корочкой; и крутой подъем к камням, сверху наваленным на бастион.

Он обернулся на стук. Джек карабкался по уступу.

— Не мог же я тебя бросить.

Ральф молчал. Он пробрался по скалам, осмотрел пещерку, не обнаружил там ничего зловещего — всего несколько тухлых яиц — и сел, озираясь по сторонам и постукивая кончиком копья по камню.

Джек захлебывался от восторга:

— Вот где крепость устроить!

Их фонтаном обдали брызги.

— Тут пресной воды нет.

— А это что?

В самом деле, на скале повыше было какое-то зеленоватое пятнышко. Они взобрались туда и попробовали сочившуюся воду.

— Можно кокосовую скорлупу подставлять, чтоб все время полная.

— Нет уж. Спасибо. Поганое место.

Бок о бок они одолели последний подъем, где сооруженье сужалось и венчалось последним разбитым камнем. Джек ткнул в него кулаком, и он скрипнул — чуть-чуть.

— Помнишь?..

Оба подумали о дурной полосе в промежутке. Джек выпалил горячей скороговоркой:

— Подсунуть сюда пальму, и если враг подойдет… смотри!.. — В сотне футов под ними шла узенькая дамба, и каменистая земля, и трава в

точечках голов, дальше был лес. -…навалиться и… — захлебывался Джек, -…и… р-раз!

Он отвел назад руку, замахнулся. Ральф смотрел на гору.

— Ты чего?

Ральф отвел взгляд от горы.

— А что?

— Ты так смотришь — я прямо не знаю!

— Сигнала нет! Нас с моря не видно.

— Ты просто чокнулся с этим сигналом.

Кругом бежала тугая синяя черта горизонта, надломленная только горой.

— Но больше нам надеяться не на что.

Он прислонил копье к шаткому камню и обеими горстями смахнул со лба волосы.

— Пошли назад, на гору взберемся. Они же там зверя видели.

— Нет там сейчас зверя никакого.

— Но что же нам делать?

А те, кто засел в траве, увидели невредимых Джека и Ральфа и выскочили из засады на солнце. Увлекшись разведкой, про зверя впопыхах позабыли. Высыпали на перешеек и стали карабкаться. Ральф стоял, облокотясь на красный камень, огромный, как мельничное колесо, расколотый и опасно нависший над обрывом. Он

уныло смотрел на гору и молотил сжатым кулаком по красной стене, стиснул зубы, и жадная тоска смотрела из глаз, занавешенных челкой.

— Дым.

Он пососал свой разбитый кулак.

— Джек! Пошли.

Но Джека рядом уже не было.

Со страшным шумом, которого он и не заметил, мальчики раскачивали каменную глыбу. Когда он туда посмотрел, глыба хрустнула и рухнула в воду, и оттуда, чуть не до верха стены, взметнулся гремучий сверкающий столб.

— Хватит вам! Хватит!

Его голос заставил их смолкнуть.

— Дым.

Что-то странное стряслось у него с головой. Что-то металось крылом летучей мыши и застило мысли.

— Дым.

Сразу вернулись мысли, а с ними и ярость.

— Нам дым нужен. А вы тут время теряете. Камни толкаете.

Роджер крикнул:

— Времени-то у нас хватает!

Ральф тряхнул головой:

— Надо идти на гору.

Все загалдели. Одни хотели скорее в бухту. Другим хотелось еще покачать камни. Солнце палило, и опасность растаяла вместе с тьмой.

— Джек, зверь может быть на другой стороне. Веди нас. Ты там уже был.

— Можно по берегу пройти. Там фруктов много.

К Ральфу сунулся Билл:

— Может, еще немножечко тут побудем?

— Ага!

— Сделаем крепость!..

— Здесь нет еды, — сказал Ральф, — и укрытий нет. И пресной воды мало.

— Зато крепость была бы — высший класс!

— Можно камни сваливать.

— Прямо на перешеек…

— Сказано вам, пошли! — бешено выкрикнул Ральф. — Надо все проверить. Идем!

— Ой, давайте лучше тут останемся…

— Хочу в шалаш…

— Я устал…

— Нет!

Ральф содрал кожу на пальцах. Но не чувствовал боли.

— Я главный. Надо все выяснить точно. Гору видите? Сигнала там нет. А вдруг корабль? Да вы

все чокнулись, что ли?

Мальчики, ропща, затихали.

Джек первый пошел вниз, потом по перешейку.

Глава седьмая
Большие деревья и тени

Свиной лаз бежал вдоль скал, нагроможденных у самой воды, и Ральф был рад, что первым идет Джек. Если бы в уши не лез медленный свист отсасывающих отяжелевших волн и шипенье их при возврате, если бы не думать о стерегущих с обеих сторон глухих пасмурных зарослях, тогда бы можно, наверное, выбросить из головы зверя и немного помечтать. Солнце подобралось к зениту, и остров душила полуденная жара. Ральф передал вперед указание Джеку, и, как только дошли до фруктов, сделали привал.

Когда они уже сели, Ральф почувствовал, как палит жара. Поморщившись, он стянул серую рубашку и стал обдумывать, не пора ли ему, наконец, решиться ее выстирать. Жара показалась ему сегодня особенно несносной, редкая жара даже для этого острова. Было бы хорошо привести себя в порядок. Сюда бы ножницы и постричься (он откинул волосы со лба), состричь эти грязные патлы, совсем, сделать прическу ежиком. Хорошо бы вымыться, по-настоящему, поваляться бы в

пенной ванне. Он внимательно ощупал языком зубы и пришел к выводу, что и зубная щетка бы не помешала. Да, еще ведь ногти…

Ральф перевернул руку ладошкой вниз и посмотрел на свои ногти. Он их сгрыз, оказывается, совсем, хоть не помнил, когда вернулся к постыдной привычке.

— Так еще палец сосать начнешь…

Он украдкой огляделся. Нет, никто не слышал. Охотники набивали животы легкой едой, стараясь себя уверить, что вкусней бананов и еще других каких-то студенистых, оливково-серых фруктов нет ничего на свете. Меряя на себя, прежнего, чистенького, Ральф оглядел их всех. Они были грязны, но не так очевидно и лихо, как мальчишки, извозившиеся в грязи или плюхнувшиеся дождливым днем в лужу. Срочно тащить их под душ не чесались руки, и все же, и все же — слишком длинные лохмы, и в них колтуны, и позастревали листья и прутики, лица вымыты потом и соком около ртов, но в более укромных местах будто тронуты тенью; одежки драные, как у него самого, задубели от пота и не надеты ради приличия или удобства, а напялены кое-как, по привычке; и кожа на теле шелушится от соли.

Вдруг он понял, что привык ко всему этому,

притерпелся, и у него екнуло сердце. Он вздохнул и отпихнул ветку, с которой сорвал плод. Охотники уже углублялись в лес, забирались за скалы — по неотложной надобности. Он отвернулся и стал смотреть на море.

Здесь, с другой стороны острова, вид открывался совсем другой. Дымный миражный морок не мог выстоять против холода океана, и горизонт взрезал пространство четкой синей чертой. Ральф спустился к скалам. Тут, чуть не вровень с водой, можно было следить глазами, как без конца взбухают и накатывают глубинные волны. Шириною в целые мили, не какие-то буруны, не складки на отмелях, они без препятствий катили вдоль острова, как будто заняты делом и им некогда отвлекаться. Но они никуда не текли, не спешили — это вскидывался и падал сам океан. Упадет, взметнув брызги, разденет скалы, облепленные мокрыми прядями водорослей, вздохнет, помедлит, и снова набросится на оголенные скалы, и запустит, наконец, над глубью руку прибоя, чтоб совсем близко, чуть не рядом, взбить щедрой пастью пену.

Ральф следил за раскатами, волна за волной, соловея от далекости отрешенного моря. И вдруг смысл этой беспредельности вломился в его со-

знанье. Это же все, конец. Там, на другой стороне, за кисеей миражей, за надежным щитом лагуны, еще можно мечтать о спасении; но здесь, лицом к лицу с тупым безразличием вод, от всего на мили и мили вдали, ты отрезан, пропал, обречен, ты…

Саймон заговорил у него чуть не над самым ухом. Ральф спохватился, что обеими руками обнял скалу, что он весь изогнулся, что шея у него онемела и разинут рот.

— Ты еще вернешься, вот увидишь.

Саймон кивал ему из-за скалы чуть повыше. Он стоял, держась за нее обеими руками, на одной коленке, а другую ногу спустил и почти дотянул до Ральфа.

Ральф вопросительно вглядывался в лицо Саймона, стараясь прочесть его мысли.

— Очень уж он большой, понимаешь…

Саймон снова закивал:

— Все равно. Ты вернешься, вот увидишь. Ну, просто я чувствую.

Тело у Ральфа почти расслабилось. Он глянул на море, горько улыбнулся Саймону:

— У тебя что — в кармане кораблик?

Саймон ухмыльнулся и покачал головой.

— Тогда откуда ж тебе это известно?

Саймон все молчал, и тогда Ральф сказал толь-

ко:

— Ты чокнутый.

Саймон отчаянно затряс головой, так что заметалась густая черная грива.

— Да нет же. Ничего подобного. Просто я чувствую — ты обязательно вернешься.

Оба примолкли. И вдруг улыбнулись друг другу.

Роджер крикнул из зарослей:

— Эй! Идите сюда! Скорей!

Там была взрыхлена земля и лежали дымящиеся комья. Джек склонился над ними, как влюбленный.

— Ральф, мясо-то нам все равно нужно, хоть мы охотимся за другим.

— Ну, если по пути, можно и поохотиться.

И снова они двинулись, охотники жались в кучку из-за зверя, которого опять помянули, Джек рыскал впереди. Шли гораздо медленней, чем ожидал Ральф, но он был даже рад, что можно плестись просто так, поигрывая копьем. Вот Джек наткнулся на что-то непредвиденное по своей части, и вся процессия остановилась. Ральф прислонился к дереву и сразу задумался, замечтался. Собственно, за охоту отвечал Джек. Правда, надо еще подняться на гору — но это успеется.

Давно, когда еще они переехали вместе с папой из Чатема в Девонпорт, они жили в доме на краю вересковой пустоши. Из всех домов, где они жили, этот больше всего запомнился Ральфу, потому что сразу потом его отослали в школу. Тогда еще с ними была мама, и папа каждый день возвращался домой. Дикие пони подходили к каменному забору сада, и шел снег. Прямо рядом с домом стоял такой сарайчик, и на нем можно было лежать и смотреть, как валят хлопья. И разглядывать мокрые пятнышки вместо каждой снежинки; и замечать, как, не растаяв, ложится первая и как все выбеливается кругом. А замерзнешь — иди домой и гляди в окно, мимо медного блестящего чайника и тарелки с синими человечками…

А в постели дадут тебе сладкие кукурузные хлопья со сливками. И книги… Они клонятся на полке оттого, что две или три лежат плашмя поверх остальных, ему лень их поставить на место. Растрепанные, захватанные. Одна блестящая, яркая — про Топси и Мопси, но он ее не читал, потому что она про девчонок; и еще одна про колдуна, эту читаешь, замирая от ужаса, и двадцать седьмую страницу пролистываешь, там нарисован жуткий паук; и еще одна про людей, которые что-то раскапывают, что-то египетское. «Что

надо знать мальчику о поездах», «Что надо знать мальчику о кораблях». Так и стоят перед глазами; подойти, протянуть руку. Руке запомнились тяжесть и гладкость тяжело соскальзывавшего на пол тома — «О мамонтах для мальчиков». …Все было хорошо; все были добрые и его любили.

Впереди треснули кусты. Мальчики шарахнулись со свиного лаза с визгом, на четвереньках, под лианы. Джека оттолкнули, он упал. По свиному лазу, прямо на них скакало что-то — и хрюкало страшно, и блестело клыками. Ральф, как ни странно, холодно прикинул расстояние и прицелился. Кабан был уже всего в пяти ярдах, и тут он метнул свою дурацкую палку, и она попала прямо в огромное рыло и на секунду там застряла. Кабан взвизгнул и бросился в заросли. Все снова повысыпали на тропку, прибежал Джек, заглянул в кусты.

— Сюда…

— Он же нас прикончит!

— Сюда, я говорю!

Кабан продирался по зарослям, уходил. Они нашли другой лаз, параллельный, и Джек побежал впереди. Ральфа распирала гордость, и страх, и предчувствия.

— Я в него попал. Копье даже застряло…

И вдруг прямо перед ними сверкнуло море. Джек кинулся вперед, рыская всполошенным взглядом по голым скалам.

— Ушел.

— Я в него попал, — снова сказал Ральф. — Копье даже подержалось.

Ему требовались свидетельские показания.

— Ты же видел, правда?

Морис кивнул:

— Ага. Ты ка-ак ему в морду! У-у-х!

Ральф уже совершенно захлебывался:

— Здорово я его. Копье застряло. Я его ранил.

Он грелся в лучах вновь завоеванной славы. Выяснилось, что охота, в конце концов, даже очень приятное дело.

— Надо же, как я его! Это, наверное, и был зверь!

Но тут подошел Джек:

— Никакой не зверь. Кабан обыкновенный.

— Я в него попал.

— Чего же ты на него не бросился? Я вот хотел...

Ральф почти взвизгнул:

— Это на кабана-то!

Джек вдруг вспыхнул.

— Чего же ты орал — он нас прикончит? И зачем

тогда копье бросал? Подождать, что ли, не мог?

— На вот, полюбуйся.

И всем показал левую руку. Рука была разодрана; не очень, правда, но до крови.

— Это он клыками. Я не успел копье воткнуть.

И снова в центре внимания оказался Джек.

— Ты ранен, — сказал Саймон. — Ты высоси кровь. Как Беренгария.

Джек пососал царапину.

— Я в него попал, — возмутился Ральф. — Я копьем его, я его ранил.

Он старался вернуть их внимание.

— Он на меня, по тропке. А я как кину… вот так…

Роберт зарычал. Ральф вступил в игру, и все захохотали. И вот уже все стали пинать Роберта, а тот комически уклонялся.

Потом Джек крикнул:

— В кольцо его!

Вокруг Роберта сомкнулось кольцо. Роберт завизжал, сначала в притворном ужасе, потом уже от действительной боли.

— Ой! Кончайте! Больно же!

Он неудачно увернулся и получил тупым концом копья по спине.

— А ну держи, хватай!

Его схватили за ноги, за руки. Ральф тоже совсем зашелся, выхватил у Эрика копье, стукнул Роберта.

— Рраз! Та-ак! Коли его!

Роберт забился и взвыл, отчаянно, как безумный. Джек вцепился ему в волосы и занес над ним нож. Роджер теснил его сзади, пробивался к Роберту. И — как в последний миг танца или охоты — взмыл ритуальный напев:

— Бей свинью! Глотку режь! Бей свинью! Добивай!

Ральф тоже пробивался поближе — заполучить, ухватить, потрогать беззащитного, темного, он не мог совладать с желанием ударить, ранить.

Вот Джек опустил руку. Прокатился ликующий клич, и хор изобразил визг подыхающей свиньи. А потом все повалились на землю и, задыхаясь, слушали, как перепугано всхлипывает Роберт. Он утер лицо грязной рукой и попытался вновь обрести собственное достоинство:

— Ох, бедная моя задница!

И сокрушенно потер зад.

Джек перекатился на живот.

— Ничего игра, а?

— Вот именно что игра… — сказал Ральф. — Ему было стыдно. — Мне тоже один раз так на регби

заехали — страшное дело.

— Хорошо бы нам барабан, — сказал Морис. — Тогда бы у нас было все честь по чести.

Ральф глянул на него:

— В каком это смысле — честь по чести?

— Ну не знаю. Нужно, чтоб был костер, и барабан, и все делать под барабан.

— Нужно, чтоб свинья была, — сказал Роджер, — как на настоящей охоте.

— Или кто-то чтоб изображал, — сказал Джек. — Надо кого-то нарядить свиньей и пусть изображает… Ну, притворяется, что бросается на меня, и всякое такое…

— Нет, уж лучше пускай настоящая, — Роберт все еще гладил свой зад, — ее же убить надо.

— Можно малыша использовать, — сказал Джек, и все захохотали.

Ральф сел.

— Ну ладно. Так мы в жизни ничего не выясним.

Один за другим все вставали, одергивая на себе лохмотья.

Ральф посмотрел на Джека.

— Ну, а теперь на гору.

— Может, к Хрюше вернемся, — сказал Морис, — пока светло?

Близнецы кивнули, как один:

— Ага. Точно. А туда утром пойдем.

Ральф оглянулся и снова увидел море.

— Надо же костер развести.

— У нас Хрюшиных очков нет, — сказал Джек. — Так что это пустой номер.

— Зато проверим, есть там кто-то на горе или нет.

Нерешительно, боясь показаться трусом, Морис проговорил:

— А вдруг там зверь?

Джек помахал копьем.

— Ну и убьем его.

Солнце убавило жар. Джек выбросил копье вперед.

— Так чего же мы тут ждем?

— По-моему, — сказал Ральф, — можно пойти по берегу, до того выжженного куска, и там на гору подняться.

И снова Джек пошел впереди — вдоль тяжких вдохов и выдохов слепящего моря.

И снова Ральф размечтался, предоставив привычным ногам справляться с превратностями дороги. Но тут ногам приходилось уже труднее. Тропка жалась одним боком к голым камням у самой воды, с другого ее теснил черный непро-

ницаемый лес, и то и дело она перебивалась камнями, которые они одолевали на четвереньках. Карабкались по скалам, обмытым прибоем, перескакивали налитые прибоем ясные заводи. Вот береговую полосу рвом рассекла лощина. Она казалась бездонной. Они с трепетом заглядывали в мрачные недра, где хрипела вода. Потом ее накрыло волной, вода вскипела и брызгами, взметнувшимися до самых зарослей, окатила визжащих, перепуганных мальчиков. Сунулись было обогнуть ее лесом, но их не впустила его вязь, плотная, как птичье гнездо. В конце концов, стали перепрыгивать лощину по очереди, выжидая, когда схлынет волна; но все равно кое-кого окатило еще раз. За лощиной скалы показались непроходимыми, и они посидели немного, выжидая, пока подсохнут лохмотья, и глядя на зубчатый очерк прокатывающихся мимо валов. Потом нашли фрукты, обсиженные, как насекомыми, какими-то пестрыми птичками. Потом Ральф сказал, что надо поторопиться. Он влез на дерево, раздвинул ветки и убедился, что квадратная макушка все еще далеко. Потом прибавили шагу, и Роберт ужасно расшиб коленку, и пришлось признать, что на такой дороге спешить невозможно. После этого пошли уже так, будто

берут опасный подъем, но вот, наконец, перед ними вырос неприступный утес, нависший над морем и поросший непролазными зарослями.

Ральф с сомнением глянул на солнце.

— Уже вечер. После чая, это уж точно.

— Что-то я этого утеса не помню, — сказал Джек. Он заметно увял. — Значит, я пропустил это место.

Ральф кивнул:

— Давай-ка я подумаю.

Ральф теперь уже не стеснялся думать при всех, он теперь разрабатывал решения, как будто играл в шахматы. Только не силен он был в шахматах, вот что плохо. Он подумал про малышей, про Хрюшу. Ему живо представилось, как Хрюша один, забившись в шалаш, вслушивается в глухую тьму и сонные крики.

— Нельзя малышей с одним Хрюшей оставлять. На всю ночь.

Все молчали, стояли вокруг, смотрели на него.

— Если назад повернуть, это же несколько часов…

Джек откашлялся и проговорил странным, сдавленным голосом:

— Ну конечно, как бы с Хрюшенькой чего не случилось, верно же?

Ральф постучал себя по зубам грязным концом копья, которое он отобрал у Эрика.

— Если пойти наперерез…

Он оглядел лица вокруг.

— Кому-то надо пересечь остров и предупредить Хрюшу, что мы не успеваем вернуться до темноты.

Билл ушам своим не поверил:

— В одиночку? Сейчас? Лесом?

— Больше одного человека мы отпустить не можем.

Саймон протолкался к Ральфу, стал рядом:

— Хочешь, я пойду? Мне это ничего, честно.

Ральф не успел даже ответить, а он улыбнулся беглой улыбкой, повернулся и стал карабкаться наверх, в лес.

И тут только Ральф бешеным взглядом посмотрел на Джека, увидел его наконец.

— Джек, послушай-ка, ты тогда ведь до самого замка дошел…

Джек вспыхнул:

— Ну и что?

— Ты же по берегу шел — и тут, под горой.

— Ну да.

— А потом?

— Я свиной лаз нашел. Он далеко очень тя-

нется.

Ральф кивнул в сторону леса.

— Значит, где-то тут этот свиной лаз.

Все вдумчиво закивали.

— Тогда ладно. Пойдем напролом и выйдем на этот лаз.

Он шагнул было в сторону леса, запнулся.

— Хотя нет, погоди-ка! А куда он ведет?

— На гору, — сказал Джек. — Я же тебе говорил. — Он хмыкнул: — Что, не хочется на гору?

Ральф вздохнул, ощущая враждебность Джека, понимая, что она оттого, что Джек снова не главный.

— Просто я подумал — скоро стемнеет. Споткаться будем.

— Но мы насчет зверя хотели проверить…

— Света мало.

— Ничего, я-то готов, — выпалил Джек. — Я пожалуйста. Ну, а ты? Может, сначала вернешься, доложишься Хрюше?

Тут покраснел уже Ральф и сказал — безнадежно, вспомнив уроки Хрюши:

— И за что только ты меня ненавидишь?

Вокруг потупились, будто услышали что-то неприличное. Пауза нагнеталась.

Ральф, все еще красный, обиженный, отвел

глаза первый.

— Ладно, пошли.

И взял и пошел впереди, врубаясь в заросли. Джек, смущенный и злой, замыкал шествие.

Свиной лаз был как темный туннель, потому что солнце уже скатывалось к краю неба, а в лесу и всегда-то прятались тени. Тропа была широкая, убитая, они бежали по ней рысцой. И вот прорвалась лиственная кровля, они замерли, задыхаясь, и увидели мигающие над горой первые звезды.

— Ну вот.

Все недоуменно переглядывались. Ральф, наконец, решился:

— Пошли прямо к площадке, а на гору завтра успеем.

Вокруг уже поддакивали, но тут у него за плечом вырос Джек:

— Ну конечно, раз ты боишься…

Ральф посмотрел ему в лицо:

— Кто первый пошел к бастиону?

— Так то — днем. И я тоже пошел.

— Ладно. Кто за то, чтоб сейчас на гору лезть?

Ответом было молчанье.

— Эрикисэм? Вы как?

— Надо пойти, Хрюше сказать…

— Ага, сказать Хрюше, что мы…

— Ведь же Саймон уже пошел!

— Нет, надо сказать Хрюше, а то вдруг…

— А ты, Роберт? Билл — ты как?

Эти тоже хотели идти прямо к площадке. Да нет, не боялись они, просто устали.

Снова Ральф повернулся к Джеку:

— Ну, видишь?

— Я лично иду на гору.

Джек кинул это злобно, как выругался. И уставился на Ральфа, тощий, длинный, а копье держал так, будто хочет ударить.

— Я иду на гору, зверя искать. Сейчас же.

И — добивая — с издевкой, небрежно:

— Пошли?

При этом слове все разом забыли, как им только что хотелось поскорей на ночлег, и примерялись уже к новой схватке двух сил в потемках. Слово было произнесено так лихо, едко, так обескураживало, что его не требовалось повторять. Оно выбило у Ральфа почву из-под ног, когда он совсем расслабился в мыслях о шалаше, о теплых, ласковых водах лагуны.

— Я не против.

Он с удивлением услышал собственный голос — спокойный, небрежный, так что вся ядовитость Джека сводилась на нет.

— Ну, раз ты не против…

— Совершенно.

Джек сделал первый шаг.

— Тогда…

Бок о бок, под молчаливыми взглядами, двое начали подниматься в гору.

Ральф почти сразу остановился.

— Какая глупость. Зачем идти вдвоем? Если мы найдем его, двоих-то мало.

Тут же остальных отшвырнуло от них, как волной. И вдруг одинокая фигура двинулась против течения.

— Роджер?

— Ага.

— Ну, значит, нас трое.

И снова они стали взбираться по склону. Тьма накрывала их, как волной. Джек шел молча, вдруг он начал кашлять и задыхаться; ветер заставил их отплевываться. Глаза Ральфу заволокло слезами.

— Зола. Мы на сожженное место зашли.

Шагами и ветром взметало пепел. Снова они остановились, и Ральф, закашлявшись, успел окончательно сообразить, какую они сморозили глупость. Если зверя там нет — а его, наверное, нет, — тогда еще ладно, пусть. Ну, а вдруг он там,

подстерегает их наверху — что толку тогда от них от троих, скованных тьмой, вооруженных палками?

— Дураки мы все-таки!

Из тьмы донеслось в ответ:

— Дрейфишь?

Ральфа трясло от обиды. Все, все из-за этого Джека.

— Еще бы. Но мы все равно дураки.

— Если тебе не хочется, — сказал саркастический голос, — я и сам могу пойти.

Ральф уловил насмешку. Он ненавидел Джека. Зола щипала ему глаза, он боялся, устал. Его взорвало:

— Пожалуйста! Иди! Мы тут подождем.

И — молчанье.

— Что ж ты не идешь? Испугался?

Пятно во тьме, пятно, которое было Джек, отодвинулось и начало таять.

— Ладно. Пока.

И пропало пятно. И вместо него всплыло другое.

Ральф наткнулся коленкой на что-то твердое, качнул колкий на ощупь обгорелый ствол. Шершавым обугленным краешком бывшей коры его мазнуло по ноге, и он понял, что это на ствол

сел Роджер. Он пощупал дерево и, колыхнув его на невидимом пепле, сел тоже. Роджер, вообще необщительный, и тут не стал разговаривать. Не стал распространяться о звере или объяснять Ральфу, что понесло и его в эту нелепую экспедицию. Сидел себе и покачивал ствол. Ральф различил частое-частое, бесящее постукиванье и догадался, что Роджер стучит по чему-то деревянным копьем.

Так и сидели: стучащий, раскачивающийся, непроницаемый Роджер и кипящий Ральф; а небо вокруг набрякло звездами, и только черным продавом в их блеске зияла гора.

Высоко наверху заскользили звуки, кто-то размашисто, отчаянно прыгал по камням и золе. Вот Джек добрался до них, и он прохрипел таким дрожащим голосом, что они еле его узнали:

— Там кто-то есть. Я видел.

Он споткнулся о ствол, ствол ужасно качнулся.

Минуту Джек лежал тихо, потом пробормотал:

— Осторожно. Может, он пошел вдогонку.

На них посыпался пепел. Джек сел.

— Там, наверху, я видел — что-то вздувается.

— Тебе просто почудилось, — стуча зубами, выговорил Ральф. — Что же может вздуваться? Таких не бывает существ.

Роджер сказал — и они даже вздрогнули, они совсем про него забыли:

— Лягушка.

Джек хихикнул и вздрогнул:

— Да уж, лягушечка. И хлопает как-то. А потом вздувается.

Ральф даже сам удивился — не столько своему голосу, голос был ровный, сколько смелости предложенья:

— Пошли — посмотрим?

Впервые с тех пор, как он познакомился с Джеком, Ральф почувствовал, что Джек растерялся.

— Прямо сейчас?

И голос Ральфа сам ответил:

— Да, а что?

Он встал со ствола и пошел по звенящей золе в темноту, и остальные — за ним.

Теперь, когда его голос умолк, стал слышен внутренний голос рассудка и еще другие голоса. Хрюша говорил, что он как дитя малое. Другой голос призывал его не валять дурака; а тьма и безумие этой затеи делали ночь немыслимой, как зубоврачебное кресло.

Когда достигли последнего подъема, Джек с Роджером подошли ближе, превратясь из чернильных клякс в различимые фигуры. Не

сговариваясь, все трое остановились и припали к земле. За ними, на горизонте, светлела полоса неба, на которой вот-вот могла проступить луна. Ветер взвыл в лесу и прибил к ним лохмотья.

Ральф шевельнулся:

— Пошли.

Двинулись вперед, Роджер чуть-чуть отстал. Джек с Ральфом вместе повернули за плечо горы. Снизу сверкнули плоские воды лагуны, и длинным бледным пятном за нею был риф. Их нагнал Роджер.

Джек заговорил шепотом:

— Дальше — ползком. Может, он спит…

Роджер и Ральф поползли, а Джек, несмотря на все свои храбрые слова, на сей раз отставал. Вышли на плоский верх, где под коленками и ладонями были твердые камни.

Что-то вздувается…

Ральф попал рукой в холодный, нежный пепел и чуть не вскрикнул. Рука дернулась от неожиданного соприкосновенья. На миг мелькнули перед глазами зеленые искорки дурноты и тотчас растаяли во тьме. Роджер лежал рядом, и губы Джека шептали в ухо Ральфу:

— Вон там, где раньше щель была. Бугор — видишь?

Пепел угасшего костра посыпался Ральфу в лицо. Он не видел щели, вообще ничего не видел, потому что опять всплыли зеленые искорки и разрастались, и вершина горы вдруг поползла вбок и накренилась.

Опять, уже не так близко, он услышал голос Джека:

— Испугался?

Нет, он не то что испугался, у него отнялись руки и ноги; он висел на вершине рушащейся, оползающей горы. Джек отодвигался от него все дальше, Роджер наткнулся на него и, пошарив, сопя, прополз мимо. Он слышал — они шептались.

— Видишь?

— Это же…

Перед ними всего в трех-четырех ярдах был взгорок там, где прежде взгорка не было. Ральф услышал какой-то тихий стук — кажется, это у него у самого стучали зубы. Он взял себя в руки, весь свой ужас обратил в ненависть и встал. И сделал два натужных шага вперед.

Позади них лунный серп уже отделился от горизонта. Впереди кто-то, вроде огромной обезьяны, спал сидя, уткнув в колени голову. Потом ветер взвыл в лесу, всколыхнул тьму, и существо подняло голову и обратило к ним бывшее лицо.

Ноги сами понесли Ральфа по пеплу, сзади он услышал топот, крик и сломя голову, не разбирая дороги бросился вниз, в темноту; на вершине остались только три брошенные палки и то, что сидело и кланялось.

Глава восьмая
Дар Тьме

Хрюша перевел несчастный взгляд с рассветно-бледного берега на черную гору.

— Ты это точно? То есть наверняка?

— Я тебе повторяю десятый раз, — сказал Ральф. — Мы его видели.

— А сюда-то он не придет?

— Господи, да откуда же я знаю?

Ральф дернулся, отвернулся и на несколько шагов отбежал от него по берегу. Джек на коленках чертил пальцем круги на песке. До них долетел сдавленный голос Хрюши:

— Так это точно? Наверняка?

— А ты поди да посмотри, — сказал Джек презрительно. — Скатертью дорожка.

— Нет уж, спасибо.

— У зверя зубы, — сказал Ральф, — и больше черные глаза.

Его передернуло. Хрюша снял очки и стал протирать единственное стеклышко.

— Что ж теперь делать-то?

Ральф повернулся к площадке. Среди стволов,

белой каплей против занимавшейся зари, мерцал рог. Ральф откинул космы со лба.

— Не знаю.

Он не забыл, как мчался сломя голову с горы.

— По-моему, мы с такой громадиной драться не станем, это уж точно. Мы только все болтаем, а мы и на тигра не пойдем. Спрячемся. Даже Джек спрячется.

Джек не отрывал глаз от песка.

— А как насчет моих охотников?

Саймон крадучись отделился от тени под шалашом. Ральф оставил без внимания вопрос Джека. Он показал рукой на желтый просвет над морем.

— Пока светло, мы еще храбрые. Ну а дальше что? Он там засел у костра, будто нарочно, чтоб нас не спасли…

Он не замечал, что ломает руки. Голос сорвался на крик:

— Мы остались без сигнала… Пропали.

Золотая точка высунулась из-за моря и разом подпалила небо.

— А как насчет моих охотников?

— Подумаешь, мальчишки, вооруженные палками.

Джек вскочил на ноги. И, весь красный, зашагал прочь. Хрюша надел очки и сверкнул на Ральфа

единственным стеклышком.

— Ну вот. Ихнюю компанию задел.

— Да помолчи ты!

Разговор оборвали неумело извлекаемые звуки рога. Словно встречая серенадой восход, Джек дул, пока не всполошил в шалашах всех, и к площадке устремились охотники и хлюпающие, как всегда они теперь хлюпали, малыши. Ральф покорно встал, Хрюша тоже, и они побрели к площадке.

— Болтовня, — сказал Ральф горько. — Одна болтовня.

Он взял у Джека рог.

— Это собрание…

Джек его оборвал:

— Я созвал собрание.

— Не ты, так я бы. Ты просто в рог подул.

— А это как — не считается?

— Да возьми ты его. На, пожалуйста — говори-говори!

Ральф сунул рог Джеку и сел на свое место.

— Я созвал собрание, — сказал Джек, — из-за разных вещей. Во-первых, вы уже знаете, мы видели зверя. Мы забрались на вершину. В нескольких шагах от него были. Он сидел и на нас смотрел. Не знаю, что он там делает. Мы даже не знаем,

что это за зверь…

— Он выходит из моря…

— Из темноты…

— С деревьев спускается…

— Да замолчите вы! — крикнул Джек. — Слушайте меня! Зверь, какой бы ни был, сидит наверху и…

— Может, ждет…

— Может, на нас охотится…

— Да, охотится.

— Охотится, — сказал Джек. Он вспомнил не раз испытанный лесной первобытный ужас. — Да. Зверь этот — охотник. Нет, пока помалкивайте! Во-вторых, убить его нам не удалось. И, в-третьих, Ральф сказал, что от моих охотников никакого толка.

— Не говорил я ничего подобного!

— Рог у меня. Ральф считает, что вы трусы, удираете от кабана и от зверя. И это еще не все.

Вздох пронесся над площадкой, будто все чувствовали, что сейчас будет. Голос Джека, срывающийся, но решительный, разбивал настороженную тишину:

— Он как Хрюша. Все повторяет за Хрюшей. Не ему нами командовать.

Джек прижал к груди рог:

— Сам он трус.

Мгновенье помолчал и добавил:

— Там наверху мы с Роджером пошли вперед, а он остался.

— Я тоже пошел!

— Потом уже.

Двое мальчиков смотрели друг на друга сквозь нависшие космы.

— Я пошел, — сказал Ральф. — Я уже потом убежал. Но ведь ты сам тоже убежал.

— А ты скажи, что я трус, — попробуй. — Джек повернулся к охотникам: — Он не охотник. Разве он добывал нам мясо? Он не староста, мы про него вообще ничего не знаем. Только и умеет приказы отдавать, а люди, видите ли, должны ему подчиняться. Вся эта болтовня…

— Вся эта болтовня? — крикнул Ральф. — Болтовня? А кто ее затеял? Кто созвал собрание?

Джек весь красный, набычась, упершись в грудь подбородком, злобно глянул на него исподлобья.

— Ну, ладно, — процедил он многозначительно, с угрозой, — ладно же.

Прижал к себе рог левой рукой, а правым указательным пальцем рассек воздух:

— Кто считает, что Ральф недостоин быть глав-

ным?

Он с надеждой обвел всех глазами. Они замерли. Под пальмами стояло мертвое молчанье.

— Поднимите руки, — сказал Джек строго, — кто за то, чтобы Ральф больше не был главным.

Длилось молчанье — тяжкое, стыдное, густое. Щеки Джека постепенно бледнели, потом, вдруг, в них снова ударила краска. Он облизнул губы и так повернул голову, чтоб ни с кем не встречаться взглядом.

— Кто считает…

Голос сорвался. Рог заплясал в руках. Джек откашлялся и сказал громко:

— Ну что ж, ладно.

Очень осторожно он положил рог на траву у своих ног. Из обоих глаз выкатилось по постыдной слезинке.

— Я с вами больше не вожусь. Все.

Большинство потупились — разглядывали траву, свои ноги. Джек снова откашлялся.

— Хватит, больше я Ральфу не слуга.

Он кинул взглядом по бревнам справа, подсчитывая охотников, прежде составлявших хор.

— Я ухожу. Один. Пускай он сам свиней половит. Кто захочет охотиться вместе со мной — пожалуйста.

И, натыкаясь на бревна, бросился к спуску на белый песок.

— Джек!

Джек оглянулся, посмотрел на Ральфа. Мгновенье постоял, застыв, и крикнул пронзительно, бешено:

— Нет!

Спрыгнул с площадки и побежал по берегу, не замечая катящихся слез. И пока он не скрылся в лесу, Ральф смотрел ему вслед.

Хрюша был вне себя.

— Ну, Ральф же, я говорю, а ты стоишь, как…

Тихо, глядя на Хрюшу и не видя его, Ральф сам с собой говорил:

— Он еще вернется. Солнце зайдет, и он вернется. — И тут он увидел рог в руках у Хрюши.

— Ты чего?

— Ну так вот…

Хрюша оставил попытку урезонить Ральфа. Прочистил стеклышко и вернулся к своей речи:

— Обойдемся и без Джека Меридью. И другие у нас на острове найдутся. Но раз уж зверь этот вправду есть, хоть мне чего-то не верится, нам все равно надо держаться поближе к площадке; так что не больно он и нужен теперь со своей охотой. Ну, и нам, значит, надо решить, что делать.

— Ничего мы не решим, Хрюша. Ничего нельзя сделать.

Все горестно примолкли. Потом Саймон встал и взял у Хрюши рог, и тот так удивился, что даже не сел. Ральф посмотрел на Саймона.

— Саймон? Ну что у тебя опять?

Легкий смешок пронесся по кругу, и Саймон съежился.

— По-моему, что-то можно сделать. Нам…

Снова под грузом публичности ему изменил голос. Он поискал взглядом сочувствия и выбрал лицо Хрюши. И повернулся к нему, прижимая к смуглой груди рог.

— По-моему, надо подняться на гору.

По кругу прошла дрожь. Саймон осекся. Хрюша смотрел на него с насмешливым недоуменьем.

— Зачем же туда подниматься к этому зверю, если уж Ральф и те двое ничего ему сделать не смогли?

Саймон в ответ шепнул:

— Что же можно еще сделать?

На этом речь его окончилась, и Хрюша взял рог у него из рук. И Саймон сел в самом дальнем уголке.

Хрюша теперь заговорил уверенней и таким тоном, который, будь обстоятельства чуть полег-

че, все сочли бы даже довольным.

— Я, значит, уже сказал — мы без кое-кого обойдемся. И еще скажу — надо решать, как нам быть. И я, по-моему, знаю, чего Ральф нам сейчас скажет. Самое главное на острове — это дым, а дыма без огня не бывает.

Ральф нетерпеливо дернулся:

— Без толку, Хрюша. Костра у нас нет. Там оно сидит. А нам надо тут оставаться.

Хрюша поднял рог, как будто его словам тем самым прибавлялось значительности.

— Костра нет — на горе. А что плохого будет, если мы его тут разожгем? Вон на тех на скалах. Или на песке прямо. Дым-то от него, небось, точно такой же.

— Верно!

— Будет дым!

— Можно у бухты!

Все заговорили разом. Только у Хрюши могло хватить дерзости ума на то, чтоб предложить новый костер — на берегу.

— Ну да, разожжем костер здесь, — сказал Ральф. Он огляделся. — Прямо тут — между площадкой и бухтой. Хотя, конечно…

Он осекся и нахмурился, размышляя и в забывчивости обгрызая ноготь.

— Конечно, дым этот будет ниже, не так далеко виден. Зато нам не придется подходить близко. Близко к… ну…

Все сразу поняли и закивали. Да, близко подходить не придется.

— Что ж, давайте разводить костер.

Все гениальное просто. Обретя цель, за работу взялись со страстью. Хрюша так ликовал, так наслаждался освобожденьем от Джека, так гордился своим вкладом в общее дело, что помог таскать топливо. Далеко он, правда, за топливом не ходил, оно оказалось под рукой — рухнувший ствол на самой площадке, для других заповедный, ибо, хоть никто на нем никогда не сидел, святость площадки охраняла все, что было на ней даже ненужного. А близнецы сообразили, что костер теперь будет совсем рядышком и не так страшно будет ночью, и малыши пустились в пляс от этого открытия.

Здесь валежник был не такой сухой, как на вершине. Почти весь сырой, сгнивший, изъеденный мечущимися жучками; поднимать его приходилось с осторожностью, иначе он рассыпался мокрой трухой. Они боялись углубляться в чащу и предпочитали собирать топливо по кромке, с трудом выдирая его из цепкого подлеска. Опушку

и края просеки они хорошо знали, и рядышком был рог, были шалаши, и днем тут было не страшно. Как будет тут в темноте, думать никому не хотелось. И потому они работали спешно и весело, хотя с приближением сумерек спешность все больше отдавала паникой, а веселость истерикой. Пирамиду из листьев, прутьев, веток, стволов сложили на песке у самой площадки. Впервые Хрюша сам снял очки, стал на коленки и лично собрал лучи в пучок. И вот под дымным навесом расцвел желтый куст пламени.

Малыши, после той, первой катастрофы почти не видевшие огня, весело расшалились. Скакали и пели, будто они на пикнике.

Наконец Ральф приказал кончить работу и выпрямился, размазывая пот по лицу грязной рукой.

— Костер нам нужен поменьше. С таким не справиться.

Хрюша осторожно опустился на песок и стал чистить стеклышко.

— Мы будем делать опыты, учиться. Сперва мы разожгем маленький жаркий костер, а потом будем туда зеленые ветки ложить — для дыма. Одни листья для этого побольше подходят, другие поменьше, и потому…

Костер угасал, а с ним вместе и оживленье. Малыши перестали плясать и петь и разбрелись кто куда — за фруктами, в шалаши, по берегу.

Ральф плюхнулся на песок.

— Надо новый список составить, кому когда дежурить у костра.

— Да, если ты кого сыщешь.

Ральф огляделся. И тут он впервые заметил, как мало осталось старших, и понял, отчего последняя работа показалась такой трудной.

— Где Морис?

Хрюша снова потер стеклышко.

— Наверно… нет, не пойдет он один в лес, правда же?

Ральф вскочил, обежал костер, встал рядом с Хрюшей, отводя рукой волосы со лба.

— Но нам нужен список! Ты, я, и Эрикисэм, и…

Не глядя Хрюше в глаза, он просил небрежно:

— Где Роберт, Роджер?

Хрюша весь согнулся и подбросил щепочку в костер.

— Наверно, ушли. Наверно, они с нами больше не водятся…

Ральф опустился на песок и стал дырявить его пальцем. Вдруг в одной ямке он увидел кровь. Разглядел обгрызенный ноготь и заметил каплю

там, где откусил заусеницу.

Хрюша говорил: -...Я видел, когда мы топливо собирали, они ушли. Смылись они. За ним побежали.

Ральф оторвал взгляд от ногтя и посмотрел ввысь. Словно в лад всем их переменам небо сегодня переменилось, как бы подернулось пылью, и горячий воздух пошел белыми пятнами. Мутный серебряный диск будто приблизился и остыл, но жара все равно давила, душила.

— С ними вообще всегда морока, правда?

Голос был у самого его уха, и в нем билась тревога:

— Без них обойдемся. Без них даже лучше, правда?

Ральф сел. Волоча тяжелое бревно, явились торжествующие близнецы. И швырнули бревно в золу, взметнув искры.

— Сами отлично справимся, правда?

Долго, покуда бревно сохло, занималось, наливалось красным, Ральф сидел на песке и молчал. Он не заметил, как к близнецам подошел Хрюша, как он шептался с ними, как все трое ушли в лес.

— Ну вот.

Он вздрогнул и очнулся. Хрюша и близнецы стояли рядом. Они были нагружены фруктами.

— Я подумал, — сказал Хрюша, — надо нам вроде как пир устроить.

Все трое уселись. Фруктов было много, и все вполне спелые. Они заулыбались, когда Ральф взял один и надкусил.

— Спасибо, — сказал он. И — с радостным изумлением: — О, спасибо большое!

— Сами отлично справимся, — сказал Хрюша. — У кого соображенья нету, те только всем жизнь отравляют. А мы разожгем маленький жаркий костер…

Тут Ральф вспомнил, что его мучило:

— Где Саймон?

— Не знаю.

— Не полез же он на гору, как ты думаешь?

Хрюша шумно расхохотался и взял себе еще фруктов.

— С него станется. — Хрюша заглотал спелую мякоть. — Он же чокнутый.

Саймон прошел мимо фруктовых деревьев, но сегодня малыши были слишком заняты костром и за ним не увязались. Он продрался в чащобе и вышел к тем лианам, которыми заткало опушку, и залез в самое плетево. К лиственной бахроме льнул солнечный свет, и на лужайке плясали без устали бабочки. Он опустился на коленки, и солн-

це хлестнуло его лучом. Тогда, в тот раз, воздух трясся от зноя; а теперь нависал и пугал. Скоро густая длинная грива Саймона взмокла от пота. Саймон неловко вертелся и так и сяк. Солнце било нещадно. Скоро ему захотелось пить, потом просто ужасно захотелось.

Он все стоял на коленях.

Очень далеко Джек стоял на берегу перед группкой мальчиков. Он ликовал.

— Охотиться будем! — сказал он. Он окинул их взглядом. На всех были изодранные черные шапочки, и когда-то давным-давно они стаивали двумя чинными рядами, и голоса их были как пенье ангелов.

— Будем охотиться. Я буду главным.

Они покивали ему, и сразу все стало легко и понятно.

— И еще — насчет этого зверя.

Все оглянулись и посмотрели на лес.

— Значит, так. Про зверя нам нечего думать…

Теперь уж ему пришлось им покивать в подкрепленье своих слов.

— Зверя надо забыть.

— Правильно.

— Ага.

— Забыть его!

Если Джека и удивила эта готовность, виду он не подал.

— И еще одно. Тут нам мерещиться не будет всякое. Тут почти самый конец острова.

Горячо и дружно, из глубины своих тайных мучений, все согласились с Джеком.

— А теперь вы все — слушай. Потом мы, наверно, пойдем в этот замок — в скалах. Но сначала мне надо еще кое-кого из старших отвлечь от рога и всяких глупостей. Убьем свинью, закатим пир. — Он помолчал и продолжил, уже с расстановкой: — И насчет зверя. Как убьем свинью, мы часть добычи ему оставим. Тогда он, может, нас и не тронет.

Вдруг он вытянул шею:

— Ладно. Пошли охотиться, в лес.

Повернулся и затрусил прочь, и они сразу послушно за ним последовали.

Боязливо озираясь, они рассыпались по лесу. Джек почти тотчас наткнулся на взрытую землю и выдернутые корни — улики против свиней — и тут же вышел на свежий след. Он дал всем сигнал — обождать, а сам двинулся вперед. Он был счастлив, сырая лесная мгла облегла его, как ношеная рубашка. Он скользнул вниз по склону и вышел на каменный берег, к редким деревьям.

Свиньи, вздутыми жировыми пузырями, валялись под деревьями, блаженствуя в тени. Ветра не было; они ни о чем не подозревали; а Джек научился скользить бесшумно, как тень. Он вернулся к затаившимся охотникам и подал им знак. Дюйм за дюймом они стали пробираться в немой жаре. Вот в тени под деревом праздно хлопнуло ухо. Чуть поодаль от других в сладкой истоме материнства лежала самая крупная матка. Розовая, в черных пятнах. К большому, взбухшему брюху прильнули поросята, они спали или теребили ее и повизгивали.

Ярдах в пятнадцати от стада Джек замер; вытянул руку, указывая на матку. Оглянулся, вопросительно оглядел мальчиков, и те закивали в знак того, что им все понятно. Правые руки скользнули назад — дружно, разом.

— Ну!

Свиньи сорвались с места; и всего с десяти ярдов закаленные в костре деревянные копья полетели в облюбованную матку. Один поросенок, одержимо вопя, кинулся в море, волоча за собой копье Роджера. Матка взвизгнула, зашлась и встала, качаясь, тряся воткнувшимися в жирный бок двумя копьями. Мальчики заорали, метнулись вперед, поросята бросились врассыпную,

свинья прорвала теснящий строй и помчалась в лес, напролом, через заросли.

— За ней!

Они затрусили по лазу, но тут было слишком темно и густо, так что Джек выругался, остановил их, стал ползать по земле. Он молчал, только дышал с присвистом, и все запуганно, уважительно переглядывались. Вдруг он ткнул в землю пальцем.

— Ага, вот…

Пока все разглядывали кровяную каплю, Джек уже ощупывал сломанный куст. И вот он пошел по следу, непостижимо и безошибочно уверенный; за ним потянулись охотники.

Возле логова он остановился:

— Тут она.

Логово окружили, но свинья вырвалась и помчалась прочь, ужаленная еще одним копьем. Палки волочились, мешали бежать, в боках, мучая, засели зазубренные острия. Вот она налетела на дерево, всадила одно копье еще глубже. И после этого уже ничего не стоило выследить ее по каплям свежей крови. День шел к вечеру, мутный, страшный, набрякший сырым жаром; свинья, шатаясь, затравленно кровоточа, пробиралась сквозь заросли, и охотники гнались за

ней, прикованные к ней страстью, задыхаясь от азарта, от запаха крови. Вот они уже увидели ее, почти настигли, но она рванулась из последних сил и снова ушла. Они были совсем близко, когда она вырвалась на лужайку, где росли пестрые цветы и бабочки плясали в застывшем зное.

Здесь, сраженная жарой, свинья рухнула, и охотники на нее набросились. От страшного вторжения неведомых сил она обезумела, завизжала, забилась, и все смешалось — пот, крик, страх, кровь. Роджер метался вокруг общей свалки, тыча копьем в мелькавшее то тут, то там свиное мясо. Джек оседлал свинью и добивал ее ножом. Роджер наконец нашел, куда воткнуть копье, и вдавливал, навалясь на него всем телом. Копье дюйм за дюймом входило все глубже, и перепуганный визг превратился в пронзительный вопль. Джек добрался до горла, и на руки ему брызнула горячая кровь. Свинья обмякла под ними, и они лежали на ней, тяжелые, удовлетворенные. А в центре лужайки все еще плясали ничего не заметившие бабочки.

Наконец все очнулись и отвалились от туши. Джек встал, раскинул руки:

— Глядите.

Он хихикал, махал пропахшими ладонями,

а все хохотали. Потом Джек схватил Мориса и мазнул его кровавой ладонью по лицу. Роджер начал вытаскивать копье, и только тогда все вдруг его увидели. Роберт подвел общий итог фразой, встретившей бурный восторг.

— В самую задницу!

— Слыхали?

— В самую задницу!

На сей раз весь спектакль играли Роберт и Морис; и Морис так смешно изображал попытки свиньи увернуться от приближающегося копья, что все ревели от хохота.

Но, приелось и это. Джек принялся вытирать окровавленные руки о камень. Потом стал разделывать тушу, потрошил, выуживал горячие мотки цветных кишок, швырял наземь, а все на него смотрели. Он работал и приговаривал:

— Мясо пронесем по берегу. А я пока вернусь на площадку и приглашу их на пир. Чтобы времени не терять.

Роджер сказал:

— Вождь…

— А?

— Как мы огонь разведем?

Джек опять сел на корточки, хмуро глянул на свинью.

— Налетим на них и возьмем огня. Со мной пойдут четверо. Генри, и ты, и Роберт, и Морис. Раскрасимся и подкрадемся. Пока я буду с ними говорить, Роджер схватит головню. Остальным всем — возвращаться на наше прежнее место. Там и разведем костер. А потом…

Он умолк и поднялся, вглядываясь в тени под деревьями. И снова заговорил, уже тише:

— Но часть добычи оставим для…

Снова он опустился на колени и что-то стал делать ножом. Его обступили. Он кинул через плечо Роджеру:

— Заточи-ка с двух концов палку.

Он поднялся, в руках у него была свиная голова, и с нее капали капли.

— Ну, где палка?

— На — вот.

— Один конец воткни в землю. Ах да — камень. Ну, в щель всади. Ага, так.

Джек поднял свиную голову и наткнул мягким горлом на острый кол, и кол вытолкнулся, высунулся из пасти. Джек отпрянул, а голова осталась на палке, и по палке тонкой струйкой стекала кровь.

Все тоже отпрянули; а в лесу было тихо-тихо. Они вслушались; в тишине только исходили

жужжанием обсевшие кишки мухи.

Джек сказал шепотом:

— Берите свинью.

Морис и Роберт насадили тушу на жердь, подняли мертвый груз, выпрямились. Стоя среди этой тишины в луже запекшейся крови, они выглядели почему-то как уличные воры.

Джек сказал громко:

— Голова — для зверя. Это — дар.

Тишина, вгоняя их в трепет, дар приняла. Голова торчала на палке, мутноглазая, с ухмылкой, и между зубов чернела кровь. И вдруг со всех ног они бросились через заросли, на открытый берег.

Саймон остался, где был, — темная, скрытая листвой фигурка. Он жмурился, но и тогда свиная голова все равно стояла перед ним. Прикрытые глаза были заволочены безмерным цинизмом взрослой жизни. Они убеждали Саймона, что все омерзительно.

— Я и сам знаю.

Саймон поймал себя на том, что говорит вслух. Он поскорей открыл глаза, и свиная голова тут как тут усмехалась, довольная, облитая странным светом, не замечая бабочек, вынутых кишок, не замечая того, что она позорно торчит на палке.

Он отвел взгляд, облизал сухие губы.

Дар зверю. А вдруг зверь явится за ним? Кажется, голова с этим соглашалась. «Беги, — говорила голова молча, — иди к своим. Ну да, они просто пошутили, и стоит ли из-за этого огорчаться? Просто тебе нехорошо, только и всего. Ну, в висках ломит, может, что-то не то съел. Иди, иди, детка», — говорила голова молча.

Саймон поднял лицо, из-под тяжелых мокрых прядей посмотрел в небо. Там наконец были тучи, большими вспученными башнями они катили над островом — серые, розовые, цвета меди. Тучи наваливались на землю; они выжимали, выдавливали от минуты к минуте все более душный, томительный жар. Даже бабочки и те покинули лужайку, где капала кровью и усмехалась эта гадость. Саймон опустил голову, стараясь не разжимать век, потом прикрыл глаза ладонью. Под деревьями не было теней, и все застыло и подернулось перламутром, будто, сбросив с себя очертанья, вдруг перенеслось в вымысел. Над черным комом кишок, как пила, жужжали мухи. Вот они обнаружили Саймона. Сытые, они обсели струйки пота у него на лице и стали пить. Они щекотали ему ноздри, у него на ногах они затеяли чехарду. Черные, радужно-зеленые, несчетные; а

прямо против Саймона ухмылялся насаженный на кол Повелитель мух. Наконец Саймон не выдержал и посмотрел; увидел белые зубы, кровь, мутные глаза — и уже не смог отвести взгляда от этих издревле неотвратимо узнающих глаз. В правом виске у Саймона больно застучало.

Ральф и Хрюша лежали на песке, смотрели на костер и праздно швыряли камешки в его бездымную сердцевину.

— Эта ветка — уже все.

— Где Эрикисэм?

— Надо еще принести. Кончились зеленые ветки.

Ральф вздохнул и поднялся. Под пальмами на площадке не было теней; и странный свет бил сразу отовсюду. В вышине по вспученным тучам ружейным выстрелом ухнул гром.

— Дождь будет проливной.

— А костер как же?

Ральф сбегал в лес, принес зеленую пышную ветку и бросил, в огонь. Ветка хрустнула, листья скрутились, и повалил желтый дым.

Хрюша бесцельно водил пятерней по песку.

— Народу у нас мало для костра, вот беда. Эрикисэм — это ж одно дежурство. Они все вместе делают…

— Ну да.

— Это ж нечестно. Понимаешь? Они по очереди должны дежурить.

Ральф подумал и понял. Он лишний раз убедился, что совершенно не умеет рассуждать по-взрослому, и печально вздохнул. Этот остров все меньше ему нравился.

Хрюша глянул на костер.

— Скоро еще зеленая ветка понадобится.

Ральф перевернулся на живот.

— Хрюша. Что же нам делать?

— Ну, как-то справляться без них.

— Да — а костер?

Он хмуро оглядел черно-белое месиво, в котором лежали несгоревшие ветки. Поискал слов: — я боюсь…

Увидел, что Хрюша поднял на него глаза, и понес наудачу:

— Я не зверя боюсь. То есть его тоже, конечно. Но ведь никто не хочет понять насчет костра. Если б тебе бросили веревку, когда ты тонешь… Или доктор бы сказал; надо это принять, а то умрешь — неужели бы ты не принял? Ведь же принял бы?

— Ясное дело, принял бы.

— Неужели им непонятно? Ну скажи? Ведь без

сигнала мы все тут умрем! Посмотри-ка!

Над золой зыбились горячие струйки — слюдяные, прозрачные. Дыма больше не было.

— Мы не можем поддерживать костер. А им все равно. И даже… — он заглянул в потное Хрюшино лицо, — даже мне иногда все равно. Ну вот возьму я и на все плюну. Что же с нами тогда будет?

Хрюша в смятенье снял очки.

— Не знаю я, Ральф. Надо держаться, и точка. Взрослые бы держались.

Ральф, начав облегчать свою душу, уже не мог остановиться:

— Хрюша, за что?

Хрюша посмотрел на него удивленно:

— Ты это насчет… ну…

— Да нет… я вообще… почему у нас все так плохо?

Хрюша долго тер очки и думал. Когда он понял всю степень доверия Ральфа, он вспыхнул от гордости.

— Не знаю, Ральф. Наверно, он виноват.

— Джек?

— Джек. — Вокруг этого слова уже тоже витало табу.

Ральф веско кивнул.

— Да, — сказал он, — возможно, все из-за него.

Лес разразился ревом; бесноватые с красно-бело-зелеными лицами выскочили из кустов, голося так, что малыши с воплями разбежались. Краешком глаза Ральф увидел, как спасается Хрюша. Двое бросились к костру. Ральф приготовился защищаться, но они схватили полуобгоревшие ветки и помчались по берегу. Трое других остались, стояли и смотрели на Ральфа; и он понял, что самый высокий, весь голый, только краска да пояс, — Джек.

Ральф перевел дух и сказал:

— Ну?

Джек не ответил, поднял копье и заорал:

— Слушай — вы все! Я и мои охотники живем у плоской скалы на берегу. Мы охотимся, мы пируем, нам весело. Кто хочет присоединиться к моему племени — приходите. Может, я вас и оставлю у себя. А может, и нет.

Он умолк и огляделся. Маска спасала от стыда и неловкости. Он каждому заглянул в лицо. Ральф стал на колено у костра, как спринтер перед стартом, и лицо его скрывали волосы и грязь. Близнецы выглядывали из-за пальмы на краю леса. Возле бухты малыш зашелся плачем, а Хрюша стоял на площадке, прижимая к груди белый рог.

— Сегодня мы пируем. Мы убили свинью, у нас есть мясо. Если хотите, можете угоститься.

В вышине из облачных каньонов снова бабахнул гром. Джек и двое неопознанных дернулись, задрали головы и сразу успокоились. Все рыдал малыш у бухты. Джек еще чего-то ждал. Потом нетерпеливо шепнул дикарям:

— Ну, давайте!

Те зашептали в ответ, но Джек оборвал их:

— Ну!

Дикари переглянулись, оба разом подняли копья и хором сказали:

— Вы слушали Вождя.

И все трое повернулись и затрусили прочь.

Тогда Ральф встал и посмотрел туда, где исчезли дикари.

Эрик и Сэм подходили, шепча испуганно:

— Я уж думал, это…

— Ой, и я так… -…испугался.

Хрюша стоял наверху, на площадке, и прижимал к груди рог.

— Это Джек, Морис и Роберт, — сказал Ральф. — Неужели им весело?

— Я думал, сейчас начнется астма.

— Слыхали про твою какассыму.

— Я как увидал Джека, сейчас решил, что он за

рогом пришел. Даже не знаю почему.

Мальчики посмотрели на рог с нежной почтительностью. Хрюша положил его на руки Ральфу, и малыши, видя привычный символ, заспешили обратно.

— Нет, не тут.

Ральф взошел на площадку, чтобы соблюсти ритуал. Он пошел впереди, как ребенка, неся рог, потом очень серьезный Хрюша, потом близнецы, малыши и те, кто еще остались.

— Сядьте все. Они на нас напали из-за огня. Им весело. Только…

И тут мысли Ральфа заслонило завесой. Он что-то хотел сказать, и вдруг эта завеса…

— Только…

Все смотрели на него, очень серьезно, пока еще не омраченные никакими сомнениями в том, не зря ли его выбрали, Ральф отвел от глаз эти дурацкие патлы и глянул на Хрюшу.

— Только… Ах, ну да, костер! Ну конечно!

Он засмеялся, осекся, потом, наоборот, очень гладко заспешил:

— Костер — это главное. Без костра нас не могут спасти. Я и сам бы с удовольствием размалевался и стал дикарем. Но нам надо поддерживать костер. Костер — самое главное на острове, потому

что, потому что…

Снова он умолк, и в наставшей тишине было теперь недоуменье, сомненье.

Хрюша шепнул с нажимом:

— Без костра нас не спасут.

— Ах да. Без костра нас не спасут. Так что надо следить за костром и чтобы все время был дым.

Он умолк, и никто не сказал ни слова. После множества пламенных речей, произнесенных на этом самом месте, выступление Ральфа даже малышам показалось неубедительным.

Наконец за рогом потянулся Билл:

— Ну, мы не можем жечь костер наверху… потому что… мы не можем жечь костер наверху. И нам людей не хватает. Давайте пойдем к ним на их этот пир и скажем, что нам с костром, значит, не справиться. А вообще-то охотиться и всякое такое, ну, дикарями быть и вообще, наверное, адски интересно.

Рог взяли близнецы:

— Наверно, и правда интересно, как вот Билл говорит… и он же нас пригласил… — на пир… — мясо есть… — поджаристое… -…мясо бы я с удовольствием…

Ральф поднял руку:

— Может, лучше самим мясо добывать?

Близнецы переглянулись. Билл ответил:

— Нет, не пойдем мы в джунгли эти.

Ральф скривил губы:

— Он, между прочим, ходит.

— Он охотник. Они все вообще охотники. Это разница.

Помолчали, потом Хрюша бормотнул, глядя в песок:

— Мясо — это да…

Малыши сидели, страстно думая о мясе и глотая слюнки. В вышине опять бабахнула пушка, и на горячем ветру заколотились сухие листы пальм.

— Глупый маленький мальчик, — говорил Повелитель мух, — глупый, глупый, и ничего-то ты не знаешь.

Саймон шевельнул вспухшим языком и ничего не сказал.

— Что, неправда? — говорил Повелитель мух. — Разве ты не маленький, разве ты не глупый?

Саймон отвечал ему так же молча.

— Ну и вот, — сказал Повелитель мух, — беги-ка ты к своим, играй с ними. Они думают, что ты чокнутый. Тебе же не хочется, чтоб Ральф считал тебя чокнутым? Ты же очень любишь Ральфа, правда? И Хрюшу, и Джека — да?

Голова у Саймона чуть запрокинулась. Глаза не

могли оторваться от Повелителя мух, а тот висел прямо перед ним.

— И что тебе одному тут делать? Неужели ты меня не боишься?

Саймон вздрогнул.

— Никто тебе не поможет. Только я. А я — Зверь.

Губы Саймона с трудом вытолкнули вслух:

— Свиная голова на палке.

— И вы вообразили, будто меня можно выследить, убить? — сказала голова. Несколько мгновений лес и все другие смутно угадываемые места в ответ сотрясались от мерзкого хохота. — Но ты же знал, правда? Что я — часть тебя самого? Неотделимая часть! Что это из-за меня ничего у вас не вышло? Что все получилось из-за меня?

И снова забился хохот.

— А теперь, — сказал Повелитель мух, — иди-ка ты к своим, и мы про все забудем.

Голова у Саймона качалась. Глаза прикрылись, словно в подражание этой пакости на палке. Он уже знал, что сейчас на него найдет. Повелитель мух взбухал, как воздушный шар.

— Просто смешно. Сам же прекрасно знаешь, что там, внизу, ты со мною встретишься, — так чего же ты?

Тело Саймона выгнулось и застыло. Повелитель мух заговорил, как учитель в школе:

— Все это слишком далеко зашло. Бедное, заблудшее дитя, неужто ты считаешь, что ты умней меня?..

Молчанье.

— Я тебя предупреждаю. Ты доведешь меня до безумия. Ясно? Ты нам не нужен. Ты лишний. Понял? Мы хотим позабавиться здесь на острове. Понял? Мы хотим здесь на острове позабавиться. Так что не упрямься, бедное, заблудшее дитя, а не то…

Саймон уже смотрел в открытую пасть. В пасти была чернота, и чернота расширялась. -…не то, — говорил Повелитель мух, — мы тебя прикончим. Ясно? Джек, и Роджер, и Морис, и Роберт, и Билл, и Хрюша, и Ральф. Прикончим тебя. Ясно?

Пасть поглотила Саймона. Он упал и потерял сознанье.

Глава девятая
Лицо смерти

Над островом грудились тучи. Весь день поднимался с горы поток горячего воздуха и взмывал на десять тысяч футов вверх. Воздух был заряжен коловращеньем газов и готов взорваться. Под вечер солнце ушло с неба, и прежний ясный свет стал пронзительно медным. Даже ветер с моря был горяч и не свежил. С деревьев, с моря, с розовых скал смыло цвет, и на них давили черно-белые тучи. Только мухам все это было нипочем, они вытемнили своего повелителя, а сваленные кишки из-за них сделались похожи на груду блестящего угля. Когда в носу у Саймона лопнул сосудик и пошла кровь, они и тут им не заинтересовались, предпочтя дохлый дух свинины.

Кровь носом принесла облегчение, припадок Саймона перешел в истомный сон. Он лежал под лианами, пока на день наползал вечер и вверху громыхало. Наконец он проснулся и смутно различил темную землю у себя под щекой. Он еще полежал немного, не шевелясь и уставясь прямо перед собой невидящим взглядом. Потом

перевернулся, подобрал под себя ноги, схватился за лиану, подтянулся. Лиана дрогнула, мухи взвились, гнусно ноя, и тотчас снова обсели падаль. Саймон встал. Свет светил не по-земному. Повелитель мух висел на палке, как черный мяч.

Саймон вслух спросил лужайку:

— Что же можно еще сделать?

Ответа не было. Саймон повернулся к лужайке спиной и начал углубляться сквозь заросли в сумрак леса. Он печально брел между стволов, и лицо было лишено выраженья, а возле рта и на подбородке запеклась кровь. Лишь иногда, раздвигая кусты и выглядывая дорогу, он складывал губами слова, но наружу не выпускал.

Наконец лиан стало меньше, и с неба стал брызгать жемчужный свет. Здесь был хребет острова, земля слегка выгибалась, шла на подъем к горе и не так непролазны были джунгли. Заросли и чащоба то и дело перемежались прогалинами, Саймон брел по подъему, и скоро деревья расступились перед ним. Он пошел дальше, спотыкаясь от усталости, но не останавливаясь. В глазах не было всегдашнего сиянья. Он продвигался вперед с унылой сосредоточенностью, как старик.

Но вот ветер чуть не сшиб его с ног, и он увидел, что стоит на камнях под медным, большим

небом. У него были ватные ноги и давно уже болел язык. Ветер добрался до вершины, и тут что-то случилось, синий сполох пробежался по черной туче. Саймон заставил себя снова идти вперед, и ветер налетел снова, еще сильней, он трепал деревья, они гремели и гнулись. И вдруг Саймон увидел, как кто-то скорченный на вершине выпрямился и посмотрел на него. Опустив лицо, Саймон снова пошел вперед.

Мухи давно обнаружили сидящего. Подобие жизни всякий раз спугивало их, и они взвивались над его головой темной тучей. Потом синяя ткань парашюта опадала, сидящий вздыхал, тяжко кланялся, и мухи снова облепляли голову.

Коленки Саймона больно стукнулись о камень. Дальше он уже двинулся ползком, и скоро он все понял. Путаница веревок открыла ему механику зловещего действа; он увидел белую носовую кость, зубы, цвета тленья. Он увидел, как ремни и брезент держат без жалости бедное тело, не давая ему распасться. Потом снова подул ветер, и тело вскинулось, поклонилось, смрадно дохнуло на Саймона. Саймон снова упал на четвереньки, и его вырвало, вывернуло наизнанку. Потом он взял в руки стропы, высвободил из-под камней и избавил тело от надругательств ветра.

Наконец он отвернулся и посмотрел вниз на берег. Костер на площадке, кажется, погас, во всяком случае, дыма не было. Дальше по берегу, за речушкой, рядом с плоской скалой робкий дымок взбирался в небо. Забыв про мух, Саймон смотрел на этот дымок из-под щитков обеих ладоней. Даже с такого расстояния можно было разглядеть, что почти все, а может, и все мальчики — там. Значит, перебрались — подальше от зверя. Саймон снова глянул на бедную развалину, смердевшую у него под боком. Зверь был безвреден и жуток; об этом надо было скорей сообщить всем. Саймон бросился вниз, у него подкашивались ноги, он заставлял себя идти, но ковылял кое-как.

— Ну, давай купаться, — сказал Ральф, — больше делать нечего.

Хрюша обозревал хмурое небо сквозь покалеченные очки.

— Не нравятся мне тучи эти. Помнишь, как лило, когда мы высадились?

— И опять польет.

Ральф нырнул. У самого берега в бухте играли двое малышей, пытаясь освежиться в брызгах, которые были теплее тела. Хрюша снял очки и, чинно ступив в воду, снова надел. Ральф вынырнул и ртом пустил в него струю.

— Ты лучше не надо. Из-за очок. А то если ты на них попадешь, мне сразу вылазить придется, чтоб их вытереть.

Ральф снова пустил струю и промахнулся. Он засмеялся, ожидая, что Хрюша, как всегда, смирно отступит в скорбном молчании. Но тот вдруг заколотил руками по воде.

— Хватит тебе! — заорал он. — Слышь, что ли?

И в бешенстве плеснул водой Ральфу в лицо.

— Ну, ладно, ладно, — сказал Ральф. — Ты только не бесись.

Хрюша перестал колотить по воде руками.

— У меня голова болит. Хорошо бы похолодало.

— Хорошо бы дождь.

— Хорошо бы домой.

Хрюша снова улегся на пологий песчаный берег. Капли сохли на выдавшемся брюшке. Ральф пустил струю прямо в небо. По скольжению светлой прорехи между туч можно было угадать, куда ползет солнце. Ральф стал на колени в воде и посмотрел кругом.

— А где же все?

Хрюша сел.

— Может, в шалашах лежат.

— Где Эрикисэм?

— И Билл?

Хрюша показал за площадку.

— Они вон туда пошли. К Джеку подались.

— Ну и пусть, — выдавил Ральф. — Мне-то что…

— Это они мяса чтоб покушать…

— И чтоб охотиться, — сказал Ральф жестко, — и дикарей изображать, и лица размалевывать.

Хрюша рыл канавку в песке и не смотрел на Ральфа.

— Может, и нам туда податься?

Ральф быстро глянул на него, и Хрюша покраснел.

— Ну… то есть на всякий случай, чтоб там не вышло чего.

Ральф снова пустил в небо водную струю.

Не доходя до лагеря Джека, еще издали, Ральф и Хрюша услышали шум пира. Между лесом и берегом, под пальмами, была травянистая полоса. Всего на шаг вниз от нее начинался белый, нанесенный приливами песок, теплый, сухой, гладкий. Еще ниже была скала, она тянулась к лагуне. Под скалой, уже у самой воды, снова был маленький пляж. На скале горел костер, и со свиного мяса жир капал в невидимое пламя. На траве собрались все, кто только был на острове, кроме Саймона, Ральфа и Хрюши, да еще двоих,

занятых жаркой. Хохотали, пели, валялись, сидели, стояли — и все держали мясо в руках. Судя по лицам, испачканным жиром, пир подходил к концу, и кое-кто уже прихлебывал воду из кокосовых скорлуп. Еще до начала пира в центр лужайки приволокли большое бревно, и Джек, размалеванный, в венке, теперь сидел на нем, как идол. Перед ним на зеленых листьях были груды мяса и фрукты, а в кокосовых скорлупах — питье.

Хрюша с Ральфом подошли к краю травянистой лужайки; замечая их, мальчики один за другим умолкали, пока не остался только тот, что стоял рядом с Джеком. Наконец и тот умолк, и тогда Джек повернулся. Он смотрел на них. Треск огня был единственным звуком, поднимавшимся над ровным рокотом моря. Ральф отвел от него глаза; Сэм, решив, что это Ральф смотрит на него с укором, нервно хихикнул и сунул в траву обглоданную кость. Ральф неуверенно шагнул, показал на пальму, что-то неслышно шепнул Хрюше; оба хихикнули в точности как Сэм. И Ральф зашагал вперед, высоко выбирая из песка ноги. Хрюша пытался насвистывать.

Тут мальчики, жарившие мясо, как раз отделили большой кусок и побежали к лужайке. Они

наткнулись на Хрюшу, обожгли, и Хрюша взвыл и стал приплясывать. Тотчас Ральфа и всю толпу объединил взрыв веселья. Снова Хрюша сделался общим посмешищем, и, чувствуя себя нормальными, все радостно хохотали.

Джек встал и взмахнул копьем.

— Дать им мяса.

Те, кто держали вертел, дали Ральфу и Хрюше по сочному куску. Они приняли дар, истекая слюной. И стали есть, стоя под медью неба, звенящей о скорой буре.

Снова Джек взмахнул копьем.

— Все наелись досыта?

Мясо еще оставалось, шипело на палках, громоздилось на зеленых тарелках. Жертва собственного желудка, Хрюша швырнул вниз, на берег, обглоданную кость и нагнулся за новым куском.

Джек снова спросил, уже резче:

— Все наелись досыта?

В тоне была угроза, гордость собственника, и мальчики стали глотать не прожевывая. Поняв, что конца этому пока не предвидится, Джек поднялся с бревна, служившего ему троном, и прошествовал к краю травы. Сверху вниз он разглядывал из-за своей краски Ральфа и Хрю-

шу. Они немного поднялись по песку, и Ральф, обгладывая кость, смотрел на костер. Он подсознательно отмечал, что пламя теперь уже видно на сером свету. Значит, пришел вечер, но красоты и отрады он не принес — только страх.

Джек сказал:

— Подайте мне пить.

Генри подал ему скорлупу, и он отпил из нее, глядя на Хрюшу и Ральфа из-за зубчатого края. Сила покоилась на мышцах его загорелых рук, и власть улеглась ему на плечо, нашептывая в ухо, как обезьяна.

— Всем сесть.

Мальчики рядами уселись перед ним на траве, а Ральф и Хрюша стояли на мягком песке, футом ниже. Джек их не замечал и, склонившись маской к сидящим, ткнул в них копьем:

— Кто желает вступить в мое племя?

Ральф вдруг дернулся, подался вперед, споткнулся. На него оглядывались.

— Я накормил вас, — сказал Джек. — А мои охотники вас защитят от зверя. Кто желает вступить в мое племя?

— Я главный, — сказал Ральф. — Вы же сами меня выбрали. И мы решили следить за костром. А вы погнались за едой.

— А ты не погнался? — крикнул Джек. — У самого в руках кость!

Ральф залился краской.

— На то вы и охотники. Это ваша работа.

Снова Джек перестал его замечать.

— Кто желает вступить в мое племя, развлечься?

— Я главный, — дрожащим голосом сказал Ральф. — И как же костер? И у меня рог…

— Что-то ты его с собой не захватил, — сказал Джек и оскалился. — Небось там оставил, а? И вообще в этой части острова рог не считается.

Вдруг сверху ударил гром. Уже не прошелся глухо, бабахнул взрывом.

— Рог и тут считается, — сказал Ральф, — и всюду на острове.

— Ну и что из этого? А?

Ральф оглядел ряды. Ни в ком не нашел сочувствия и отвернулся, сконфуженный, потный. Хрюша шептал:

— Костер — это наше спасенье…

— Кто желает вступить в мое племя?

— Я.

— И я.

— И я.

— Я протрублю в рог и созову собрание, — за-

дохнулся Ральф.

— А мы не услышим.

Хрюша тронул Ральфа за руку.

— Пошли. А то худо будет. И мы же ведь покушали уже.

За лесом полыхнула молния и громыхнуло так, что один малыш заплакал. Посыпались крупные капли, и слышно было, как плюхалась каждая.

— Будет буря, — сказал Ральф, — и дождь, как когда мы высадились. Ну, и кто же, интересно, умница? Где твои укрытия? Как ты без них обойдешься?

Охотники уныло поглядывали в небо, уклоняясь от капель. Все нелепо засуетились. Вспышки стали ярче, гром надрывал уши. Малыши с ревом метались по траве.

Джек спрыгнул на песок.

— Танцевать! Ну! Наш танец!

И, спотыкаясь, пробежал по глубокому песку на голую скалу, где был костер. Между вспышками было темно и страшно; все, голося, побежали за Джеком. Роджер стал свиньей, хрюкнул, напал на Джека, тот увернулся. Охотники схватили копья, те, кто жарили, — свои вертела, остальные — обгорелые головни. И вот уже все кружили, пели. Роджер исполнял ужас свиньи, малыши прыгали

вокруг участников представленья. Небо нависало такой жутью, что Хрюше и Ральфу захотелось влиться в эту обезумевшую компанию. Хотя бы дотронуться до коричневых спин, замыкающих в кольцо, укрощающих ужас.

— Зверя бей! Глотку режь! Выпусти кровь!

Кружение стало ритмичным, взбудораженное пенье остыло, билось ровным пульсом. Роджер был уже не свинья, он был охотник, и середина круга зияла пусто. Кто-то из малышей затеял собственный круг; и пошли круги, круги, будто это множество само по себе способно спасти и выручить. И был слаженный топот, биенье единого организма.

Мутное небо вспорол бело-голубой шрам. И тут же хлестнул грохот — как гигантским бичом. Пенье исходило предсмертным ужасом:

— Зверя — бей! Глотку — режь! Выпусти — кровь!

Из ужаса рождалось желание — жадное, липкое, слепое.

— Зверя — бей! Глотку — режь! Выпусти — кровь!

Снова вызмеился наверху бело-голубой шрам и грянул желтый взрыв. Малыши, визжа, неслись с опушки, один, не помня себя, проломил кольцо

старших:

— Это он! Он!

Круг стал подковой. Из лесу ползло что-то Неясное, темное. Впереди зверя катился надсадный вопль.

Зверь ввалился, почти упал в центр подковы.

— Зверя бей! Глотку режь! Выпусти кровь!

Голубой шрам уже не сходил с неба, грохот был непереносим. Саймон кричал что-то про мертвое тело на горе.

— Зверя — бей! Глотку — режь! Выпусти — кровь! Зверя — прикончь!

Палки стукнули, подкова, хрустнув, снова сомкнулась вопящим кругом. Зверь стоял на коленях в центре круга, зверь закрывал лицо руками. Пытаясь перекрыть дерущий омерзительный шум, зверь кричал что-то насчет мертвеца на горе. Вот зверь пробился, вырвался за круг и рухнул с крутого края скалы на песок, к воде. Толпа хлынула за ним, стекла со скалы, на зверя налетели, его били, кусали, рвали. Слов не было, и не было других движений — только рвущие когти и зубы.

Потом тучи разверзлись, и водопадом обрушился дождь. Вода неслась с вершины, срывала листья и ветки с деревьев, холодным душем стегала

бьющуюся в песке груду. Потом груда распалась, и от нее отделились ковыляющие фигурки. Только зверь остался лежать — в нескольких ярдах от моря. Даже сквозь стену дождя стало видно, какой же он маленький, этот зверь; а на песке уже расплывались кровавые пятна.

Тут сильный ветер подсек дождевые плети, погнал на лес, и деревья утонули в каскадах. На вершине горы парашют вздулся, стронулся с места; тот, кто сидел на горе, скользнул, поднялся на ноги, закружился, закачался в отсырелом просторе и, нелепо загребая мотающимися ногами по высоким верхушкам деревьев, двинулся вниз, вниз, вниз, и на берег, и мальчики, голося, разбежались во тьме. Парашют потащил тело и, вспахав воды лагуны, швырнул через риф, в открытое море.

К полуночи дождь перестал, тучи унесло, и снова зажглись в небе немыслимые блестки звезд. Потом ветер улегся, и стало тихо, только капли стучали, шуршали по расселинам и плюхались, скатываясь с листка на листок в темную землю острова. Воздух был прохладный, сырой и ясный; скоро угомонилась и вода. Зверь лежал комочком на бледном песке, а пятна расплывались и расплывались.

Край лагуны стал полосой свечения, и, пока нарастал прилив, она наползала на берег. В ясной воде отражалось ясное небо и яркие угольники созвездий. Черта свечения взбухала, набегая на песчинки и гальку, и, на мгновенье дрогнув упругой рябью, тотчас глотала их неслышным глотком и продвигалась на берег дальше.

Наползающая на отмели ясность вод по кромке кишела странными лучистыми созданиями с горящими глазами. То и дело окатыш побольше, вдруг выделясь из множеств, одевался жемчужным ворсом. Прилив ровнял взрытый ливнем песок, все покрывая блестящей полудой. Вот вода коснулась первого пятна, натекшего из разбитого тела, и созданья бьющейся световой каймой собрались по краю. Вода двинулась дальше и одела жесткие космы Саймона светом. Высеребрился овал лица, и мрамором статуи засверкало плечо. Странно бдящие существа с горящими глазами и дымными шлейфами суетились вокруг головы. Тело чуть-чуть поднялось на песке, изо рта, влажно хлопнув, вылетел пузырек воздуха. Потом тело мягко качнулось и сползло в воду.

Где-то за темным краем мира были луна и солнце; силой их притяжения водная пленка слегка взбухала над одним боком земной планеты,

покуда та вращалась в пространстве. Большой прилив надвинулся дальше на остров, и вода еще поднялась. Медленно, в бахромке любопытных блестящих существ, само — серебряный очерк под взглядом вечных созвездий, мертвое тело Саймона поплыло в открытое море.

Глава десятая
Раковина и очки

Хрюша внимательно вглядывался в того, кто подходил. Сейчас ему часто казалось, что видно лучше, если переставить стеклышко к другому глазу; но и без этого Ральфа, даже после всего случившегося, он бы ни с кем не спутал. Он шел от кокосовых пальм, грязный, прихрамывая, и сухие листья застряли в желтых спутанных волосах. Один глаз глядел щелочкой из вспухшей щеки, и на правой коленке был большой струп. Он на мгновенье застыл, вглядываясь в стоящего на площадке.

— Хрюша? Ты один?

— Еще малыши кое-кто.

— Эти не в счет. Старших нет?

— Ах да... Эрикисэм. Топливо собирают.

— Больше никого?

— Вроде нет.

Ральф осторожно влез на площадку. На месте прежних собраний была еще примята трава; хрупкий белый рог еще мерцал на отполированном сиденье. Ральф сел на траву лицом к рогу и к

месту главного. Хрюша опустился на колени слева от него, и целую долгую минуту оба молчали.

Наконец Ральф откашлялся и что-то шепнул.

Хрюша спросил, тоже шепотом:

— Ты чего?

Ральф сказал вслух:

— Саймон.

Хрюша ничего не сказал, только мрачно кивнул. Оба смотрели на место главного, на сверкающую лагуну, и все расплывалось у них перед глазами. По грязным телам прыгал зеленый свет и блестящие зайчики.

Наконец Ральф встал и направился к рогу. Он ласково обхватил раковину и, став на колени, привалился к лежащему стволу.

— Хрюша.

— А?

— Что же делать?

Хрюша кивком показал на рог.

— Ты бы…

— Созвал собрание?

Сказав это, Ральф едко засмеялся, и Хрюша насупился.

— Все равно ты же главный.

Ральф засмеялся снова.

— Ну да. Над нами-то ты же главный.

— У меня рог!..

— Ральф! Хватит тебе смеяться! Не надо так! Слышь? Ральф! Ну что другие подумают?

Наконец Ральф перестал смеяться. Он весь дрожал.

— Хрюша.

— А?

— Это был Саймон.

— Ты уже сказал.

— Хрюша.

— А?

— Это было убийство.

— Хватит тебе! — взвизгнул Хрюша. — Ну чего, зачем, какой толк это говорить?

Он вскочил на ноги, наклонился над Ральфом:

— Было темно. И был этот, ну, танец треклятый. И молния была, гром, дождь. Мы перепугались.

— Я не перепугался, — медленно выговорил Ральф. — Я… я даже не знаю, что со мной было.

— Перепугались мы! — горячо заспешил Хрюша. — Мало ли что могло случиться. И это совсем не… то, что ты сказал.

Он махал руками, подыскивая определение.

— Ох, Хрюша!

У Ральфа был такой голос, хриплый, убитый, что Хрюша сразу перестал махать. Он наклонился

к Ральфу и ждал. Ральф, обнимая рог, раскачивался из стороны в сторону.

— Неужели ты не понимаешь, Хрюша? Что мы сделали…

— А вдруг он еще…

— Нет.

— Может, притворился просто…

Хрюша взглянул в лицо Ральфу и осекся.

— Ты стоял рядом. Ты не входил в круг. Ты в стороне стоял. Но разве ты не видел, — нет? — что мы… что они сделали?

В голосе было отвращенье, тоска, но он и дрожал от напряжения:

— Ты не видел, Хрюша?

— Не очень я видел. Я ж одноглазый теперь. Пора бы запомнить, Ральф.

Ральф все раскачивался из стороны в сторону.

— Это несчастный случай, — вдруг выпалил Хрюша. — Вот это что. Несчастный случай. — Голос Хрюши снова сорвался на визг. — И чего он вылез в такую темь? Зачем ему было из темноты выползать? Чокнутый. Сам нарывался. — Хрюша снова отчаянно замахал руками. — Несчастный случай…

— Ты не видел, что они сделали…

— Слышь-ка, Ральф. Нам надо про это поза-

быть. Нельзя нам, не для чего нам про это думать, понял?

— Я боюсь. Я нас самих боюсь. Я хочу домой. Господи, как я хочу домой.

— Это несчастный случай, — упрямо твердил Хрюша. — Вот и все.

Он взял Ральфа за голое плечо, и Ральф вздрогнул от человеческого прикосновения.

— И слышь-ка, Ральф, — Хрюша быстро оглянулся и наклонился к Ральфу, — ты и виду не показывай, что мы тоже там были, когда этот танец. Ты Эрикисэму не говори.

— Но были же мы! Мы все!

Хрюша покачал головой:

— Мы-то не до конца. Да они ж в темноте и не разглядели. Ты вот сам сказал — я в круг не входил…

— И я, — бормотнул Ральф, — я тоже рядом стоял.

Хрюша кивнул облегченно:

— Правильно. Мы рядом стояли. Мы ничего не делали, мы ничего не видели.

Хрюша помолчал, потом заговорил снова:

— Ничего, вчетвером будем жить. Во как заживем.

— Ну да, вчетвером. Мы за костром следить не

сможем.

— А мы попробуем. Видишь? Я зажег.

Близнецы вышли из лесу, волоча большое бревно. Бросили его у костра и повернули к бухте. Ральф вскочил на ноги.

— Эй, вы! Оба!

Близнецы на секунду застыли, потом опять пошли.

— Ральф, они же купаться идут.

— Лучше сразу с этим покончить.

Близнецы страшно удивились, заметив Ральфа. Вспыхнули и посмотрели куда-то мимо.

— Привет. И ты тут, Ральф?..

— А мы в лесу были…

— Дрова собирали. -…для костра…

— Мы вчера заблудились.

Ральф пристально разглядывал свои ноги.

— Вы заблудились уже после…

Хрюша чистил стеклышко.

— После пира, — глухо выдавил Сэм. Эрик кивнул. — Да, уже после пира…

— Мы рано ушли, — быстро вставил Хрюша. — Мы устали.

— Мы тоже…

— Совсем рано…

— Мы очень устали.

Сэм тронул ссадину у себя на лбу и тут же отдернул руку. Эрик теребил разбитую губу.

— Да. Мы очень устали, — повторил Сэм. — Вот мы рано и ушли. Ну, а как…

В воздухе тяжко повисло несказанное. Сэм поморщился, и у него с губ сорвалось это пакостное слово: -…танец?

От воспоминания о танце, при котором ни один из них не присутствовал, затрясло всех четверых.

— Мы рано ушли.

Дойдя до перешейка, связывавшего Замок с островом, Роджер не удивился, когда его окликнули. Во время страшной ночи он так и прикидывал, что большая часть племени спасется в этом надежном месте от ужасов острова.

Голос раскатился в вышине, там, где громоздились друг на друга уменьшающиеся глыбы.

— Стой! Кто идет!

— Роджер.

— Подойди друг.

Роджер подошел.

— А сам-то ты не видишь, кто идет?

— Вождь приказал всех окликать.

Роджер запрокинул голову.

— Ну, все равно, как бы ты меня не подпустил?

— Как! Залезай да посмотри.

Роджер взобрался по подобию ступенек.

— Взгляни-ка. Ну? Что?

На самом верху под камень было втиснуто бревно, а под ним пристроено другое — рычаг. Роберт слегка нажал на рычаг, и глыба застонала. Если налечь как следует, глыба загремела бы на перешеек. Роджер отдал изобретению должное:

— Вот это Вождь, да?

Роберт качнул головой:

— Он нас охотиться поведет.

Он кивнул в сторону далеких шалашей, где взбиралась по небу белая струйка дыма. Роджер мрачно озирал остров, сидя на самом краю стены и трогая пальцем шатающийся зуб. Взгляд его приковался к вершине горы, и Роберт увел разговор от неназванной темы.

— Он Уилфреда будет бить.

— За что?

Роберт повел плечами:

— Не знаю. Он не сказал. Рассердился и приказал связать Уилфреда. И он… — Роберт нервно хихикнул, — и он долго-долго уже связанный ждет…

— И Вождь не объяснил за что?

— Я лично не слышал.

Сидя на грозной скале под палящим солнцем, Роджер принял эту новость как откровение. Он перестал возиться с зубом и замер, прикидывая возможности неограниченной власти. Потом, не говоря больше ни слова, полез вниз, к пещере и к племени.

Вождь сидел там, голый до пояса, и лицо было размалевано белым и красным. Племя полукругом лежало перед ним. Побитый и высвобожденный Уилфред шумно хлюпал на заднем плане. Роджер присел на корточки рядом с остальными. -…завтра, — продолжал Вождь, — мы снова отправимся на охоту.

Он потыкал в дикарей — по очереди — копьем.

— Кое-кто останется тут, приводить в порядок пещеру и защищать ворота. Я возьму с собой нескольких охотников и принесу вам мяса. Стражники должны следить за тем, чтобы сюда никто не пробрался…

Кто-то из дикарей поднял руку, и Вождь обратил к нему выкрашенно-мертвенное лицо.

— Вождь, а зачем они станут к нам пробираться?

И Вождь отвечал вдумчиво и туманно:

— Они станут. Чтоб нам вредить. И потому, стражники, будьте начеку. И потом ведь…

Вождь запнулся. Поразительно розовый треугольник мелькнул, мазнул по губам и тотчас исчез. -…и потом, зверь тоже может прийти. Помните, как он подкрался…

По полукругу прошла дрожь и утвердительный гул.

— Он пришел под чужой личиной. И может явиться опять, хоть мы оставили ему голову от нашей добычи. Так что глядите в оба. Будьте начеку.

Стенли отнял локоть от скалы и поднял вопрошающий палец.

— Что тебе?

— Но разве мы… разве…

Он съежился и потупился.

— Нет!

Дикари затихли, каждый боролся с собственной памятью.

— Нет! Как мы могли… убить… его?

Успокоенные, но и устрашенные возможностью новых ужасов, дикари загудели опять.

— Итак, от горы подальше, — строго произнес Вождь, — и оставлять ему голову, когда свинью убиваешь.

Стенли опять вздернул палец:

— Я думаю, зверь принимает личины.

— Возможно, — сказал Вождь. Тут открывался уже путь к богословским прениям. — В общем, с ним надо поосторожней. Мало ли что он еще выкинет.

Племя призадумалось и содрогнулось, как от порыва ветра. Довольный произведенным эффектом, Вождь рывком встал.

— Но завтра — охотиться, и, когда у нас будет мясо, закатим пир.

Билл поднял руку:

— Вождь!

— Да?

— Чем мы огонь для костра добудем?

Краску, хлынувшую Вождю в лицо, скрыла белая и красная глина. Снова племя выплеснуло гул голосов в растерянную тишину. И тогда Вождь поднял руку:

— Огонь мы возьмем у тех. Слушайте все. Завтра мы идем на охоту. У нас будет мясо. А сегодня я и двое охотников… кто со мной?

Руки подняли Морис и Роджер.

— Морис…

— Слушаю, Вождь?

— Где у них костер?

— На старом месте, у скалы.

Вождь кивнул.

— Остальным — ложиться спать, как только сядет солнце. А нам втроем, Морису, мне и Роджеру, придется поработать. Выходим перед самым закатом…

Морис поднял руку:

— А вдруг мы встретим…

Взмахом руки Вождь отмел это возраженье:

— Мы пойдем вдоль берега по песку. Так что если он явится, мы опять… опять станцуем наш танец.

— Это втроем-то?

Снова поднялся и замер гул.

Хрюша отдал очки Ральфу, и теперь он ждал, когда ему вернут зрение. Дрова были сырые; они уже в третий раз пытались их зажечь. Ральф встал и буркнул себе под нос:

— Нельзя вторую ночь без костра.

Он виновато оглянулся на троих стоящих рядом мальчиков. Впервые он признал двойную роль костра. Конечно, первая его роль — слать вверх призывный столбик дыма; но он еще и очаг и согревает ночью. Эрик дул на дерево, пока оно не занялось и не загорелось. Поднялся бело-желтый вал дыма. Хрюша снова надел очки и, довольный, смотрел на костер.

— Хорошо бы радио сделать!

— Или самолет бы… -…или лодку.

Ральф поворошил в памяти блекнувшие представленья о мире.

— Мы бы в плен к красным могли попасть.

Эрик откинул волосы со лба.

— Лучше бы уж они, чем…

Переходить на личности он не стал, и Сэм кончил за него фразу, кивнув вдоль берега.

Ральф вспомнил нелепо мотающееся под парашютом тело.

— Он же что-то насчет мертвеца говорил… — И страшно покраснел, выдав, что присутствовал на том танце. Он весь подался к костру:

— Нет-нет! Только не гасни!

— Совсем стал жидкий.

— Еще дерево нужно, хоть и сырое.

— У меня астма…

И — неизбежный ответ:

— Слыхали про твою какассыму.

— Если я бревна опять стану таскать, меня астма схватит. Я сам не рад, Ральф, но тут куда же денешься?

Втроем пошли в лес, принесли охапки гнилых сучьев. Снова поднялся густой желтый дым.

— Давайте поедим чего-нибудь.

Все вместе пошли к фруктовым деревьям, за-

хватив с собой копья, и торопливо, молча, долго набивали животы. Солнце уже садилось, когда они вышли из лесу, и только угли дотлевали в золе, и дыма не было.

— Я больше не могу ветки таскать, — сказал Эрик. — Я устал.

Ральф откашлялся:

— Наверху костер у нас все время горел.

— Так тот маленький был. А здесь большой нужно.

Ральф подкинул в костер щепочку и проводил взглядом качнувшуюся в сумерках струю.

— Надо, чтоб он горел.

Эрик растянулся плашмя.

— Нет, я совсем устал. Да и какой смысл?

— Эрик! — выкрикнул Ральф. — Ты не смей так говорить!

Сэм встал на колени с Эриком рядом:

— Точно. Ну, какой, какой смысл?

Ральф, негодуя, старался вспомнить. С костром было связано что-то хорошее. Что-то потрясающе важное…

— Ральф вам уже сто раз говорил, — проворчал Хрюша. — Как же вы еще хочете, чтоб нас спасли?

— Именно! Если у нас не будет дыма…

И он сел перед ними на корточки в загустевших сумерках.

— Неужели вы не понимаете? Что толку мечтать о лодках, о радио?

Он вытянул руку, сжал кулак.

— У нас только один способ отсюда выбраться. Кто-то там пусть играет в охоту, пусть добывает мясо…

Он переводил взгляд с одного лица на другое. Но в минуту наивысшего подъема и убежденности вдруг этот занавес заколыхался у него в голове, и сразу он совершенно сбился. Он стоял на коленях, сжимал кулак, важно переводил взгляд с одного лица на другое… Наконец занавес снова взвился.

— Ах, ну да. А наше, значит, дело — дым. И чтоб побольше дыма…

— Но не получается же у нас! Смотри!

Костер догорал.

— По двое — следить за костром, — бормотал про себя Ральф. — Это выходит по двенадцати часов в сутки…

— Ральф, мы больше не можем таскать дрова…

— Темно же…

— Ночь же…

— Мы можем его зажигать каждое утро, — сказал Хрюша. — В темноте дым никто никогда не

увидит.

Сэм убежденно затряс головой.

— Другое дело, когда костер был…

— Наверху.

Ральф встал, чувствуя странную беззащитность перед давящей тьмой.

— Ладно. Пусть ночью не горит.

Он пошел к первому шалашу, который еще стоял, хоть и шатался. Груды листьев лежали тут, сухие и шумные на ощупь. В соседнем шалаше малыш говорил со сна. Четверо старших залезли в шалаш и зарылись в листья. Близнецы легли рядышком, Ральф с Хрюшей — в другом углу. Листья долго шуршали, скрипели, пока они устраивались на ночлег.

— Хрюш.

— Ты как — ничего?

— Да ничего вроде.

Наконец — только изредка шорох и хруст — в шалаше стало тихо. За низким входом висела утыканная звездами чернота, и с полым гулом набегали на риф волны. Ральф, как всегда по ночам, стал играть в «вот если бы…» Вот если бы их отправили домой на реактивном, они бы уже к утру были на том большом аэродроме в Уилтшире. Потом поехали бы на машине. Нет, для

полного счастья лучше на поезде. И прямо бы до Девона. И опять бы в тот дом. И дикие пони опять подходили б к забору и заглядывали бы в сад…

Ральф беспокойно завертелся под листьями. В Дартмуре вообще дико, вот и дикие пони. Дикость его больше не привлекала.

Мечты повернулись к обузданной приручённости города, где нет места дикарству. Что может быть безопасней автобусной станции, там колеса, там фонари… Уже Ральф танцевал вокруг фонаря, и автобус полз от стоянки — странный автобус…

— Ральф! Ральф!

— А? Что?

— Ты не надо так шуметь.

— Извини.

Тьму в дальнем углу прорезал ужасный стон, и их затрясло под листьями. Сэм и Эрик дрались, вцепившись друг в дружку.

— Сэм! Сэм!

— Эй! Эрик!

И снова все успокоилось.

Хрюша тихонько сказал:

— Нам пора мотать отсюдова.

— Ты про что это?

— Чтоб нас спасли.

Впервые за день и, несмотря на давящую тьму,

Ральф прыснул.

— Нет, правда, — шептал Хрюша. — Если нас скоро не спасут, то все — мы свихнемся. -…и будем немного того. -…психи ненормальные! -…шизики!

Ральф сдунул с лица взмокшую прядку.

— А ты тете своей напиши.

Хрюша всерьез призадумался:

— Я не знаю, где она теперь. И у меня конверта нету. И марки. И здесь почтового ящика нету. И почтальона.

Ральф не ожидал от своей шутки такого успеха. Он давился смехом, он весь дергался, трясся.

Хрюша с достоинством укорял:

— Я ничего не сказал такого ужасно смешного.

Ральф хихикал, ему уже стало невмоготу. Он мучился и, сокрушенно, задыхаясь, лежал и ждал, когда на него опять нападет смех. Во время одной из таких пауз его подстерег сон.

— Ральф! Опять ты шумишь. Ты лучше тихо, а, Ральф, а то…

Ральф приподнялся и сел. Он был благодарен прервавшему его сон Хрюше, потому что автобус приблизился и стал уже виден ясней.

— Что — а то?

— Тш-ш. Слушай.

Ральф улегся, осторожно, под долгие вздохи листвы. Эрик простонал что-то и успокоился. Тьма, кроме глупой полоски звезд, была плотная, как войлок.

— Я ничего не слышу.

— Там снаружи шевелится что-то.

Ральфу сжало виски. Шум крови в ушах утопил все звуки, потом затих.

— Нет, ничего не слышу.

— А ты слушай. Ты подольше послушай.

Ясно, отчетливо и в двух шагах от шалаша хрустнул сучок. Снова кровь загремела в ушах у Ральфа, в мозгу замелькали смутные, смешанные образы. Их совокупность осаждала шалаш. Хрюшина голова ткнулась ему в плечо, рука стиснула его руку.

— Ральф! Ральф!

— Тихо ты. Слушай.

Ральф взмолился в отчаянье, чтобы зверь предпочел малышей. Страшный шепот шипел у входа:

— Хрюша… Хрюша…

— Пришел! — задохнулся Хрюша. — Он вправду есть!

Он глотал воздух и жался к Ральфу.

— Хрюша, выходи. Ты нужен мне, Хрюша.

Губы Ральфа были у самого Хрюшиного уха:

— Молчи.

— Хрюша, Хрюша, где ты, Хрюша?

Что-то прошуршало в тылу шалаша. Хрюша на мгновенье замер. И у него началась его астма. Он весь выгнулся, забил ногами по листьям. Ральф откатился от него.

Потом был страшный рев у входа. Плюхнулось, бухнулось живое что-то. Кто-то споткнулся об Ральфа, перелетел через него. В Хрюшином углу все смешалось — рев, хруст, мельканье рук, ног. Ральф наугад колотил кулаками во тьме; потом он и еще кто-то, человек, кажется, десять, катались, катались по листьям, били, кусались, царапались. Его трясли, рвали, кто-то сунул пальцы ему в рот, он укусил эти пальцы. Рука отдернулась и тут же, как поршень, ударил кулак, и шалаш затрясся, посыпались искры. Ральф отпрянул, попал на корчащееся тело, ему горячо дохнули в щеку. Он колотил, молотил кулаком по горячо дышавшему рту. Он распалялся, он колотил, бил, а лицо под кулаком уже сделалось скользкое. Потом между ног ему всунулась коленка, и он упал, он все забыл от боли, а через него уже валились сцепившиеся тела. Шалаш рухнул, бесповоротно завершая сраженье. Неизвестные заметались,

темными тенями выскользнули из развалин и унеслись прочь, и тогда стал слышен вой малышей и свистящий хрип Хрюши.

Ральф кричал срывающимся голосом:

— Малыши! Идите все спать! Это мы дрались с теми, а теперь — спать.

Близнецы подошли вплотную и разглядывали Ральфа.

— Вы оба как — в порядке?

— Вроде…

— А мне попало.

— И мне. А как же Хрюша?

Они выволокли Хрюшу из-под веток и прислонили спиной к дереву. В ночи была прохлада и облегченье после недавнего ужаса. И Хрюша дышал уже легче.

— Хрюша, тебя не покалечило?

— Да нет…

— Это Джек со своими охотниками, — сказал Ральф горько. — И чего им от нас еще надо?

— Зато мы им всыпали по первое число, — сказал Сэм. Честность вынуждала его продолжить. — Ну, то есть вы, конечно. Я в углу у себя как-то застрял.

— Да, я одного как следует сделал, — сказал Ральф. — Раскрасил его что надо. Теперь подума-

ет, прежде чем снова к нам сунуться.

— И я, — сказал Эрик. — Я спал, а он меня ка-ак саданет по морде. Ральф, у меня, наверное, все лицо в крови? Но я ему тоже хорошо дал.

— А ты его как?

— Коленкой, — бесхитростно хвастал Эрик, — ка-ак двину между ног. Ох, он орал! Ты б послушал. Так что мы их неплохо отделали.

Вдруг Ральф шелохнулся во тьме. Но потом услышал, как Эрик что-то делает пальцем во рту.

— Ты чего?

— Да так. Зуб шатается просто.

Хрюша подтянул ноги.

— Ты уже ничего, Хрюш?

— Я-то думал, они за рогом пришли.

Ральф затрусил по бледному берегу и вспрыгнул на площадку. На сиденье главного мирно мерцал рог. Ральф постоял, посмотрел и вернулся к Хрюше.

— Рог они оставили.

— Я знаю. Они не за рогом приходили. Они за другим. Ральф! Что же мне делать?

Уже в отдаленье, по береговой луке, трое трусили в сторону замка. Они держались ближе к воде, от леса подальше. То вдруг принимались тихонько петь, то вдруг кувыркались колесом

вдоль светящейся кромки. Вождь ровно трусил впереди, наслаждаясь победой; он был теперь настоящий вождь; и он на бегу пронзал воздух копьем. В левой руке у него болтались Хрюшины разбитые очки.

Глава одиннадцатая
Замок

В недолгой рассветной прохладе все четверо собрались возле черного пятна, на месте костра, и Ральф стоял на коленках и дул на золу. Серый, перистый пепел взлетал от его стараний, но не появлялось ни искорки. Близнецы смотрели тревожно, Хрюша с отрешенным лицом сидел за блестящей стеною своей близорукости. Ральф дул, пока у него не зазвенело в ушах от натуги, но вот первый утренний бриз, отбив у него работу, засыпал ему глаза пеплом. Ральф отпрянул, выругался, вытер слезы.

— Все без толку.

Эрик смотрел на него сверху вниз из-под маски запекшейся крови. Хрюша повернул в сторону Ральфа пустой взгляд:

— Конечно, без толку, Ральф. Мы без огня теперь.

Ральф придвинул лицо поближе к Хрюшиному:

— Ну, а так-то ты меня видишь?

— Чуть-чуть.

Глаз Ральфа снова спрятался за вздутой щекой.

— Они, отобрали у нас огонь…

Его голос сорвался от бешенства:

— Украли!

— Вот они какие, — сказал Хрюша. — Я из-за них слепой. Понимаешь? Вот он, Джек Меридью. Ты созови собрание, Ральф, нам надо решить, что делать.

— Самих себя созывать?

— Раз больше нет никого. Сэм, дай-ка я за тебя ухвачусь.

Они пошли к площадке.

— Ты протруби в рог, — сказал Хрюша. — Ты изо всех сил протруби.

В лесу зашлось эхо. Взмыли птицы, голося над верхушками, как в то давнее-давнее первое утро. Берег по обе стороны площадки был пуст. Несколько малышей шли от укрытий. Ральф сел на отполированный ствол, трое стали рядом. Он кивнул, Эрик и Сэм сели справа. Ральф сунул рог в руки Хрюше. Хрюша стоял и моргал, бережно держа сверкающую раковину.

— Ну, что же ты — говори.

— Я только одно хочу сказать. Я теперь ничего не вижу, и пускай мне отдадут мои очки. На нашем острове ужасные вещи делаются. Я за тебя

голосовал, Ральф, я тебя выбирал главным. Ну а он, он все это делает. Так что ты выступи, Ральф, и чего-нибудь нам скажи. А то…

Хрюша оборвал свою речь и всхлипнул. Он сел, и Ральф взял у него рог.

— Обыкновенный костер. Неужели так это трудно? Правда же? Просто сигнал, чтобы нас спасли. Мы что — дикари или кто мы?! И вот теперь нет сигнала. Мимо может пройти корабль. Помните, он тогда на охоту ушел и костер погас, а мимо прошел корабль? И они еще думают, он настоящий вождь. Ну, а потом, потом было… И это ведь тоже из-за него. Не он бы — никогда бы этого не было. А теперь вот Хрюша не видит ничего, приходят, крадут… — У Ральфа дрожал голос. - …Ночью пришли, в темноте, и украли у нас огонь. Взяли и украли. Мы бы и так им дали огня, если б они попросили. А они украли, и теперь сигнала нет, и нас никогда не спасут. Понимаете? Мы бы сами им дали огня, а они взяли и украли. Я…

Он неловко запнулся. Мысли опять застилал этот занавес. Хрюша вытягивал руки за рогом.

— Ральф, что ты делать-то будешь? Это все слова одни, а ведь надо решать. Я не могу без очок.

— Дай подумать. Может, пойти к ним, как мы раньше были — причесаться, помыться? Мы

же правда не дикари и насчет спасенья не игра какая-то…

Он прижал пальцем вспухшую щеку и глянул на близнецов.

— Немножко приведем себя в порядок и двинемся…

— Копья возьмем, — сказал Сэм. — И Хрюша пусть тоже.

— Ага. Вдруг пригодятся.

— Рог не у тебя!

Хрюша поднял раковину.

— Если хочете, можете копья брать, а я не буду! Что за радость? Меня все равно как собаку придется вести. Ладно, посмейтесь. Очень смешно. То-то тут все время смеются. А что выходит? Что взрослые скажут? Саймона — убили. А того малыша, с отметиной… Видел его кто? Хоть раз с тех пор, когда…

— Хрюша! Минуточку!..

— У меня рог. Нет, я лично пойду прямо к Джеку Меридью и все ему выложу.

— Тебе не поздоровится.

— Да что он мне еще-то, теперь-то уж сделает? Я скажу ему, что к чему. Я понесу рог, можно, а, Ральф? Я покажу ему кое-что, чего ему не хватает.

Хрюша умолк, переждал мгновенье, оглядел неясные пятна лиц. Тень былых вытоптавших траву собраний прислушивалась к его речи.

— Я пойду к нему с рогом в руках. Я подниму рог. Я скажу ему — так, мол, и так, скажу, ты, конечно, сильней меня, у тебя нету астмы. И ты видишь прекрасно, скажу, ты обоими глазами видишь. Но я у тебя не прошу мои очки, я у тебя их не клянчу. И я не стану тебя упрашивать, мол, будь человеком. Потому что неважно, сильный ты или нет, а честность есть честность! Так что отдавай мне мои очки, скажу, ты обязан отдать!

Хрюша закончил. Он был весь красный и дрожал. Сунул рог Ральфу, будто хотел поскорей от него отделаться, и вытер слезы. Тихий зеленый свет обливал их, рог лежал у Ральфа в ногах, белый и хрупкий. Единственная капелька, протекшая между Хрюшиных пальцев, звездой горела на сияющем выгибе.

Ральф наконец выпрямился и откинул волосы со лба.

— Ладно. То есть попробуй, если хочешь. Мы тоже пойдем.

— Он же раскрашенный будет, — сомневался Сэм. — Знаете сами, какой он будет…

— Не очень-то он нас испугался…

— Если он взбесится, мы не обрадуемся…

Ральф хмуро глянул на Сэма. Ему смутно вспоминалось что-то, что Саймон говорил тогда, среди скал.

— Глупостей не болтай, — сказал он. И тут же прибавил:

— Значит, мы идем.

Он протянул рог Хрюше, и тот вспыхнул, на сей раз от гордости.

— На, ты понесешь.

— Когда мы выступим, я его понесу… — Хрюша искал еще слов, чтоб выразить свою пламенную готовность стойко пронести рог через все невзгоды и трудности. -…Я с удовольствием, Ральф. Хоть меня самого же вести придется.

Ральф снова положил рог на блестящий ствол.

— Сначала надо поесть, а уж потом отправимся.

Они пошли к разоренным фруктовым деревьям. Хрюше помогли добраться до еды, и он искал ее ощупью. Пока ели, Ральф обдумывал план.

— Пойдем, как мы раньше были. Помоемся…

Сэм заглотал сочную мякоть и воспротивился.

— Мы же купаемся каждый день!

Ральф оглядел троих — чумазых, жалких, вздохнул:

— Надо бы волосы причесать. Только уж очень они у нас длинные.

— У меня в шалаше гольфы остались, — сказал Эрик. — Можно их на голову надеть, шапочки будут такие.

— Лучше чего-нибудь найдем, — сказал Хрюша, — и волосы вам сзади завяжем.

— Ну да, как у девчонок!

— Зачем? И вовсе не так.

— Ладно, пойдем как есть, — сказал Ральф. — Они тоже не лучше.

Эрик вытянул руку, преграждая им путь.

— Они же раскрашены будут. Сами знаете…

Все закивали. Они хорошо понимали, какое чувство дикости и свободы дарила защитная краска.

— Ну и что? А мы не будем раскрашены, — сказал Ральф. — Потому что мы-то не дикари.

Близнецы переглянулись.

— А все-таки, может…

Ральф крикнул:

— Никакой краски!..

И опять он умолк, ловя ускользающую мысль.

— Дым, — сказал он. — Нам нужен дым…

Он яростно глянул на близнецов:

— Дым, я говорю. Нам нельзя без дыма!..

Было тихо, и только ныли надсадно пчелы. Потом Хрюша осторожно заговорил.

— Ну да. Дым ведь — сигнал, и без дыма нас никогда не спасут.

— Сам знаю! — крикнул Ральф. — Он отдернул руку от Хрюши. — То же, по-твоему, я…

— Просто я сказал, чего ты всегда говоришь, — заторопился Хрюша. — Просто мне вдруг показалось…

— Ничего подобного, — громко сказал Ральф. — Я все время помню. Я не забыл…

Хрюша уже тряс головой, смиренно, увещевающе:

— Ты же у нас Вождь, Ральф. Ты же, конечно, все помнишь.

— Я не забыл.

— Ну конечно, нет.

Близнецы смотрели на Ральфа так, будто впервые его увидели.

Они отправились по берегу в боевом порядке. Первым шел Ральф, он прихрамывал и нес копье на плече. Он плохо видел из-за дымки, дрожащей над сверканьем песков, собственных длинных волос и вспухшей щеки. За ним шли близнецы, озабоченные, но не утратившие своей неисчерпаемой живости. Они говорили мало, но прилежно

волокли за собой копья, ибо Хрюша установил, что, опустив глаза, защитив их от солнца, он видит, как концы копий ползут по песку. И потому он ступал между копьями, бережно прижимая к груди рог. Тесная группка двигалась по песку, четыре сплющенные тени плясали и путались у них под ногами. От бури не осталось следа, берег блистал, как наточенное лезвие. Гора и небо сияли в жаре, в головокружительной дали; и приподнятый миражем риф плыл по серебряному пруду на полпути к небу.

Прошли мимо того места, где танцевало тогда племя. Обугленные головни все еще лежали на камнях, где их загасило дождем, но снова был гладок песок у воды. Здесь они прошли молча. Все четверо не сомневались, что племя окажется в Замке, и, когда Замок стал виден, не сговариваясь, остановились. Заросли, самые густые на всем острове, зеленые, черные, непроницаемые, были слева от них, и высокая трава качалась впереди. Ральф шагнул вперед.

Вот примятая трава, где они лежали тогда, когда он ходил к бастиону. Дальше был перешеек, а потом огибающий скалу выступ и красные башенки сверху.

Сэм тронул его за руку.

— Дым.

Дымное пятнышко дрожало в небе по ту сторону скалы.

— Ну конечно — у них костер…

Ральф обернулся.

— Чего это мы прячемся?

Он вышел из заслона травы на голое место перед перешейком.

— Вы двое пойдете сзади. Первым пойду я, потом прямо за мной Хрюша. Копья держите наготове.

Хрюша тревожно вглядывался в сверкающую пелену, отзанавесившую его от мира:

— Тут не опасно? Не обрыв? Я слышу море…

— Держись ко мне поближе.

Ральф ступил на перешеек. Пнул камень, и тот плеснулся в воде. Потом море вздохнуло, всасывая волну, и в сорока футах внизу, слева от Ральфа обнажился красный мшистый квадрат.

— А я не свалюсь? — мучился Хрюша. — Мне так жутко!

С высоты из-за башенок по ним вдруг ударил окрик, потом прогремел воинский клич, и дюжина голосов отозвалась на него из-за скалы.

— Давай сюда рог и не шевелись.

— Стой! Кто идет?

Ральф запрокинул голову и различил наверху темное лицо Роджера.

— Сам видишь, — крикнул Ральф. — Хватит тебе дурачиться!

Он поднес рог к губам и стал трубить. Дикари, раскрашенные до неузнаваемости, спускались по выступу на перешеек. В руках у них были копья, и они изготовлялись защищать подступы к бастиону. Ральф трубил, не обращая внимания на Хрюшин страх.

Роджер кричал:

— Не подходи, говорю! Слышишь?

Ральф, наконец, отнял рог ото рта. С трудом, но достаточно громко он выдохнул: -...Созываю собрание.

Охраняющие перешеек дикари перешептывались, но не трогались с места. Ральф прошел вперед еще два шага. Сзади шуршал заклинающий шепот:

— Не оставляй меня, Ральф.

— Ты стань на коленки, — бросил Ральф через плечо. — И жди, пока я вернусь.

Он остановился посреди перешейка и внимательно разглядывал дикарей. Непринужденные, вольные за своей краской, они позавязывали сзади волосы, и им было куда удобней, чем ему.

Ральф тут же решил, что потом непременно тоже так сделает. Он даже чуть не попросил их обождать, чтоб распорядиться со своими волосами, не сходя с места; но было не до того. Дикари хихикали, и один поманил Ральфа копьем. Высоко наверху Роджер отнял руки от рычага и тянул шею, засматривая вниз. Мальчики на перешейке, сведенные к трем косматым головам, тонули в луже собственной тени. Хрюша обвисал между ними круглым мешком.

— Я созываю собрание.

Ни звука.

Роджер взял камешек и запустил в близнецов, целясь мимо. Они отпрянули, Сэм чуть не свалился в воду. В теле Роджера уже бил темный источник силы.

Ральф снова сказал — громко.

— Я созываю собрание.

Он пробежал взглядом по дикарям:

— Где Джек?

Дикари переминались, советовались. Раскрашенное лицо сказало голосом Роберта:

— Он охотится. И он не велел нам тебя пускать.

— Я пришел к вам из-за огня, — сказал Ральф. — И насчет Хрюшиных очков.

Группка перед ним сомкнулась, и над ней задрожал смех, легкий, радостный смех, эхом отлетавший от высоких скал.

Позади Ральфа раздался голос:

— Тебе чего от нас надо?

Близнецы метнулись из-за спины Ральфа и встали перед ним. Он рывком повернулся. Джек, узнаваемый по рыжим волосам и повадке, шел из лесу. По бокам преданно трусили двое охотников. Все трое были размалеваны зеленой и черной краской. Позади них, на траве, осталась вспоротая и обезглавленная свиная туша.

Хрюша стонал:

— Не бросай меня! Ральф!

Он с потешной осторожностью обнял камень, прижимаясь к нему над опавшим морем. Дикари уже не хихикали, они выли от смеха.

Джек крикнул, перекрывая шум:

— Уходи, Ральф. Сиди уж на своем конце острова. А тут моя территория и мое племя. И отстань ты от меня!

Смех замер.

— Ты сцапал Хрюшины очки, — задохнулся Ральф. — Ты обязан их отдать.

— Обязан? Кто это сказал?

Ральфа взорвало:

— Я говорю! Ты сам голосовал за меня! Ты разве не слышал, как я трубил в рог? Постыдись! Это подлость! Мы б тебе дали огня, если б ты попросил…

Кровь ударила ему в лицо, и ужасно дергало вспухшее веко.

— Пожалуйста, мы бы тебе дали огня. Так нет же! Ты подкрался, как вор, и украл Хрюшины очки.

— А ну повтори!

— Вор! Вор!

Хрюша взвизгнул.

— Ральф! Меня пожалей!

Джек бросился к Ральфу, нацелился ему в грудь копьем. По мелькнувшей руке Джека Ральф сообразил направленье удара и отбил его своим древком. Потом перевернул копье и ткнул Джека острием возле уха. Они стояли лицом к лицу, задыхаясь, бешено глядя глаза в глаза.

— Кто это — вор?!

— Ты!

Джек извернулся и сделал новый выпад. Не сговариваясь, они теперь держали копья, как сабли, больше не решались пускать в ход смертоносные острия. Удар пришелся по копью Ральфа, потом обжег болью пальцы. Оба отпрянули и переме-

нили позицию, Джек теперь был ближе к Замку, Ральф — к острову.

Оба совершенно задыхались.

— Ну!

— Чего — ну?

Они свирепо изготовились, но соблюдали безопасное расстояние.

— Ну-ка сунься, попробуй!

— Сам попробуй!

Хрюша вцепился в камень и пытался привлечь внимание Ральфа. Ральф нагнулся к нему, не сводя взгляда с Джека.

— Ральф, вспомни, чего мы пришли. Костер. Мои очки.

Ральф кивнул. Он расслабился, распрямился, поставил копье. Джек непроницаемо смотрел на него из-под краски. Ральф смотрел на башенки, на сгрудившихся дикарей.

— Слушайте. Мы вот что пришли вам сказать. Отдавайте Хрюше очки — это раз. Он без них ничего не видит. Это не игра…

Племя раскрашенных дикарей захихикало, и у Ральфа запрыгали мысли. Он откинул назад волосы и вглядывался в черно-зеленую маску, стараясь вспомнить лицо Джека.

Хрюша шепнул.

— И костер.

— Ах да. И насчет костра. Еще раз повторю. Я это с первого дня повторяю.

Он вытянул копье в сторону дикарей.

— Наша единственная надежда — держать сигнал все время, пока светло. И тогда корабль заметит дым, подойдет сюда и нас спасет и возьмет нас домой. А без этого дыма нам придется ждать, вдруг корабль подойдет случайно. Так много лет можно прождать. Так состариться можно…

Смех дикарей, дрожащий, серебряный, ненастоящий, взметнулся и эхом повис вдали. Ральф уже не помнил себя от ярости. Непослушным, тоненьким голосом он закричал.

— Вы что, не соображаете, раскрашенные идиоты? Сэм, Эрик, Хрюша, да я — это же мало! Мы берегли костер, но мы же не можем. А вам бы все играть и охотиться…

Он показал мимо них, туда, где таяла в блеске дымная струйка.

— Смотрите! Это разве сигнал? Просто костер, чтоб на нем жарить. Поесть-то вы поедите, а дыма у вас не будет. Неужели еще неясно? Может, там уже где-то корабль идет…

Он умолк, сраженный молчаньем и неопознаваемостью раскрашенных дикарей, охраняющих

вход. Вождь раскрыл красный рот и обратился к близнецам, стоявшим между ним и его племенем:

— Вы, двое! А ну — назад!

Ему не ответили. Близнецы озадаченно переглядывались; Хрюша, ободренный тем, что кончилась драка, осторожно поднялся. Джек оглянулся на Ральфа, снова посмотрел на близнецов.

— Схватить их!

Никто не двигался. Джек заорал злобно:

— Сказано вам — схватить!

Раскрашенные суетливо, неловко окружили близнецов. Снова задрожал серебряный смех.

Сама цивилизация взывала возмущенными голосами Эрикисэма:

— Да вы что!..

— Как же можно!..

У них вырвали из рук копья.

— Связать!

Ральф безнадежно кричал в черно-зеленую маску:

— Джек!

— Я что сказал? Связать!

Раскрашенные уже чувствовали, что Эрикисэм не то что они сами, они уже чувствовали силу в своих руках. Неуклюже и рьяно они повалили

близнецов. Джек вдохновился. Он сообразил, что Ральф попытается прийти близнецам на выручку. Его копье описало вокруг Ральфа свистящую дугу. Ральф еле успел отбиться. Племя и близнецы бились рядом в громкой свалке. Хрюша опять скорчился. И вот удивленные близнецы уже лежали, а племя стояло вокруг. Джек повернулся к Ральфу, процедил:

— Видал? Они все сделают, что я захочу.

И — снова молчанье. Неумело связанные близнецы лежали, а племя выжидательно смотрело на Ральфа. Он посчитал их, глядя сквозь спутанные космы, скользнул глазами по негодному дымку.

И не выдержал. Он заорал на Джека:

— Ты — зверь! Свинья! Сволочь ты! Вор проклятый!

И бросился на него.

Джек понял, что настала решительная минута, и бросился навстречу. Они сшиблись, отлетели в разные стороны. Джек наотмашь ударил Ральфа кулаком в ухо, Ральф стукнул его в живот, Джек охнул. Они снова стояли лицом к лицу, яростно задыхаясь. Каждого обескураживала ярость противника. И тут только вошел им в уши шум, сопровождавший драку, дерущий, слитый, обод-

ряющий клич племени.

К Ральфу пробился голос Хрюши:

— Давай я им скажу.

Он вдруг поднялся в поднятой схваткой пыли, и, завидя его намерения, племя перешло на дружное улюлюканье.

Хрюша поднял рог, улюлюканье чуть стихло и снова грянуло — еще сильней.

— Рог у меня!

Хрюша орал:

— Сказано вам, рог у меня!

Как ни странно, настала тишина; племя приготовилось послушать, что такого забавного собирается преподнести Хрюша.

Тишина, запинка. И среди тишины — странный шум по воздуху у самой головы Ральфа. Он почти его не заметил, но вот — опять, легкое «ж-ж-ж!». Кто-то бросал камушки. Это Роджер их бросал, не снимая другой руки с рычага. Ральф был внизу косматой копной и Хрюша — мешком жира.

— Я вот что скажу. Вы ведете себя, как дети малые.

Снова улюлюканье взвилось и замерло, когда Хрюша поднял белую магическую раковину.

— Что лучше — быть бандой раскрашенных черномазых, как вы, или же быть разумными

людьми, как Ральф?

Дикари неистово загалдели. Хрюша снова орал:

— Что лучше — жить по правилам и дружно или же охотиться и убивать?

Снова галдеж и снова — «ж-ж-ж».

Ральф перекричал шум.

— Что лучше — закон и чтоб нас спасли или охотиться и погубить всем?

Джек уже тоже вопил, Ральфа никто не слышал. Джек отступил к племени. Они стояли грозной стеной, ощетинясь копьями. Они решались, готовились. Еще немного — и они бросятся очищать перешеек. Ральф стоял перед ними, посреди перешейка, чуть ближе к краю, копье наготове. Рядом стоял Хрюша, все еще поднимая талисман — хрупкую, сверкающую красавицу раковину. По ним сгущенной ненавистью ударял вой. Высоко наверху Роджер в исступленном забытьи всей тяжестью налегал на рычаг.

Ральф услышал огромный камень гораздо раньше, чем его увидел. Он почувствовал, как содрогнулась земля — толчок отдался в пятки, сверху с грохотом посыпались камни поменьше. Что-то красное, страшное запрыгало по перешейку, он бросился плашмя, дикари завизжали.

Камень прошелся по Хрюше с головы до колен; рог разлетелся на тысячу белых осколков и перестал существовать. Хрюша без слова, без звука полетел боком с обрыва, переворачиваясь, на лету. Камень дважды подпрыгнул и скрылся в лесу. Хрюша пролетел сорок футов и упал спиной на ту самую красную, квадратную глыбу в море. Голова раскроилась, и содержимое вывалилось и стало красным. Руки и ноги Хрюши немного подергались, как у свиньи, когда ее только убьют. Потом море снова медленно, тяжко вздохнуло, вскипело над глыбой белой розовой пеной; а когда оно снова отхлынуло, Хрюши уже не было.

Стояла мертвая тишина. Губы Ральфа сложили слово, но ничего не выговорилось.

Вдруг Джек отбежал от своих и завопил:

— Ну что? Видал? И тебя так! Так тебе и надо! Нет у тебя племени! Нет больше твоего рога!

Он, пригнувшись, бежал на Ральфа:

— Я Вождь!

Злобно, старательно целясь, он запустил в Ральфа копьем. Острие до мяса прорвало кожу у Ральфа на боку, потом отлетело, упало в воду. Ральф качнулся, боли он не чувствовал, только страх, а племя, взвыв за Вождем вслед, уже надвигалось. Другое копье, гнутое, оно летело не

прямо, а просвистело у самой его головы, и еще одно упало с высоты, где стоял Роджер. Близнецы лежали, скрытые за толпой, и безликие бесы запрудили перешеек. Ральф повернулся и побежал. Крик несся за ним, как крик перепуганных чаек. По инстинкту, которого он сам в себе не знал, Ральф петлял на открытом пространстве, и копья летели мимо. Он вовремя заметил обезглавленную свинью, перепрыгнул, с хрустом вломился в заросли и скрылся в чаще.

Вождь остановился возле свиньи, повернулся к племени, поднял руки:

— Назад! Назад в крепость!

Племя шумно повернуло к перешейку, и там уже стоял Роджер.

Вождь сердито спросил:

— Ты почему не на посту?

Роджер поднял на него твердый, сумрачный взгляд:

— Просто спустился.

Смерть смотрела из его глаз. Вождь не сказал ему больше ни слова, перевел взгляд вниз, на Эрикисэма.

— Ну что — вступаете в мое племя?

— Отпусти меня…

— И меня.

Вождь схватил одно из оставшихся на земле копий и ткнул Сэма под ребра.

— Вы что хотите этим сказать, а? — спрашивал Вождь свирепо. — Зачем с копьями сюда явились, а? Почему в племя вступать не хотите, а?

Копье уже ритмично втыкалось под ребра. Сэм взвыл.

— Да нет, ты не так.

Роджер оттеснил Вождя, только что не толкнув плечом. Вопль оборвался, близнецы лежали и смотрели вверх в немом ужасе. Роджер надвигался на них, облеченный неведомой властью.

Глава двенадцатая
Вопль охотников

Ральф затаился в зарослях и обдумывал, как ему быть со своими ранами. На правом боку был большой кровоподтек, рана кровоточила и вздулась. В волосы ему набилась грязь, они торчали, как усики лиан. Продираясь сквозь кусты, он набил синяков и весь исцарапался. Наконец отдышавшись, он понял, что с мытьем придется подождать. Ну как ты услышишь шаги голых ног, плескаясь в воде? Как укроешься в ручье или на открытом берегу?

Ральф вслушался. Он был, в общем-то, совсем недалеко от Замка, и сначала ему показалось со страху, что это погоня. Но охотники только пошарили по зеленой опушке — наверное, собирали копья — и сразу бросились обратно, к солнечным скалам, будто испугались лесной тьмы. Одного он даже увидел — коричневого, черного, красного — и узнал Билла. Да нет, тут же подумал Ральф, какой же он Билл. Образ этого дикаря никак не хотел сливаться с прежним портретом мальчика в рубашке и шортах.

День угасал; круглые солнечные пятна ровно смещались по зеленым листам и по бурому пуху стволов, со стороны Замка не доносилось ни звука. Наконец Ральф выбрался из кустов и стал пробираться к заслонявшим перешеек непролазным зарослям. Очень осторожно он выглянул из-за веток и увидел, что Роберт сидит на посту, на вершине скалы. В левой руке Роберт держал копье, а правой подбрасывал и ловил камушек. За его спиной подымался густой столб дыма, и у Ральфа защипало в ноздрях и потекли слюнки. Он утерся ладонью и впервые с утра почувствовал голод. Племя, наверное, обсело выпотрошенную свинью и смотрит, как капает и сгорает в золе сало. Смотрит, не отрывая глаз.

Кто-то еще, неопознаваемый, вырос рядом с Робертом, дал ему что-то и снова исчез за скалой. Роберт положил копье и, растопырив руки, заработал челюстями. Значит, пир начался и часовой получил свою долю.

Значит, пока ему ничто не грозит. Ральф захромал прочь, к фруктовым деревьям, к жалкой еде, терзаемый горькой мыслью о пире. Сегодня у них пир, а завтра…

Он старался уговорить себя, что его оставят в покое; ну, может, даже изгонят. Но никуда не

мог деться от нерассуждающей, страшной уверенности. Гибель рога, смерть Хрюши и Саймона нависли над островом, как туман. Раскрашенные дикари ни перед чем не остановятся. И еще эта странная ниточка между ним и Джеком; нет, Джек не уймется никогда, он не оставит его в покое. Ни за что.

Он замер, весь в солнечных пятнах, придерживая поднятую ветку. И вдруг затрясся от ужаса и крикнул:

— Нет! Не могли они до такого дойти! Это несчастный случай.

Он нырнул под ветку, побежал, спотыкаясь, потом остановился и прислушался.

Он вышел к вытоптанному месту, где были фрукты, и начал жадно их обрывать. Встретил двух малышей и, не имея понятия о своем виде, изумился, когда они с воплями бросились прочь.

Он поел и вышел к берегу. Солнце косо скользило по стволам пальм возле разрушенного шалаша. Вот площадка. Вот бухта. Всего бы лучше, не замечая подсказок давящей на сердце свинцовой тоски, положиться на их здравый смысл, на остатки соображенья. Теперь, когда племя насытилось, может, стоит опять попытаться?.. Да и невозможно тут вытерпеть ночь, в этом

пустом шалаше возле брошенной площадки. У него по спине побежали мурашки. Костра нет. Дыма нет. Их теперь никогда не спасут. Он повернул и заковылял к территории Джека.

Дротики света уже застревали в ветвях. Наконец он дошел до прогалины, где всюду был камень и потому не росли деревья. Темные тени затопили сейчас прогалину, и Ральф чуть не бросился за дерево, когда увидел, что что-то стоит прямо посредине; потом разглядел, что белое лицо — это голая кость и на палке торчит и скалится на него свиной череп. Ральф медленно пошел на середину прогалины, вглядываясь в череп, который блистал, в точности как раньше блистал белый рог, и будто цинично ухмылялся. Любознательный муравей копошился в пустой глазнице, других признаков жизни там не было.

А вдруг…

Его проняла дрожь. Он стоял, обеими руками придерживал волосы, а череп был высоко, чуть не вровень с его лицом. Зубы скалились, и властно и без усилья пустые глазницы удерживали его взгляд.

Да что же это такое?

Череп смотрел на Ральфа с таким видом, будто знает ответы на все вопросы, только не хочет

сказать. Тошный страх и бешенство накатили на Ральфа, он ударил эту пакость, а она качнулась, вернулась на место, как игрушка, и не переставала ухмыляться ему в лицо, и он ударил еще, еще и заплакал от омерзенья. Потом он сосал разбитые кулаки, смотрел на голую палку, а череп, расколотый надвое, ухмылялся теперь уже огромной шестифутовой ухмылкой. Он выдернул дрожащую палку из щели и, как копьем, защищаясь от белых осколков, не сводя глаз с обращенной в небо ухмылки, попятился в чащу.

Когда зеленое зарево погасло над горизонтом и совсем наступила ночь, Ральф снова пошел к зарослям перед Замком. Выглядывая из-за веток, он видел, что на вершине все еще кто-то стоит, и этот кто-то держал копье наготове.

Ральф стоял на коленках среди теней, и сердце у него сжималось от одиночества. Ну, да, они дикари, и пусть, но как-никак они — люди. А тут кругом залегли ночные дремучие страхи.

Ральф застонал тихонько. Он устал, измучился, но он боялся забыться, свалиться в колодец сна. Он боялся их. А может, взять и смело пойти прямо в крепость, сказать: «Чур, не трогать меня!» — засмеяться, как ни в чем не бывало, и заснуть рядом со всеми? Притвориться, будто они все еще

мальчики, школьники, те самые, что говорили. «Да, сэр!» — и ходили в школьных фуражках? Ясный полдень еще мог бы ответить — да: но тьма и смертные ужасы отвечали — нет. Он лежал во тьме и знал, что он отщепенец.

— Потому что я еще что-то соображаю.

Он потерся щекой о руку, нюхая едкий запах соли и пота, вонючей грязи. Слева дышал океан, всасывал волны, снова вскипал над той квадратной скалой.

От Замка неслись звуки. Ральф оторвался от качания вод, вслушался и различил знакомый ритм:

— Зверя бей! Глотку режь! Выпусти кровь!

Племя танцевало. Где-то по ту сторону скалистой стены — темный круг, огонь и мясо. Там они смакуют еду, наслаждаются безопасностью.

Он вздрогнул: ближе раздался еще звук. Дикари лезли на самый верх, он узнал голоса. Он пробрался еще немного вперед и увидел, как тень наверху изменилась, расширилась. Так ходить и так говорить могли только двое мальчиков на всем острове.

Ральф лег головой на руки, у него сжалось сердце от этой новости. Ну вот, Эрикисэм теперь тоже в племени. И охраняют Замок — от него. И значит,

нельзя уже их спасти, создать племя изгнанников на другом конце острова. Эрикисэм теперь дикари, Хрюши нет, и рог разбит вдребезги.

Наконец часовой спустился. Двое сменивших его казались черным наростом на скале. За ними зажглась звезда и сразу стерлась от их движенья.

Ральф пополз вперед, он ощупывал неровности, как слепой. Справа были смутные воды, по левую руку, как шахта колодца, зиял неуемный океан. Ежеминутно вокруг смертной скалы вздыхала вода и расцветала белая кипень. Ральф все крался вперед, наконец, он нащупал выступ вдоль стены. Пост был прямо над ним, он даже увидел высунутый кончик копья.

Он окликнул очень тихо.

— Эрикисэм…

Ответа не было. Значит, надо говорить громче. Но тогда насторожишь полосатых врагов на пиру у костра. Он сжал зубы и полез вверх, нащупывая опору. Палка, на которой раньше торчал череп, мешала ему, но он боялся расстаться с последним оружием. Он почти совсем подобрался к близнецам и тогда только снова окликнул:

— Эрикисэм…

Он услышал вскрик, шорох. Вцепившись друг в друга, близнецы бормотали что-то.

— Это я — Ральф.

Он испугался, что они поднимут тревогу, и подтянулся так, что голова и плечи показались над краем. Под локтем, далеко-далеко внизу, вокруг той скалы, светилась белизна.

— Да это же я — Ральф.

Наконец они подались вперед, они вглядывались ему в лицо.

— Ой, а мы думали…

— Мы же не знали…

— Мы подумали…

И тут они вспомнили о своих новых постыдных обязанностях. Эрик молчал. Сэм попытался исполнить свой долг:

— Ты лучше уходи, Ральф. Сейчас же уходи…

И помахал копьем, изображая свирепость.

— Лучше убирайся. Понял?

Эрик кивнул и ткнул в воздух копьем. Ральф опирался на руки и не уходил.

— А я-то шел к вам двоим…

У него сел голос. Горло болело, хоть там не было раны.

— Я-то шел к вам двоим…

Эту тупую боль словами было не выразить. Он умолк. Все небо забрызгали веселые звезды.

Сэм переминался с ноги на ногу.

— Честно, Ральф, ты лучше уйди.

Ральф снова поднял на них глаза:

— Вы же не накрашенные. Как вы можете?.. Да если б было светло…

Если б было светло, они б сгорели со стыда. Но кругом чернела ночь. Эрик заговорил опять; и опять потекла антифонная речь близнецов:

— Уходи, а то тебе же хуже будет…

— Они нас заставили. Они нас мучили…

— Кто? Джек?

— Ох, нет…

Они наклонились к нему, зашептали.

— Ральф, уходи… -…это же племя… -…они нас заставили… -…мы ничего не могли…

Ральф снова заговорил. Голос был сиплый. Его как будто что-то душило.

— Что я ему сделал? Он же мне сразу понравился, я только хотел, чтобы нас спасли…

Снова небо забрызгали звезды. Эрик истово тряс головой:

— Ральф, послушай. Ты не ищи тут смысла. Этого ничего уже нет…

— И не ломай ты голову из-за Вождя…

— Лучше тебе уйти.

— Вождь и Роджер…

— Ох, Роджер… -…они тебя ненавидят, Ральф.

Плохо тебе будет.

— Они завтра идут на тебя охотиться.

— За что?!

— Не знаю я, Ральф. И вот еще, Ральф. Джек, ну, Вождь говорит, это будет опасно… -…и чтоб мы осторожно, и чтоб копья бросать, как в свинью. -…мы растянемся цепью поперек острова… -…и пойдем с этого конца… -…пока тебя не найдем.

— Будем подавать вот такие сигналы.

Эрик задрал голову, постучал себя ладошкой по открытому рту — получился тихий звук, похожий на улюлюканье. И сразу же стал испуганно озираться.

— Вот такие… -…только громче, конечно.

— Да что я ему сделал? — горячо зашептал Ральф. — Я же только хотел, чтоб горел костер!

Он умолк, секунду помолчал, горестно подумал про завтра. Вопрос неслыханной важности пришел ему в голову.

— А что вы…

Он не сразу смог это выговорить, но подстрекнули страх и тоска.

— Когда они меня найдут, они что сделают?

Близнецы молчали. Внизу, под его локтем, снова опушилась белым цветом смертная скала.

— Что они… Господи, как есть хочется…

Отвесная стена будто качнулась под ним.

— Говорите! Что они?..

Близнецы избегали прямого ответа:

— Ты лучше уходи, Ральф.

— Тебе же лучше…

— Держись подальше. Пока можно.

— А вы со мной не пойдете? Трое — это ведь уже сила.

Они промолчали, потом Сэм сдавленно выговорил:

— Ты Роджера не знаешь. Это ужас.

— Да и Вождь. Оба они…

— Ужас, ужас…

— А Роджер еще…

Оба вдруг застыли. Со стороны племени кто-то поднимался.

— Идет проверять, как мы дежурим. Скорее, Ральф!

Прежде чем скользнуть вниз, Ральф ухватился за последнюю возможность, какую давала встреча.

— Я близко залягу; прямо тут, в зарослях, — шепнул он. — Вы их уведите отсюда. Они так близко не станут искать…

Шаги были пока далеко.

— Сэм, ведь все обойдется, ведь правда, Сэм?

Близнецы опять промолчали.

— На! — вдруг сказал Сэм. — Возьми…

Он бросил Ральфу кусок мяса, Ральф его схватил.

— Но что, что вы мне сделаете, когда поймаете?

И — молчанье наверху. Он сам понимал, как все это глупо выходит. Он уже спускался.

— Что вы будете делать?..

Сверху, с нависшей громады скалы, пришел непонятный ответ:

— Роджер заострил палку с обоих концов.

Роджер заострил палку с обоих концов. Ральф мучился, ломал голову, но не мог докопаться до смысла. Он перебрал все ругательные слова, какие знал, в припадке ярости, вдруг вылившемся в зевоту. Сколько можно не спать? Ох, сейчас бы очутиться в постели, на простыне — но ничего тут не было белого, только медлящее свеченье молока, пролитого вокруг той скалы в сорока футах под ним, на которую упал Хрюша. Хрюша теперь был везде, он сидел у него на закорках, он стал страшный теперь из-за тьмы, из-за смерти. Если бы Хрюша вдруг вышел сейчас из воды — с пустой головой… Ральф застонал и опять раззевался, как маленький. Хорошо, что в руке у него

была палка, он качнулся и оперся на нее, как на костыль.

Он снова насторожился, Над Замком зашумели голоса. Эрикисэм громко спорили с кем-то. Ничего, папоротники и трава близко уже. Там можно спрятаться, а рядом чащоба, которая завтра ему послужит. Ну вот — рука нащупала траву, — здесь можно переночевать, совсем рядышком с племенем…

И когда нависнет ужас перед непонятным, можно затеряться среди людей, даже если…

Если — если. Палка, заточенная с обоих концов. Ну и что? Они уже бросали в него копья. И промахнулись, только одно попало. Ничего, может, еще опять промахнутся.

Он сел на корточки в высокой траве, вспомнил мясо, которое дал ему Сэм, и жадно на него набросился. Пока ел, он услышал еще звуки — крики Эрикисэма, крики боли, страха, чьи-то злые голоса. Значит… Значит, не только ему плохо, по крайней мере одному из близнецов тоже, видно, досталось. Потом звуки слились, удалились, ушли за скалу, он про них забыл. Под руками были гладкие, прохладные листы, перед самой чащобой. Он в нее заберется чуть свет, протиснется между сплетенных стволов, так глубоко заползет,

что никому не пролезть, только тоже ползком. Но для того ползуна у него наготове палка. Вот он и отсидится, и облава пройдет мимо, прочешут весь остров, пробегут, прокричат, а он останется на свободе.

Он прополз еще немного, зарылся в папоротники. Палку положил рядом и залег в черноте. Только не проспать, только проснуться чуть свет, чтоб обдурить дикарей, — и тут его настиг врасплох и вниз, вниз, в темную пропасть поволок сон.

Он проснулся, еще не открыв глаза. Звуки были близко. Он открыл один глаз, увидел совсем рядом со щекой рыхлую землю и загреб ее пальцами, а по папоротникам на него стекал свет. Он успел сообразить, что долгое-долгое падение, смерть — остались во сне, позади, что уже утро. И тут он снова услышал звук. На морском берегу улюлюкали, вблизи ответили, еще ответили. Пронзая узкий конец острова от моря до лагуны, крик несся и ухал, как крик птицы на лету. Ральф, не раздумывая, схватил свою острую палку и снова отпрянул в папоротники. Через несколько секунд он ползком пробирался в чащобе, прочь от надвигающихся прямо на него ног дикаря. В папоротники падали тупые, рубящие звуки

— стук, плюханье; шуршала трава. Дикарь — кто, неизвестно — прокричал дважды; ему отозвались с обеих сторон, крик замер. Ральф съежился в зарослях. Снова все было тихо.

Наконец он осмотрелся. Да, здесь его никто не возьмет, не сунутся. Вдобавок ему вообще просто повезло. Глыба, убившая Хрюшу, влетела в заросли и проложила в самой середке узкий след. Тут безопасно. Он порадовался своему везению и находчивости. Осторожно присел среди разбитых стволов — ждать, когда охота пройдет мимо. Выглянул из-за листвы, и в глаза сразу мелькнуло что-то красное. Ну да, это верх Замка, дальний, нестрашный. Он устроился поудобней и приготовился слушать, как будут замирать вдалеке звуки охоты.

Но звуков этих не было; шли минуты, и его торжество растворялось в зеленой тени.

Наконец он услышал голос — голос Джека, но приглушенный:

— Это точно?

Дикарь, которого он спрашивал, не ответил. Наверное, кивнул головой.

Потом голос Роджера:

— Смотри, если ты нас дурачишь…

И — сразу — стон, вопль. Ральф съежился. Зна-

чит, тут один из близнецов, и Джек, и Роджер.

— Ты точно понял? Он тут хотел?

Близнец охнул и снова взвыл.

— Он тут хотел спрятаться?

— Да… да… ой!

По деревьям рассыпался серебряный смех.

Значит, знают.

Ральф схватился за палку. Да что они ему сделают? Им и за неделю не проложить тропу в этих зарослях; ну, а если кто-то один попробует проползти сюда так же, как он, то пусть на себя пеняет. Он потрогал пальцем кончик копья и невесело усмехнулся. Да, кто бы он ни был, голубчик, он у него завизжит, как свинья.

Они удалялись, шли обратно, к Замку. Топот, чье-то хихиканье. И снова этот тонкий, как птичий, летящий над островом крик. Значит, кто-то остался тут, стеречь его, ну а кто-то…

Долгая, ошалелая тишина. Ральф выплюнул кору от обглоданного копья. И встал, посмотрел на Замок.

И сразу услышал сверху голос Джека:

— Раз, два — взяли!

Красную глыбу на стене сорвало, как занавес, оголилась синь неба и фигурки на сини. Земля дрогнула, воздух вспоролся свистом, по верху

чащобы прошелся удар, как гигантской рукой. Глыба, стуча и круша, неслась уже дальше, к берегу, а Ральфа засыпало градом поломанных веток и листьев. За чащей радостно взвыло племя.

И — опять тишина.

Ральф зажал кулаком рот, прикусил пальцы. Осталась еще только одна глыба, которую можно сдвинуть, но она с полдома, с машину, с танк. Он мучительно ясно представил себе, как она стронется, медленно, с уступа на уступ, и огромным паровым катком покатит по перешейку.

— Раз, два! Взяли!

Ральф положил копье, снова поднял. Откинул с лица несносные волосы, шагнул два шага в своем тайнике, вернулся. И замер, глядя на обломанные ветки.

Пока тихо, пока тихо.

Он заметил, как у него часто-часто, ходуном ходит грудь, и удивился. И было видно, как чуть слева от середины колотится сердце. Он опять положил копье.

— Раз, два! Взяли!

И — долгий, заливистый крик.

Потом на красной вершине грохнуло, земля подпрыгнула, стала ровно трястись, и так же ровно нарастал грохот. Ральфа подбросило, пе-

ревернуло, швырнуло на ветки. Справа, совсем рядом, чащоба накренилась строем и корни взвыли и полезли наружу, что-то красное ворочалось наверху, медленно, как мельничное колесо. И потом это красное сразу пронесло, будто мимо, к морю, проломилось стадо слонов.

Ральф, стоя на коленках в колдобине, пережидал, когда земля перестанет дрожать. Наконец разбитые белые пни, расколотые ветки, вся расплющенная чаща дрогнули и стали на место. Что-то давило Ральфа, было трудно дышать.

Опять стало тихо.

Но не совсем. Где-то близко шептались. И вдруг справа сразу в двух местах бешено затряслись ветки. Высунулся конец копья. Ральф в ужасе выбросил вперед копье, изо всех сил ударил.

— А-а-а!

Копье дрогнуло в руке, он его отдернул.

— О-о-о!

Кто-то стонал рядом. Все громче говорили, говорили. Бешено спорили, и стонал раненый дикарь. Потом стало тихо, и голос — нет, это не Джек — сказал:

— Ну что? Я говорил, он опасен!

И опять застонал раненый дикарь.

Что будет, что будет?

Ральф сжал изо всех сил изжеванное копье, опять на лицо ему упали волосы. Бормотали всего в нескольких ярдах от него со стороны Замка. Вот один дикарь охнул: «Ну да?» задушенным голосом; другой тихонько прыснул. На корточках, оскалясь, Ральф посмотрел на стену зарослей, поднял копье, зарычал, стал ждать.

В невидимой группке опять захихикали. А потом он услышал странный, струящийся звук и тотчас за ним уже более громкое потрескивание — будто разворачивают большие листы целлофана. Хрустнул куст. Ральф подавился кашлем. Сквозь ветки белыми и желтыми клоками лез дым, и синий лоскут неба над головой сразу сделался темным, как туча, и вот уже густой дым бился вокруг.

Кто-то захохотал радостно, и голос крикнул:

— Дым!

Ральф пополз по чащобе к лесу, прижимаясь к земле, чтоб его не душил дым. Вот и открытое место, уже видно зелень опушки. Совсем маленький дикарь стоял между ним и лесом, размалеванный красным и белым, с копьем в руках. Он кашлял и, ничего не видя в дыму, тер ладошкой глаза и размазывал краску. Ральф бросился на него, как кошка; зарычал, ударил копьем, дикарь со-

гнулся надвое. В чаще снова орали, а страх уже гнал Ральфа через подлесок. Он добрался до лаза, пробежал по нему ярдов сто, бросился в сторону. Сзади, пересекая остров, опять пронеслось улюлюканье и трижды прокричал одинокий голос. Он понял — это сигнал, они надвигаются, и снова побежал так, что у него чуть не выпрыгнуло сердце. Он свалился под куст, лежал, стараясь немного отдышаться. Щупал языком зубы и губы и слушал крики погони.

Можно еще всякое сделать. Влезть на дерево, например, — но нет, это слишком рискованно. Обнаружат — и тогда им только выждать останется.

Ах, если б было время подумать!

Снова с того же расстояния прокричали два раза, и он разгадал их план. Тот, кто застрянет в зарослях, должен крикнуть два раза — сигнал всей цепи подождать, пока он не выберется. Чтобы так, сплошной цепью, прочесывать остров. Ральф вспомнил, как легко прорвал тогда цепь тот кабан. Значит, если они подойдут совсем близко, можно прорваться и убежать. Убежать… Но куда? Они повернут и снова его погонят. А потом… надо же еще когда-то есть, спать, и проснется он уже в их кольце. И его затравят.

Что делать, что делать? На дерево? Прорваться, как тот кабан? Нет, и то и другое — ужас.

Снова — одинокий крик, сердце у него оборвалось, он вскочил, бросился в сторону океана, по непроходимым джунглям, застрял и повис в лианах. На миг он замер, только дрожали икры. Ох, если б пощада, передышка, время подумать!

И снова, дерущее, неотвратимое, по острову понеслось улюлюканье. Он прянул, как конь, опять побежал, опять задохнулся. Опять плашмя бросился в папоротник. На дерево? Или прорваться? На миг он перевел дух, вытер рот, приказал себе успокоиться. Где-то в этой цепи идут же Эрикисэм, и они-то сами не рады. Хотя… Да и не обязательно он попадет на Эрикисэма, можно наткнуться на Вождя, на Роджера, а Роджер — сама смерть…

Ральф откинул с лица спутанные лохмы, стер с нераспухшего глаза пот. Сказал вслух:

— Думай.

Как тут поступить разумно?

Нет рядом Хрюши. Некому надоумить. И собрания нет — все б обсудили серьезно, — и нет защиты рога.

— Думай.

Больше всего он теперь боялся этого занавеса,

который мог вдруг снова затрепыхаться в мозгу, заслонить ощущенье опасности, сделать из него несмышленыша.

Третий выход — запрятаться так, чтоб они не заметили и прошли.

Он поднял голову от земли, прислушался. К прежним звукам прибавился новый — низкое бормотанье, ворчанье, будто сам лес сердится на него — густой, темный гул, и по нему, царапаньем мела по грифелю, мерзко взвизгивало улюлюканье. Он узнал этот гул, он уже его слышал раньше, только не было времени вспомнить, где и когда.

Прорваться.

Влезть на дерево.

Спрятаться, и пусть пройдут.

Крик раздался вдруг совсем рядом, и он вскочил на ноги, побежал сквозь кусты терновника, ежевики. Вдруг вылетел на прогалину — опять на ту же, но саженная расколотая улыбка свиного черепа теперь не посылалась с вызовом просвету сини, а глумливо дразнила дымный навес. Ральф снова вбежал под деревья, и смысл темного гула открылся ему. Его выкуривают. Они подпалили остров.

Спрятаться лучше, чем лезть на дерево: если найдут, еще можно будет прорваться.

Значит — спрятаться.

Интересно, согласилась бы с ним свинья? И Ральф скорчил деревьям гримасу. Значит — найти самые густые заросли, самую темную дыру на всем острове и туда залезть. Он теперь осматривался на бегу. По нему прыгали солнечные штрихи и кляксы, высвечивали на грязном теле блестящие полоски пота. Крики были уже далеко, еле слышны.

Наконец он выбрал подходящее место, да и некогда было раздумывать. Кусты и лианы соткали тут плотный ковер, не пропускавший солнца. Под ним оставалось пространство примерно с фут высотой, правда повсюду проткнутое торчащими ростками. Можно туда заползти, в самую глубь, на пять ярдов от края, запрятаться. Вряд ли какому-нибудь дикарю придет в голову ложиться на землю и тебя высматривать; да то ты будешь во тьме. Ну, а в случае чего, если он тебя даже увидит — можно броситься на него, прорвать их строй, сбить, сделать петлю и остаться сзади.

Волоча за собой копье, Ральф осторожно полез между торчащими ростками. Забрался в середину, залег и прислушался.

Пожар был большой. Барабанный бой, который, он думал, остался далеко позади, снова стал

ближе. Вообще-то ведь огонь обгоняет бегущую лошадь? В пятидесяти ярдах от него землю забрызгали солнечные пятна. И вдруг у него на глазах каждое пятнышко подмигнуло. Это было так похоже на порханье злосчастного занавеса, что сперва он решил — показалось. Но вот они замигали все чаще, померкли и стерлись, и он увидел, что дым тяжко пролег между солнцем и островом.

Ну, пусть даже кто-то заглянет в кусты, даже различит человеческое тело, так, может, это будут Эрикисэм, и они притворятся, что ничего не заметили, они промолчат. Он лег на темно-шоколадную землю щекой, облизал сухие губы, закрыл глаза. Под чащобой легонько дрожала земля; а может, это был звук, тихий, неразличимый за темным гулом пламени и царапающими взвизгами улюлюканья.

Кто-то крикнул. Ральф оторвал щеку от земли, уставился на мутный свет. Они уже близко. Сердце ухало и обрывалось. Спрятаться, прорваться, залезть на дерево? Что делать? Выбрать, выбрать — потом не исправишь.

Огонь подбирался. Залпы — это трещат и взрываются ветки, даже стволы. Идиоты! Вот идиоты несчастные! Фруктовые деревья сгорят — а что

они завтра есть будут?

Ральф съежился на своей узкой постели. Терять-то уже нечего! Да и что они ему сделают? Изобьют? Подумаешь? Убьют? Палка, заостренная с обоих концов…

Крики были совсем близко, его подбросило, как на пружине. Полосатый дикарь быстро шел из зеленых зарослей к его укрытию, дикарь с копьем. Ральф впился ногтями в землю. Что ж. Приготовиться.

Ральф повертел копье. Острием надо вперед. Но палка, оказывается, была заострена с обоих концов.

Дикарь остановился в пятнадцати ярдах и — крикнул.

Может, услышал в шуме костра, как стучит мое сердце. Только не крикнуть. Приготовиться.

Дикарь надвигался. Уже только ноги видны. И копье. Вот уже выше колен ничего не видно. Только не крикнуть.

Стадо свиней с визгом выскочило из зелени у дикаря за спиной и метнулось в лес. Вопили птицы, пищали мыши, кто-то крошечный прыгнул к нему под ковер, затаился. Вот дикарь совсем близко, в пяти ярдах стоит. И опять закричал. Ральф подтянул ноги, приподнялся, готовый к

прыжку. У него в руках был кол, заостренный с обоих концов кол, этот кол дрожал и метался, стал короче, длиннее, короче, длиннее, тяжелее, легче опять.

Улюлюканье разлетелось от берега до берега. Дикарь опускался на колени у зарослей, а сзади по лесу метались огни. Вот колено вмялось в землю. Теперь второе. Обе руки. Копье.

Лицо.

Дикарь вглядывался во тьму. По сторонам он, конечно, еще видел свет, но только не тут, в середине. В середине — плотный ком темноты. Дикарь весь сморщился, расшифровывая темноту.

Секунды тянулись. Ральф смотрел дикарю прямо в глаза.

Только не крикнуть.

Ты еще вернешься домой.

Увидел. Проверяет. Заостренной палкой.

Ральф крикнул — от страха, отчаянья, злости. Ноги у него сами распрямились, он кричал и кричал, он не мог перестать. Он метнулся вперед, в чащобу, вылетел на прогалину, он кричал, он рычал, а кровь капала. Он ударил колом, дикарь покатился; но на него уже неслись другие, орали. Он увернулся от летящего копья, дальше побежал уже молча. Вдруг мелькающие впереди

огоньки слились, рев леса стал громом, и куст на его пути рассыпался огромным веером пламени. Ральф бросился вправо, сердце выпрыгивало, он мчался, огонь накатывал, как прибой. За ним летело улюлюканье, коротенькие, тонкие выкрики: видят, видят. Справа вырос кто-то темный, остался сзади. Все бежали, голосили как бешеные. Вломились в подлесок, а слева гремел горячий огненный гром. Ральф забыл раны, голод, жажду, он весь обратился в страх. Страх на летящих ногах мчался лесом к открытому берегу. Перед глазами прыгали точки, делались красными кольцами, расползались, стирались. Ноги, чужие ноги под ним устали, а бешеный крик стегал, надвигался зубчатой кромкой беды, совсем накрывал.

Он споткнулся о корень, настигающий крик взвился еще выше. Шалаш взорвался в огне, огонь хлопал за правым плечом, впереди блеснула вода. И он упал, он кубарем покатился на горячий песок, он заслонялся руками и старался вытолкнуть из горла крик о пощаде.

Потом он встал, качаясь, весь натянулся, приготовился к новому ужасу, поднял глаза и увидел огромную фуражку. У фуражки был белый верх, а над зеленым козырьком были корона, якорь, золотые листы. Он увидел белый тик, эполеты,

револьвер, золотые пуговицы на мундире.

Морской офицер стоял на песке и настороженно, удивленно разглядывал Ральфа. За ним, на берегу был катер, его вытащили из воды и держали за нос двое матросов. В катере стоял еще матрос и держал автомат.

Крик охотников запнулся и оборвался.

Офицер еще поглядел на Ральфа с сомненьем, потом снял руку с револьвера.

— Здравствуй.

Думая о том, как постыдно он выглядит, ежась, Ральф робко ответил:

— Здравствуйте.

Офицер кивнул, будто услышал ответ на какой-то вопрос.

— Взрослых здесь нет?

Ральф затряс головой, как немой. Он повернулся. На берегу полукругом тихо-тихо стояли мальчики с острыми палками в руках, перемазанные цветной глиной.

— Доигрались? — сказал офицер.

Огонь добрался до кокосовых пальм на берегу и с шумом их проглотил. Подпрыгнув, как акробат, пламя выбросило отдельный язык и слизнуло верхушки пальм на площадке. Небо было черное.

Офицер весело улыбался Ральфу:

— Мы увидели ваш дым. У вас тут что? Война?

Ральф кивнул.

Офицер разглядывал маленькое пугало. Ребенка надлежало срочно помыть, подстричь, утереть ему нос, смазать как следует ссадины.

— Обошлось без смертоубийства, надеюсь? Нет мертвых тел?

— Только два. Но их нет. Унесло.

Офицер наклонился и пристально вглядывался в лицо Ральфа.

— Двое? Убитых?

Ральф снова кивнул. За его спиной весь остров дрожал в пламени.

Офицер разбирался, как правило, когда ему лгут, а когда говорят правду. Он тихонько присвистнул.

Появлялись еще мальчики, некоторые совсем клопы, темные, с выпяченными, как у маленьких дикарей, животами. Один подошел к офицеру вплотную, поднял глаза.

— Я… я…

Далее ничего не последовало. Персиваль Уимз Медисон откапывал в памяти свою магическую формулу, но она затерялась там без следа.

Офицер повернулся к Ральфу:

— Мы вас заберем. Сколько вас тут?

Ральф только тряс головой. Офицер посмотрел мимо него на размалеванных мальчишек:

— Кто у вас главный?

— Я, — громко сказал Ральф.

Мальчуган в остатках немыслимой шапочки на рыжих волосах, с разбитыми очками, болтавшимися на поясе, шагнул вперед, но тут же передумал и замер.

— Мы увидели ваш дым… Так вы даже не знаете, сколько вас тут?

— Нет, сэр.

— Казалось бы, — офицер прикидывал предстоящие хлопоты, розыски, — казалось бы, английские мальчики — вы ведь все англичане, не так ли? — могли выглядеть и попристойней…

— Так сначала и было, — сказал Ральф, — пока…

Он запнулся.

— Мы тогда были все вместе…

Офицер понимающе закивал:

— Ну да. И все тогда чудно выглядело, просто «Коралловый остров».

Ральф стоял и смотрел на него, как немой. На миг привиделось — снова берег опутан теми странными чарами первого дня. Но остров сгорел,

как труха. Саймон умер, а Джек… Из глаз у Ральфа брызнули слезы, его трясло от рыданий. Он не стал им противиться; впервые с тех пор, как оказался на этом острове, он дал себе волю, спазмы горя, отчаянные, неудержимые, казалось, сейчас вывернут его наизнанку. Голос поднялся под черным дымом, застлавшим гибнущий остров. Заразившись от него, другие дети тоже зашлись от плача. И, стоя среди них, грязный, косматый, с неутертым носом, Ральф рыдал над прежней невинностью, над тем, как темна человеческая душа, над тем, как переворачивался тогда на лету верный мудрый друг по прозвищу Хрюша.

Офицер был тронут и немного смущен. Он отвернулся, давая им время овладеть собой, и ждал, отдыхая взглядом на четком силуэте крейсера в отдаленье.